

Ген. И. И. КОНОВОДОВ

КАЗАЧИЙ НАРОД

ЧАСТЬ 2

Издание
Казачье-Американского Народного Союза
Нью-Йорк, Н. И., С.Ш.А.
1965 год.

КАЗАЧИЙ НАРОД

Часть 2.

Издание

Казачье-Американского Народного Союза

Нью-Йорк, Н. Й., С. Ш. А.

1965 г.

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ В МОСКОВСКОЙ СМУТЕ.

Историки Московии "Смутное время", самый тяжелый период в жизни государства, чтобы затуманить абсолютную неспособность ведущего слоя и самого народа мыслить и действовать, согласно требованиям эволюции самой жизни, для благоденствия народного, смуту, как таковую, стараются приписать не самому обществу Московии, а найти "стрелочника". Таковым, по их мнению, и являлись казаки, на которых и свалили всю вину. Так, например, историк Забелин, ярый казакофоб, пишет: "охотно соглашаемся, что именно казаки, если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно ее распространили" и продолжает: "мы скажем одно, что вся эта казачья политическая ненависть против государства выражалась по преимуществу разорением крестьянина, опустошением земли крестьянской".

Прочитавши эту глупую цитату, читатель, вероятно, подумает, что Московским государством управляли Казаки, которые и довели до разорения крестьянина и опустошения земли. Но, ведь, государством правил неограниченный самодержец, грабили народную массу бояре, дворяне безнаказанно, и довели крестьян до того, что они стали разбегаться. Участие казаков в "Смуте" вызвано было вовсе не желанием вносить хаос в Московии, а наоборот, стараться как можно поскорее покончить эту смуту, чтобы имея спокойный тыл, вести неустанную борьбу с турками и татарами.

Борис Годунов, возсевши на престол, был завершителем Московского самодержавия: крестьяне были прикреплены к земле и фактически стали "крепостной" собственностью владельцев поместий и вотчин, т.е. поместного дворянства. Помещики стали государями и владыками крестьян, а эти последние холопами и рабами. Распространить свою власть и на Казачий народ и превратить его в рабов, вздумал зарвавшийся самодержец Борис Годунов в 1594 году. Он потребовал от казаков о заключении мира с Азовом "хотя бы вам казакам какая досада от Азова была учинена", иными словами: православный царь предоставлял полное право туркам производить над казаками самоуправство. В противном случае, Годунов угрожал: "и вам казакам от нас быть в великой опале и казни и впредь в Москву вам к нам николи не бывать, и поплем на низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставим крепость и вас сгоним с Дона от нас и от турецкого султана".

Уход с Дона добровольный или силой Москвы, значило-уничтожение единственной преграды Турции на путях к захвату Москвы, и отобрания от нее единоплеменных татар Казани и Астрахани.

Стремление Москвы-заключить мир с Турцией исходило не из государственных интересов, а из опасения Донского Войска, как великого соблазна и революционного очага для населения Московского государства, тем большего, чем сильнее закрепощалось крестьянство и расширялось на него московское иго.

Несмотря на религиозное различие, Москва стала фактически родственна Турции, и несмотря на единство Веры, Москва стала Дону чужим и более ненавистным, чем Турция.

После ультиматума Годунова, были совершенно прерваны всякие отношения с Москвой, но и закрыты порубежные города для торговли в них казакам. Таким образом, установлена была Годуновым экономическая блокада.

Заигрывание с Турцией не привело к мирным отношениям и дало лишь свободу действий Крымским татарам к набегам. В 1598 году татары и азовцы напали на пределы Московии в таких размерах, что случилось бы тоже, что было в 1571 году/захват Москвы/. Но Донское Войско, несмотря на разрыв сношений, послало весть в Москву, а поэтому Годунов успел собрать войском, преградив путь татарам и туркам на р. Оке, у Серпухова, отразил вторжение, в этом приняли участие и Донские казаки.

У казаков было одно отношение к власти Москвы и другое к рабскому населению его. Отбитых у турок пленных, Дон посылал Москве, не требуя даже расходы по их прокормлению. Казаки считали священной своей обязанностью

спасение и предохранение христианского люда от неволи татар и турок. Религия осуществлялась различно: в Москве к обряду и постройке церквей, а казаки, спасая христиан, жертвовали жизнями "за други своя".

Годунов не понимал величие Казачьего духа и оценить благородную жертвенность не мог. После отражения татар, из отряда казаков, посланного на помощь Годунову, прибежал на Дон казак Нехорошко Картавий и доложил: "на Москве их товарищам нужда великая, государева жалованья не дают, а на Дон не пускают, а служат казаки на своих конях и корму им не дают, а иных в холопы отдадут".

Блокада Годунова тяжело отразилась для Дона, т.к. из Московии казаки получали продовольствие и боевые припасы и вели торговлю. Угрозой же установления совместных действий с Турцией, Годунов перепел всякие границы и вызвал против себя у Донцов враждебные действия.

Казаки приняли участие в "Смуте" не против Московского государства, не против даже царской власти, а против лично Годунова. Защиту своей независимости казаки повели не на берегах Дона и не на рубежах Московии, а перенесли ее в самую Москву.

После прибытия послов от Лжедмитрия на Дон в 1603 году, казаки не сразу откликнулись, а были сперва посланы Войском Атаманы Андрей Корела и Михаил Межаков с десятью казаками, чтобы удостовериться в личности претендента на московский престол.

Казачьи послы прибыли в г. Краков, приведя в изумление всю польскую знать своим изящным одеянием, красотой оружия, прекрасным тактом в беседах с гонимыми поляками и своей особой, дисциплинированностью и воспитанностью.

Послы подметили, что Дмитрий с одной стороны убедились, видя какой честью он окружен не только поляками, но главным послами московскими, которые перед ним падают на колени, послы поверили в подлинность спасенного царевича Дмитрия и Донские казаки решительно стали на его сторону, против ненавистного им Бориса Годунова, и этим решили судьбу и того и другого.

Убеждение казаков в истинности происхождения Дмитрия имело для казаков громадное значение, ибо для них открывалась возможность, что его поддержит весь народ Московии и пойдет против Годунова. Казаки знали идеологию народа "о справедливом, крестьянском царе; о царевиче, тоже пострадавшем, который придет, освободит от Гнета и Ига и установит Благо и Справедливость".

Такой царевич обаялся. Он был для народа истинным и желанным, сыном того царя Грозного, который рубил неудержимо головы боярам, воеводам и дворянам, всем притеснителям православного люда. Дон свои интересы сочетал с интересами населения Московии-крестьянством, и в расчете на Дмитрия не ошибся. Отряд в 6.000 казаков с Атаманом Смагой Чертенским выступил на помощь царевичу на сборное место, в г. Путивль.

Борис Годунов, узнав о посылке послов в г. Краков, прислал на Дон вновь Петра Хруцева, которого в 1593 году навязывали Дону в воеводы, как "знатока" Донских дел. Хруцева арестовали и отправили в Путивль, где Хруцев, упал на колени и со слезами на глазах, признал Дмитрия за сына Грозного.

Сила, доблесть, несокрушимость Донского отряда была видна из того, что посланное Годуновым войско в 80.000 человек, не могло, на протяжении шести месяцев, одолеть его, во главе с Атаманом Андреем Корелой, засевавшего в г. Кромах. В результате этих сражений, московские войска считая Корелу "колдуном", замитинговали и перепли на сторону Дмитрия, который 20 июня 1605 года торжественно въехал в Москву, а перед тем Борис Годунов умер. Мать Дмитрия, жена Грозного, инокиня Мария Ногай признала Дмитрия за сына, и они на глазах народа, проливали слезы радости от встречи. У народа не оставалось уже сомнений в истинности царевича.

После воцарения, Дмитрий отпустил Донских казаков на Дон и это было величайшей его ошибкой, повлекшей за собой не только утерю трона, но и

самой жизни. Царь остался без реальной силы, без опоры своего трона. Польская свита споры дать не могла, а создать ее в народе из народа-требовалось продолжительное время.

После воцарения Дмитрия, князь Василий Шуйский, довольно отъявленный интриган, повел тайную работу для свержения с трона Дмитрия. Путем подкупа, лжи и милостивых обещаний, ему удалось поднять в Москве бунт по избению поляков/было убито 2.000 человек/, во время которого был убит и сам царь. Кто он был, до сих пор точно не доказано. Говорили, "что это монах Григорий Отрепьев, но физические признаки, по которым мать признала его: несколько укороченная правая рука и родинка на правой щеке, говорят в пользу царевича.

После убийства Дмитрия, в сущности началась Московская смута. Это была борьба правящих сословий: бояр - дворян за сохранение социально-экономического их положения, и борьба низших сословий против них, за освобождение от рабства. Казацьи основы-выборность власти, вольность и равенство приняты были крестьянством, как готовая программа. Но воплотить в жизнь эту программу народ Московии оказался неспособным, он не был способен организовать для вооруженной борьбы против бояр и поляков и, поэтому получился парадокс: крестьянство прибегло к помощи того же помещного дворянства, от кабалы которого хотело освободиться.

В интересах Донских казаков было не продолжение Смуты, как утверждают Забелин, Соловьев и Платонов, а прекращение, т.к. она отвлекала с Дона казачьи силы и мешала ведению Доном войны против Турции.

На престол был избран, вернее "выкрикнут" московской чернью исключительно, а не Земским Собором, поддержанный боярами князь Василий Шуйский, старший из "Рюриковичей".

Семья Бориса Годунова той же чернью была взята из дворца на старый Борисов двор, где 10 июня были убиты вдова и сын Бориса-Федор, принявший было царство, а его дочь, запертая в тюрьму, подверглась боярами "в поруганную узницу".

После смерти Дмитрия, фрейлины его жены Марины, были расхвачены боярами по своим домам. Через год они уже были матерями/Иловайский см.вр.103/.

Что же представлял собой Василий Шуйский?

"Во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе, и всяко любочество пресякну; его ради кровь проливается многая; он государь несчастлив; глад и меч царева ради несчастья; человек глуп и нечестив, пьяница и блудник". /Платонов "Очерки смуты", стр.168/.

Как для Донских казаков, так для низшего населения Московии, избавившись от боярского царя Бориса Годунова, царь Шуйский тоже "боярский царь" был абсолютно неприемлив, ибо со стороны его ожидалась казни за поддержку Дмитрия и восстание началось, с появлением другого самозванца, поддержанного Польшей. Кто он-неизвестно! В русской истории числится: "ВОР!"

Восстание на Украине получило быстрое развитие, т.к. воспользовалось готовым образцом путей движения: Путивль и Кромы. В 1606 году главой восстания оказался путивльский воевода князь Григорий Шаховской. От него имени стал действовать знаменитый "большой воевода" Иван Болотников. Устроив войско, он двинулся к Кромам, где встретил воеводу Шуйского и князя Юрия Трубецкого, и ловким маневром заставил их отступить и преследуя их, пошел к Москве, увлекая и крестьян и служилых людей, недовольных правительством. Подойдя к Москве, оказалось, что мятежная гать не имела внутреннего социального единства. Болотников стал знаменит тем, что целью восстания было не только политический переворот-свержение Шуйского, но переворот общественный-ниспровержение крепостного права.

Подлинного текста его воззваний не сохранилось/скорее всего они скрыты/. Но на языке Москвы было прямое "воровство", т.е. преступление, почему и все войско Болотникова получило имя "воров". Идя к Москве, оно на деле осуществляло программу своего вождя: "собрахуся боярские люди и крестьяне/говорит летописец/, с ними же пристаху украинские посадские люди и

стрельщи, и начана по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих дома разоряху и животы/имущество/грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху".

Рать Болотникова подошла к Москве, ясно и определенно покушавшаяся на демократическую ломку существовавшего строя. Это было крупной и неожиданной новостью в развитии Московской Смуты. И когда рать подошла, то часть ее, главным образом, рязанцы служилые люди, ознакомившись с программой Болотникова, не могла разделять ее, ибо сами были земледельцами и рабовладельцами, сами сидели на воеводствах по городам и были заинтересованы в укреплении за ними крестьян и холопов. И после некоторого раздумья репили бросить своих союзников "воров" и перешли на сторону Шуйского с покаянием.

Социальное расслоение разрушило политический союз. Это обстоятельство дало возможность Шуйскому собрать большое войско, в июне 1607 года осадить г. Тулу - сосредоточие "воров" и разгромить их, взять в плен руководителей князей Шаховского и Телятевского и Болотникова, и с ними более опасных перепепать. Победа, казалась полная. Бесъ Юг Шуйский отдал для грабежа и убийств татарам и черемисам.

Болотников действовал без претендента на трон. Но, вот, в июне 1607 года, он - "Вор" появился в Стародубе Северском. Паны Польши и Литвы создали ему войско, а именно: Сапега, князь Роман Рожинский, Тышкевичи и др. К этому ядру примкнули и московские; также прибыли станицы Атамана Ивана Заруцкого с Дона и Днепра. Поляк Лисовский об, ехал всю Московскую Украину, собирая Тульских беженцев, снабжая их провиантом и оружием. Собралось около 30000 человек. Весною 1608 года началась война.

Московские войска терпели поражение и "Вор" шел победным маршем и основал главную квартиру в селе Тушине, в нескольких верстах от стен Москвы. Гетман Рожинский решил дать генеральное сражение 25 июня 1608 года, но результата не достиг. Штурм Москвы тоже не удался. Блокада Москвы тоже не удалась. Но на сцену появился молодой талантливый князь Скопин-Шуйский. С ним было 3.000 человек и отряды ландскнехтов, которые были даны ему шведским королем за уступки городов от Ямы до Корелы. С этими силами Скопин стал теснить "воров", которые постепенно очистили Тушино и ушли к Волсколамску.

В среде тушинцев был на первом месте Филарет Романов. При первом Дмитрии он был поставлен митрополитом в Ростов. При Шуйском "наречен" патриархом всея Руси, но через 2-3 дня "скинут". Тушинцы взяли его в плен в Ростове и привезли к "Вору" и тот возвел его в "патриархи".

Простить вероломство Шуйского он не мог и остался в Тушино. Как сам Филарет, так и вся знать около него, предпочли вступить в сношение с королем Польши Сигизмундом. Начались переговоры и 4 февраля 1610 года был заключен договор под Смоленском, по которому приглашался сын короля Владислав на московский престол, с принятием православия. В Москве же к этому времени скопились большие силы с приходом Скопина. Но во время праздника и пира, жена одного из Шуйских - Дмитрия, из черной зависти, поднесла кубок вина Скопину с отравой и Скопин скоропостижно скончался. Весть об отравлении Шуйскими разнеслась по Москве. В предстоящем походе против Сигизмунда, на место Скопина, был поставлен брат Василия - царя, который был "сердцем лют, но не храбр". Захваченный на походе врасплох гетманом Рожинским, был на голову разбит у с. Калушино. Московские ратные люди разбежались; шведы отошли в Новгородскую Землю. В Москве вспыхнул мятеж, который возглавили князь Василий Голицын и рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, оба мечтавшие попасть в цари. Против Шуйского стоял и Филарет Романов. Возбужденная толпа отправилась в Кремль, вывезла царя Василия из дворца, арестовала его братьев, а чтобы Василий не вернулся на царство, его насильно постригли и заперли в Чудовом монастыре.

Наступила полная анархия. Приняв командование над польским войском, гетман Жолковский подошел к Москве и совершенно лояльно предложил

Москве кандидатуру Владислава и просил Москвичей дать ответ. Высшая московская знать стояла за Владислава, а поэтому наспех собранный Собор, заключил договор с Жолковским и привели Москву к присяге царю Владиславу. Войска Жолковского прогнали войско "Вора". Он был уступчив и ласков с москвичами, снискал доверие патриарха и бояр, отправил "великих" послов к Сигизмунду во главе с Филаретом. Польское войско, как уже "дружественное", вошло в Москву. Жолковский писал Сигизмунду, что Москва не пленена и не покорена, а добровольно приведена в соглашение. Но Сигизмунд понимал дело иначе, что Московское государство у ног его и поэтому должно повелевать и стать самому Московским царем.

Узнав о этой глупой политике короля, Жолковский подал в отставку и уехал на родину, оставив за себя Александра Гонсевского, который по приказу короля, установил в Москве диктатуру, в тисках которой бояре, по их словам: "в то время все живы не были".

В конце 1610 года, в Московском государстве своей власти уже не было, а была иноземная диктатура. Попытке бояр о политической унии с Польшей, Сигизмунд нанес последний удар боярству, и на смену разбитого класса, должны бы были стать общественные силы, не желавшие принимать Сигизмунда царем. Но этих сил не было, московский люд оказался неспособным к отрешению поляков, хотя патриарх Гермоген, необладающий ни умом, ни широтой кругозора, не восприимчивый, но упрямый, запретил своей пастве целовать крест Сигизмунду.

К этому моменту второй Лжедмитрий-"Вор", был убит в Калуге. Это дало возможность повести пропаганду о восстании против поляков, но сил не было. Всеводе Рязани Прокопий Ляпунову удалось сговориться с Атаманом Иваном Заруцким и князем Д. Трубецким, возглавлявших казачье войско. К ним с Дона прибыл Донской Атаман Просовецкий, с указаниями поспешить с ликвидацией Смуты, т.к. это отнимает силы против турок.

В общем был создан триумвират: Трубецкой, Заруцкий и Ляпунов. Этот триумвират и явился временным правительством безголового московского государства.

Ляпуновым был написан приговор, по которому за службу казаки должны были получить жалованье, но их атаманы не должны быть назначаемы на должности по местному управлению; что же касается крестьян, то они должны быть прикреплены к помещикам.

Все содержание приговора 30 июня 1611 года было направлено против казаков и крестьян, приведшее их в состояние раздражения. Повидимому, Ляпунов, метивший в цари, чувствовал сильнее Трубецкого и Заруцкого, и стал рассылать приказы тайно убивать казаков, собирающих по окрестностям корм для себя и коней. Кроме того, была перехвачена грамота Ляпунова к королю Сигизмунду о том, что он готов предать казаков с условием, что Сигизмунд откажется от трона в пользу Владислава.

К этому казачьему раздражению появился еще факт, усиливавший гнев: 28 казаков помощником Ляпунова Плещеевым были потоплены.

Казаки потребовали Ляпунова для дачи объяснения на Майдан, но он не явился. Это возбудило подозрение. Его позвали вторично и когда он появился, и его поведение, при объяснениях, гордое и ложное, убедило казаков в его преступных замыслах. Казаки зарубили его на месте. Таким образом, созданное коллективное ополчение было разрушено Ляпуновым. Сторонники его разбежались.

Поэтому, "воровские казачьи власти", как пишет казакофоб Платонов, оказались в положении центрального правительства для всей страны, ездили по дорогам станицами и побивали". Кого они могли побивать? Крестьян? Так они были для казаков социальными союзниками. Бояр? Так они сидели в Москве с польским гарнизоном.

Население не знало, кому подчиняться. Утратив привычную организацию боярского управления, оно не имело вождей, как Скопина и Ляпунова. Подчиняться полякам не хотело, потому они-враги, а казакам потому, что они

пристрастны к "воровству", а именно "всяк всякому равен", что вызвало злобу служилого земледельческого класса. И поэтому, искали спасения в "чудесах и видениях", при этом, патриарх Гермоген, по своей тупости, призывал народ не подчиняться казакам, а мудрые правители Троице-Сергиевской Лавры игумен Дионисий и келарь Авраамий Палицин, выдержавшие страшную осаду войск Сапеги, блистательного грабителя той эпохи, наоборот призывали народ действовать против поляков в единстве с казаками, которых считали единственной силой, способной разгромить поляков.

Заруцкий и Трубецкой оказывали всегда помощь Дионисию, который и писал грамоты Земщине и звал ее на помощь подмосковному Казацкому войску, против поляков и изменников бояр, сидевших в Москве.

Гермоген же упорно звал Земщину сперва на казаков, а затем уже на поляков, и Земщина пошла не за Троицкой братней, а за тупым и упорным рабовладельцем Гермогеном.

К тому времени, в Нижнем Новгороде, стало организовываться дворянское ополчение, под руководством торговца Кузьмы Минина / "убогая купля питаяся", как он говорил хитро / и князя Дмитрия Пожарского, который получив грамоту Гермогена, писал Земщине о Казаках: "мы дурна никакого им учинить не дадим, дурна никакого вора не дадим".

Минин энергично собирал деньги и кричал всюду: "заложим жен и детей", но не заложил ни свою жену и детей, а также жен и всего дворянского ополчения, а драг с посадских людей и крестьян "пятую" часть имущества, а неуплативших загонял в кабалу-рабами, применяя самые жестокие меры. Ополчение пробыло в Нижнем 2 месяца, а затем передвинулось в г. Ярославль.

Пожарский не спешил идти под Москву. По этому поводу Платонов пишет: "В самом деле, что было ему делать под Москвой? Там-оба его врага держали друг друга в неподвижности: казачья рать не могла ни выпустить поляков из осады, ни сама безнаказанно уйти от стен Кремля и Китай-города. Придя под Москву, Пожарский рисковал, подобно Ляпунову, стать жертвой нового междоусобия, уже раз сгубившего народное /! / дело / о "народном" всего меньше беспокоились, а лишь о интересах высших классов / . Оставаясь в Ярославле, он мог спокойно выжидать событий, увеличивать свою рать". Вот так патриот? Ясно, что этот трус выжидал, что казаки рдни разгромят поляков. Ополчение протопталось еще 4 месяца в Ярославле и, живя спокойно, жирно питаясь и не думало спасать отечество.

Ополчение начало организовываться для "освобождения" отечества лишь после того, как власть государственная всецело оказалась в руках Казаков, до этого же времени оно к господству Поляков на Москве, относилось довольно равнодушно. Это Казацкое первенство в государстве и возбуждало у дворян жгучую ненависть и злобу против Казаков. Но из практики Минина выяснилось, что многие не хотят вносить "пятую" часть, это свидетельствует об отсутствии чувства патриотизма самого народа. Минин отлично знал этот "патриотизм" и поэтому и принимал бесчеловечные меры.

Медлительность Пожарского стала раздражать всех, кто понимал точно создавшуюся обстановку: и Казаки и Троицкая Лавра обрапались к "рати" поторопиться, ввиду крайне опасного положения государства, но все было тцетно. Тогда Авраамий Палицин вынужден был поехать в Ярославль, чтобы убедить ополчение поспешить на помощь государству, но возвратился оттуда в угнетенном состоянии: нашел он там только "мятежников" / спорящих о власти / ; "ласкателей" / интриганов / и "трапезолюбителей" / пьянствующих / , а не боголюбцев, воздвигающих гнев велик и свару между воевод и во всем воинстве".

Вот один, самый умный общественный и духовный деятель об,ективно охарактеризовал "спасителей отечества", во главе с Пожарским и пресловутым Мининым. Впоследствии этого великого человека сослали в Соловецкий монастырь, где он и умер, не воспетый "отечеством".

Первой и главной причиной Ярославской медлительности было полное отсутствие у дворянской рати подлинного энтузиазма, и это отсутствие подлинного патриотизма действительно было, несмотря на крики позднейших

историков, пытавшихся все обелить и все неудачи приписать казакам. Рать была неспособна к жертве. Взаимная вражда вождей за власть/"мятежники"/: интриги, подсиживание, ехидная лживость/"ласкатели"/. Обилие средств располагало к кутежам и попойкам/"трапезолюбители"/.

Историк Иловайский с грустью отмечает: "А из ратных людей в то печальное время предавались разгулу, пьянству и разврату".

Как же историк Платонов описывает эту рать: "есть данные думать, что Ярославская рать превратилась в сильную и благоустроенную армию/!/, хорошо спаянную и обученную. Ее военное превосходство над казаками, к исходу лета 1612 года стало для всех очевидным".

Всего в ополчении было 4.000 человек, что, конечно, "армией" назвать нельзя. Эта "армия" имела надежду, что казаки одолеют поляков, не все же им казакам оставаться вне Дона, который требовал своих сынов для войны с Турцией, а когда казаки возьмут Москву, то ополчение свежими силами захватит власть, чему казаки, истощенные борьбой, препятствовать не смогли бы.

Но обстоятельство заставило разгульную "армию" двинуться к Москве. Трубецкой и Заруцкий дали весть о движении от Смоленска к Москве гетмана Ходкевича с польским войском и запасами продовольствия и оружия для Кремлевского гарнизона.

В августе 1612 года произошла под Москвою встреча ополчения и Казаков. Навстречу Пожарского выехал Трубецкой и предложил присоединиться к устроенным казаками "таборам", но Пожарский гордо ответил: "отнюдь вместе с казаками не ставать". Такое поведение дворянского ополчения, заставило казаков думать: "нет ли какого умысла над ними".

20 августа Ходкевич показавшись под Москвою и обрушившись на войска Пожарского, оно дрогнуло и уже часть бросилась в буераки и крапиву, но видя все это, после некоторого колебания, казаки, в конном строю, врубившись в пехоту Ходкевича и она, построив карре, стала спешно отступать.

Видя все это, гордыня Пожарского стала уступать обстоятельствам, и он побел на сближение с казаками. Было образовано временное правительство, во главе триумvirата: Трубецкой, Заруцкий, и... Пожарский. Это местоположение вождей указывает на их авторитет и силу.

Летопись гласит: "по челобитью и по приговору всех чинов стали во единичестве и укрепились Московского государства доступать, во всем добра хотеть без всякие хитрости".

Объединенные силы 22 октября, имея в первых рядах казаков, взяли приступом Китай-город и освободили сидевшего там князя Михаила Романова, а 26-27 пал и Кремль, сдавшись на капитуляцию. Польский гарнизон большой героизм, но он дошел от голода до людоедства и сдался. Тем временем казачий отряд Межакова разбил войско самого короля Сигизмунда у города Волоколамска.

Смута, в главных чертах, была закончена, благодаря участию для потушения ее казаков.

Главная и основная причина ненависти дворянской рати к казакам была: реакционность этой рати и казачий демократизм, сталкивались два антипода-рабовладельчества с духом Свободы. Вот эта то, грядущего для закабаленного народа Свобода-"всяк равен всякому"-была для дворян страшнее самих Поляков, ибо в них дворяне могли бы найти сочувствие своему режиму; этот страх за своих "людшек и деревнишках" и заставило дворян подняться. Для зачумленных же крестьян было безразлично, кто правит Московскими дворянами, поляк или швед. Вот, почему, Пожарский, один из видных претендентов в цари, после взятия Москвы, оказался без поддержки: войско его разбежалось.

Казаки видели, как дворяне, в этот тяжкий момент, богатели поместьями, а когда они попросили только 1.000 рублей, то Пожарский отказал со своим "Санчо-Панчо"-Мининым, а у них было 20.000 рублей.

Авраамий Палицын свидетельствовал, что "Казаки дрались голыми", и когда он принес в заклад и обеспечение церковные ценности, то босые и голодные

казаки, по своему высоко развитому религиозному чувству, принять отказались.

Московский/"русский"/историк Забелин, по своему, объясняет: "Как не были жадны и суровы на восхищение-/хищение/казаки от заклада пришли в зазор, устыдились и все отослали обратно в монастырь". Полагаю, что сам Забелин и его дворяне от заклада не отказались бы.

Забелин, все же приводит интересные выдержки из книги историка Кедрова, отрицательно относящегося к Нижегородскому ополчению: "из рассуждений Кедрова выясняется, что показания летописцев неверны, пристрастны к ополчению, что события в них перепутаны. Пожарский и все его ополчение во все время показывали трусость. Пожарский из трусости и по случаю обильных трапез, медлил в Ярославле, у Троицы; что его ополчение при отбое Ходкевича от Москвы, из трусости спряталось в ямах и крапивам. Затем, Пожарский является лжецом и обидчиком против князя Трубецкого, главным якобы виновником того, что между Казаками и Земцами возникла ненависть и вражда, вследствие чего Трубецкой с Казаками и не должны были помогать Нижегородцам. Не казаки, а нижегородцы играли в Смуту, не захотели стать в казачьи таборы, оставаясь в бездействии, когда Казаки храбро работали. Пожарский является настолько простоватым, что для пополнения своего разума необходимо должен был взять с собой, идя в Москву, старца Авраамия, как дальновидного политика". Мы дополним: и этому трусу и спекулянту Пожарскому поставлен памятник в Москве.

О ничтожном значении Нижегородцев говорит и проф. Ключевский: "но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвою без них ничего важного и не было сделано", и продолжает: "Казацкие же атаманы, а не московские всеподы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда".

И еще одна запись Ключевского: "старец Палицин не помедлил и скоро пошел в полки, где увидел Пожарского и Кузьму/Минина/и многих дворян плачущихся и сказавших, что без Казаков бороться с врагами не могут; и умоляла старца, чтобы шел в Казачьи станы молить и просить, чтобы шли Казаки скоро и немедленно против врага".

Воображаю, как вылезавшее из крапивы "христолюбивое воинство", трясаясь от страха, умоляло старца, и как краска стыда заливала лицо Пожарского, до того гордое и тупое и презрительно заявлявшего: "нам с казаками вместе не стоять..."

Вот этому старцу, прекрасно понимающему психологию московских преступных деятелей, а также преклоняющийся перед казачьим духом жертвенности: "голодные и голодные дрались с поляками казаки" и надлежало бы поставить памятник, но Дух его едва ли бы согласился о месте памятника в окаянной Москве. Мало кому известно, что старец Палицин был сослан в Соловки и совершенно забыт шовинистической Москвой.

Но, в 1900 году из Белого моря поселенцы в суровом климате, привычные к труду "чтобы согреться", послали своих ребятшек в Соловецкий монастырь, чтобы научиться церковному пению и увидеть пример трудолюбия иноков, и воплотить этот дух трудолюбия, и вот, в один день очистки всех дворов, улиц верхвей, мельниц, заводов и пр., они стали очищать от травы и крапивы место у стен монастыря и отчистили от грязи какую то плиту с надписью: "Авраамий Палицин".

Наконец в Москве был создан "Земский Собор", для избрания царя. На Соборе не было единодушия: обнаружались интриги, подкупы, злостная партийность. Собор раскалывался. Трудно допустить, чтобы эти разногласия кончились бы благополучно, ибо как пишет летописец: "кийждо бо хотяше по своей мысли деяти". Все это могло повести к междоусобной войне, много худшей, чем война с поляками.

Во время Смуты все переплелось изменой, предательством, злобой, отсутствием какой либо морали, и окаянством. И тут, в этом очаге скопившихся звериных страстей, сыграли Казаки решающую роль.

На Соборе шли страстные споры о кандидатах. В разгар этих пререканий, на Собор неожиданно появилась красочно одетая фигура Донского Атамана Михаила Межакова. Репительной поступью он подошел к столу, за которым председательствовал Пожарский и положил на стол лист исписанной бумаги. Настала мертвая тишина, взоры всех устремлены на Атамана, одни рассматривали его статную красивую фигуру с любопытством, другие - со скрытым беспокойством.

- Атамане, какое вы писание предложили? - с тревогой спрашивает его Пожарский. Не отвечая, Межаков, легким, прыдчвым движением рук, снимает саблю и резким жестом кладет на свою бумагу на столе. А затем, зычно, гомогласно крикнул: "о природном царе Михаиле Федоровиче". В этот миг, в открытое окно, послышался лязг папек пятитысячного казачьего войска. Все на Соборе замерло: ни возгласов, ни протестов... "И прочетте писание Атаманское, и бысть у всех моголасен и единомыслен совет", эпически повествует летописец.

По этому поводу проф. Платонов писал: "избирательная кампания проходила под давлением московского гарнизона, в котором преобладали казаки. Они были опасны своим многолюдством/а на стр. 218 писал, что Казачье Войско наполовину разбежалось/и дерзким сознанием своей силы. Они не слупахот власти/1/" во всем Казаки бояром и дворяном сильны, делают что хотят", говорит современник. "Есть рассказ, что права Михаила на трон обьявил Собору пришедший на заседание какой-то "славного Дона Атаман", заканчивает Платонов.

21 февраля 1613 года М.Ф. Романов был избран царем. Все иностранцы, да и многие москвичи назвали его "казачьим царем".

На всех нынешних спорах повинистических историков Московии /России/, чувствуется раздражение и злоба от сознания уцебленного самолюбия, что москвиты не сумели спасти свое отечество без Казаков и даже избрать царя не смогли. Оттуда все нападки, и вся грязь направлены на Казачий народ, якобы углубляющий Смуту.

Для более спокойного и беспристрастного осеения дела спасения Московского государства и для очигения этой злобной накипи, приведем исторический документ, написанный рукой самого царя Михаила Федоровича:

"Написать грамоту к ним/казакам/, выписать их службы, как товарищи их стояли под Москвой, там кровь проливали и их кровью очистилось, и Божьей милостью, а их службой, опять государство възскалось, а государь учинился".

Не лишено интереса послесловие "историка" Платонова: "Казаки были силой разрушительной/для бояр и дворян безусловно, - мое/, но отнюдь не созидательной/они не думали созидать свои порядки в Москве, мое/. Вот почему "вся земля" стала против казаков и обьявила им войну/1/. В 1612 году она их победила окончательно/а кто же атаковывал Кремль? - мое/. Из под Москвы часть казаков ушла на Дон, а затем на Каспий и завели переговоры с Персидским шахом о подданстве/1/. Но раньше, чем это осуществилось, они были побиты московскими войсками/1/. Другие круги казаков основались на Дону/как будто их там и не было, - мое/, в виде своеобразного сообщества с выборной властью. Наконец, остаток "воровских" казаков, продолжавших разбойное дело под Москвой/1/и вообще на Руси/1/, были беспощадно истреблены/1/. "Воровское" казачество перестало существовать".

А кто же вел непрерывную войну с Турцией и Крымом во время Смуты и после нее? И этот "историк" заканчивает: "так как крепостной строй продолжался, то были побеги. Беглецы теперь шли на Дон/на пустой Дон-по Платонову/и собою "полнили реку". Комментировать эту белиберду и бесстыдную ложь просто тошно.

"КАЗАЧИЙ ЦАРЬ".

Участие казаков на Соборе 21 февраля 1613 года в "государевом обирании" было реваншизм, но не на основании каких либо депутатских прав, которые им и не могли быть предоставлены, как членам особого, а не Московского

народа, и не "писание атаманское" Межакова, явившегося, как постороннее лицо, было убедительным, а казачьи пашки пятитысячного отряда, категорически потребовавшего избрания того, кто по их мнению был более подходящим для казачьих интересов, и Михаил был "выкрикнут" прежде, чем поставили вопрос: кого-мол выбирать. Но Донское Войско, как таковое, в избрании царя участия не принимало, как отдельная независимая демократическая Республика. Но оно приказало Походному Атаману Межакову подчинить себе волю Собора, что и было им блестяще выполнено.

Однако, от этого Михаил не стал "казачьим царем", он фактически не стал и московским царем, т.к. был молод, не крепкого здоровья, слабых характерен, а явился лишь ценной игрушкой в руках его отца, по существу "черного ворона", принявшего на себя обязанности внешних и внутренних дел. Это был человек честолюбивый, коварный, завистливый и большой интриган. Когда был поставлен вопрос на Соборе о избрании царя после смерти Федора Ивановича, этот тоже князь Федор Никитич Романов числился кандидатом и чтобы помешать избранию Бориса Годунова, он бросился на него с ножом и обвинил его в убийстве царевича Дмитрия, к каковому Годунов был абсолютно непричастен. Годунов постриг его в монахи, с именем Филарета, но он не успокоился.

Будучи в Польше, усердно поддерживал кандидатуру Лжедмитрия, якобы спасшегося, а когда же Дмитрия угробили, то он упорно выдвигал кандидатуру польского царевича Владислава. И когда неожиданно его сын Михаил стал царем, то он и принялся "править и володеть".

Сам Михаил, повидимому, был благодарен Донскому Войску, и даже говорили современники, что он целовал Крест договора с казаками, но "черный ворон" Филарет отблагодарил черной неблагодарностью. Так, этот интриган заставил своего слабобольного сына подписать предательскую грамоту Турецкому султану, следующего содержания: в 1617 году: "И мы Вам Ахмет Султанову величеству, про тех воров, про Донских казаков, объявляем, что тут на Дону живут наших государств // воров беглые люди и казаки польные, которые бегают из наших государств, заворовав от тяжбы и от разбою и от всяких смертных вин, боясь от нас смертной казни, и тут на Дону, живучи воруют, сложаясь, сошляся с запорожскими черкасы; по повелению недруга нашего Польского короля, в Смутное время с польскими и литовскими людьми и с запорожскими черкасы наши великие российские государства воевали и многие места запустили // и единоплеменную // - / мордвы, черемисов, чухны, ведь, меря / крестьянскую кровь разлили / а цари ее то и пили, - мое / и многую смуту те вору, называвчи воров свою братью государскими детьми, учинили... по окончании польской войны, мы на тех воров пошлем рать свою и с Дону их велим сбити".

Припоминается не анекдот, а исторический факт, когда Полковцы окружили Киев, то князь, ожидая помощи Черниговского князя, говорил осажденным / эта речь записана летописцем /: "Я слышу шум под Подолом / предместье Киева /, то брат наш с ратью идет и битвою мать Русь прославляет".

Так и Филарет до самой своей порочной смерти, так и не явился "с ратью мать Русь прославить" на Дону, - кишка оказалась не только слабой, но и порочной предательской.

И в тоже время Земский Собор с Михаилом послали грамоты, полные похвал Донскому Войску. Напоминая Донцам Ивана IV и службу ему, они писали: "потому ж служите и прямяти начальные службы свои и радение к царю показати. А за свою нынешнюю и прежнюю многую службу вы от всемогущего Бога милости, а от царя великое жалованье, от всяких людей Московского государства и от окрестных государств честь и славу и похвалу будете иметь..."

В 1614 году сношения с Доном были переданы из "Разряда" в Посольский приказ. Таким образом, Москва признала Дон государством, а не общиной казачьей и установила сношения через ведомство иностранных дел. Донское Войско вело свои сношения совершенно самостоятельно: с Польшей, Венгрией,

с Персией, с Азовом, с Крымом. Царское Правительство двойко относилось к этим фактам; к одним оно не протестовало, по другим даже угрожало, но бесполезно, -вольная республика ревниво охраняла свои права независимого народа.

Постоянные морские экспедиции казаков к берегам Крыма, Анатолии, впрямь до Константинополя, грозили разрывом Москвы с Крымом и Турцией, поэтому Москва грозила Дону разорением, и от имени царя коварный Филарет писал казакам, что он провозгласит анафему через Казачью Церковь, но это не действовало, так как Церковь у казаков была отдельна от государства и духовенство не участвовало даже в Кругу.

Тогда Филарет с царем предложили прекратить набеги на Турцию и Крым и идти на государева недруга на польского короля землю с турецкими пашами с Муртузой, да с Абазой вместе".

Казаки Дона сразу же поняли злостное ухищрение Филарета, что пойдя против Польши, под командой Турецкого паши, казакам будет отрезан обратный приход на Дон, и поэтому они решительно отказались, послав грамоту царю: "мы от Божией милости не отступники, а тебе государь, не изменники и не лакомцы, служим тебе с травы, да с воды и во всем себя в твою царскую милость отдаваем и истинную православную веру помним и крепко держим, и николи, государь во крестьянстве кровопролития, как прежде сего, и так и ныне не хотим и не желаем, и сами мимо своей крестьянской веры и мимо твоего государства в бусурманскую землю турецким пашам на помощь, на литовскую землю идти не хотим; ни при каких бывших царях, мы Донские казаки; Мурат-салтанам не служили и через турецкую землю не хаживали".

Высоко развитое религиозное и национальное чувство казаков воспротивилось лже-христианским ухищрениям Филарета и царя идти с турками против христиан Литовского народа, и не только воспротивились, но и посол царя, пытавшийся воздействовать угрозой, лишился своей головы.

Три года не давали Дону царского жалованья, свинцу, пороху и хлеба. Семь тысяч четвертей муки гнило по складам, а казаки должны охранять рубежи Москвы. Вниз по Дону разбой татар; вверх-рыбы мало, вся она за Азовом, в море. А Азов, как пробка в бутылке: не дает проходу Донцам погулять по Черному морю; охота за зверем прекратилась-ушел он за горы Кавказа; степи покыжгли татары, -корма для коней мало.

И, вдруг, густые ливни с севера спустились над морем Хвалынским и зашумели по Волге и Дону, -надулся Дон, вода высокими волнами заликает кругом. Взыграли Донец, Чир, Хопер, Медведица, -кипят шлют могучие воды в Дон. Со стен Черкаска бьют тревожно пушки и колокола. На пристани крик купцов из Персии и Генуи; мелькают белые чалмы, красные калаты, кунь и шапки; казачки носят по улицам, спасая свое добро. Казаки в лодках сплывают по Дону плывут сундуки, доски, бочки с рыбой-сушеной и мясом. Вокруг крики: "в Раздоры"... Гребни в Монастырский". Проклинают Черкасск-свою столицу-лежащую на низине. Пойдут ливни-в воде сидят чуть ли не до крыши. Казаки в стругах кружатся, как птицы, согнанные с гнезд.

А казаков все же тянет к Черкасску, -поближе к морским далям и местам родным древним городкам и Азаку-Казаку городу, о котором только и остались предания. Сам Смага Чертенский и Михаил Черкашенин-славные Атаманы-водили казаков на море. Смаги уже нет, а Михаил еще жив, который, как буря еще в эпоху Ивана Грозного ворвался в Азов, выручил из тюрьмы Ермака. Древний город Азак-казак переименовали на Азов, по имени Половецкого князя Азуфа, и сам то Дон лишился древнего имени "Танаис", -при сарматах. А дождь как из ведра все льет и льет. Поплыли запасы зимние и походные на сорванных плотах к Азову-неожиданный дар туркам. Атаманы: Каторжный, Старой, Татаринцов бросаются: торопят казаков спасать остатки казачьего добра. Уже к вечеру, когда солнце пригрело, -крики: "Татары, татары... Джанбек налетел!..." И началась в болотах, камышах, по берегу, в степи яростная сеча с татарами. Бились саблями, веслами, кольями, баграми.

Могучий великан Каторжный рассекал татарина на два куска... оттеснили

татар поближе к воде. Татары хватали добро казачье и купеческое; перехватывали коней; топтали копытами детей и баб; с гиком волочили пленных по земле на арканах. Но сгрудились казаки, зарубили многих; татары побежали в степь; увели многих казаков и среди них красавиц: жену Атамана Старого и невесту Татаринова, дочь славного Смаги Чертенского - Варвару. Красное, радостно-сверкавшее солнце поднялось над рекой, над молчаливыми мудрыми курганами-свидетелями славы казачьей, над всей необъятной родной Степью. Повсюду зазеленели высокие травы, волной серебрится ковыль, ярко пестреют прекрасные цветы: красные, желтые, белые, голубые. Как море, перед новым приливом, дышала Донская Степь, как сказка, вливая бодрость и силы сынам своим, только что пережившим вчера трагедию.

Веселые, задорные казачки, забыв вчерашнее горе, пестрой толпой шли на берег Дона - стирать домотканное белье, и пели: "Ой ты, батюшка, ты Донской Атаманушка Ермак, сын Тимофеевич. Как у нас было на море: не черным зачернелось, не белым забелелось, - зачернелись на море корабли турецкие, с парусами белыми полотняными". Казачата: черноволосые, шатены, беловолосые, прижитые казаками с "ясырками" разных племен и народов, целой ордой выспали на улицы, подхватывая песню своих матерей. Была ли среди всех народов такая республика Свободы и доблести, в страшных сражениях забывать горе и петь чарующие песни? Нет!

Крымское ханство, образовавшееся на развалинах Золотой орды, раздиралось тоже праждой за Престол.

Джан-бек-Гирей, лишив престола, ограбив богатства Махмет-Гирей и царевича Шан-бек-Гирей, разыскивал их, чтобы вздеть их на кол.

Все ближние аулы вышли встречать казачьих невольников из Черкасска, Раздором и нижних юрт.

Хан ожидал, взойдя на высокий камень. Вскоре появился военачальник Чоком-ага-бек. Прошла конница хана на белых лошадях. Каждый татарин вел за собой несколько коней; потом шли татары с пищалями, луками; за ними закрипели телеги с добром грабежа; прошел верблюжий полк. В хвосте вели пленных: понурные, босые, обтрепанные, еле тащили ноги, спотыкались, падали, но их тащили волоком, били бичами, крича: "Чок, чок..." Потом вели красавиц казачек, связанных перевками. То был "товар" редчайший и самый дорогой. Он славился за морем: в Испании, Индии, Персии, Царьграде, в Азии. В особой палатке несли писаную красавицу Варвару Чертенскую, - Она должна стать женой хана - четыреста второй.

А в это время из Москвы в Черкасск прибыл Атаман Старой и на Кругу читал грамоту: "мы наперед сего писали, чтобы вы на море не ходили. А в прошлом году турецкой Амурат Султан прислал к нам посла своего Фому Контакузена о братской крепкой дружбе Вам писано - только вы, атаманы и казаки учнете на море ходить и турецким людям тесноту чинить /какие доброжелатели-мое/, села и деревни воевать, и вам от нас великого /но глупого/ государя быти в великой опале и наказании, а от отца нашего, светлейшего /патриарха Филарета/ всея Руси быти в вечном запрещении и отлучении /подарки султана были дороже жертвенной службы казаков-мое/. А вы на море ходите, суды громите и на Крымские улусы воейте, с азовцами задрались и с крымскими тоже. Вы их грабите и вместе с людьми побиваете..."

Тут Атамана Татаринова взорвало. Со злостью бросил на землю шапку и крикнул: "О чем мыслит царь и бояре? Джан-Гирей нас задирает. Пограбил нас басурманин; в полон взял наших казаков".

Чтение грамоты продолжалось: "воровством и ласкательством /кровь не повинную проливаете. И вы есть за то злодей и драги Креста Христова/. А ведаете ли вы, что Турецкой султан Амурат и Крымский хан Джан-бек-Гирей с нами в крепкой дружбе /пот так избрали казаки царя/. Уйдите от воровства. Разбойники! Злодей!"

Тут закричали казаки: "не любо нам, не любо! Ту грамоту чернил злодей наш-Филарет! Тогда Атаман Старой крикнул: "веди нас Каторжный на синее море. Все пойдем, и я пойду с тобой. А ты, Татарин, веди казаков к Джан"

Гирею. Верни наших людей. Громи что силы есть Бахчисарай. Разори осиное гнездо в Чуфут-Кале. Рви, метай кругом—пришла пора..."

Все закружилось вихрем. На море синее, к Азову, возьмем, веди Татаринцов; как яростная гроза гремели казаки...

"Послушайте!" крикнул Старой—любимец казаков за мудрость. Все притихло. "Нас силой не возьмешь, мы правду любим. На море поведет Походный Атаман Каторжный: он лучше всех нас знает морское дело. В Крым поведет сейчас же Атаман Татаринцов. Но, прежде чем двинется Каторжный, я поеду к Запорожцам, чтобы они на море помощь дали". Казаки кричали: "слава Атаману Старому! Седлайте казаки коней! Чините струги!" Провожать Старого собрались атаман и старики. "Скажи Богдану, крикнул Черкашенин, что в городе Чуфут-Кале гниют казачьи кости, и слез там наших—море. Я с его батюшкой родным, теской Михаилом лихо бились плечо к плечу; его убили под Цицерой. Да и что говорить, Турки поганые так и нароят Запорожцев и нас согнать с родных Земель."

Старой и есаул Карпов вскочили в седла. Кони рванулись к дороге до Чигирина. Навстречу им попадались деселые, чубатые запорожцы, до пояса голые, загорелые; старые сидели кто на завалинках, кто лежал пластом на теплой земле, в ладных чоботах, молодежь в кунтушах шляхты с позолоченными пуговицами.

На колесе арбы сидел сам Богдан. Старой и Карпов отдали низкий поклон. Лицо Богдана веселое, загорелое, ясное, взгляд твердый. Увидя Старого и, приветливо улыбаясь, начал первым:

"—Знаю, что дело у нас—одно: бить турок, або татары нападают на вас?"

—Так, —улыбнулся Старой.

—Ну, если турок бить будем, то я и головы своей не пожалю.

Нужно сказать, что Богдан был в плену у турок в Синопе, и выручил его Сагайдачный. Беседа в Чигирине закончилась скоро и Богдан на прощанье сказал:

—Поезжай Старой на Дон, скажи казакам: Богдан пойдет на море. Сядем на струги, выйдем на Днепр, поближе к Кизикерману, тогда пришлю гонца на Дон. Саблю мою целуй. Дарай свою и Богдан поцеловал саблю Старого, в знак дружбы и Казачей верности.

— . . . —

Донская Степь дышала полной грудью своего оплодотворения, как любящая, сильная и великая своими соками, мать. Сплошное море цветущих душистых трав. Серебрится ковыль. Все буйное, здоровое, жизнерадостное. Буйных трав не заглушить ни колесами телег, ни затоптать конскими копытами. Донская Степь питает казака и его верного друга—коня.

Среди копрон цветистых стоят курганы, молчаливые свидетели горячих сражений. Они тянутся в Донскую Степь от Кавказских гор через Кубань. Кто покрыл необъятную Степь ими? Кто разбросал их так щедро по берегу Азовского моря? Были: скифы, сарматы, болгары, аланы, хозары захватили все низовье Дона и все пространство от Днепра до подножия Кавказских гор. Но исчезли нахлынувшие из Азии конные кочевники, и остались Донские и Днепровские казаки, наследники безмолвной Степи, которая не легко выдает свои тысячелетние тайны.

Дон—могучая река Степей—граница двух материков Азии и Европы. Глубок и величав синий Тихий Дон Иванович. А кругом, шумит, волнуется трава.

В высокой траве мелькает татарский малахай Атамана Татаринцова; позади чернеют островерхие шапки казаков. Все одеты в татарскую одежду. Они плывут по Степи, как по морю, — коней не видно, лишь шумит слегка ковыль, безмолствуют курганы. Появится у кургана дозорный и быстро исчезнет. Подойдя ближе к Молочным водам/севернее Крыма/, заметили издали многочисленное войско Джан-бек-Гирея. Догадался Татаринцов, что татары ждут ответ на их грабеж и стали в засаде. А поэтому Татаринцов повернул коней, переплыл Дон и поскакал к Тамани—тесному проливу у Керчи, предполагая, что татарс-

кое войско будет долго маячить на севере, а он тем временем, переплыв пролив, погуляет в Бахчисарае на Юге.

У пролива казаки стали плесть из камыша небольшие плотки; на них положили седла, порох, одежку; привязали плотки к конским хвостам, и поплыло казачье войско со своими верными друзьями и красотой Дона могучими конями, делающими иногда в день стоверстный переход. Плывут кони, с ними казаки. Думка одна, как бы не промок порох, — без него в Крыму будет гибель. Но плотки с хвостами легко скользят по воде. Торчат из воды головы казаков, да правые руки, держащие уздечки; левыми руками взмахивают, как веслами на стругах. С большими усилиями переплыли и попадали от усталости на землю. Кони отряхиваются и тоже ложатся. На время забываются, кругом тишина, лишь слабый всплеск волны пролива о берег.

На берегу стоит, после отдыха, Атаман и смеется:

— Ой, вы орлы Донские! Да с вами от царевой Правды уйдешь... Седлайте же коней, к Гирею в гости едем!

Казаки рогочут, смеются тоже, услышав голос орла-Атамана; скоро двинулись в путь. Обогнули Артазалинское озеро. Малый Стамбул лежал внизу у моря. Старый дворец Салхата стоял в горах выше. Ехали по заброшенной еле видной тропе; переплыли Кучук-Карасу и Биюк-Карасу; сушились на скале, оттуда виден шумный город Карасубазар с 11-ью мечетями; выехали в Байдары. Внизу, под скалами, застыло море. Чуть поскользнулся и прощай вольная страдная жизнь казака. Усталых коней поили в речках, кормили в рощах зеленых. На заре проскочили Черкес-Кеурмен-ведут татары, татарский говор. Дворцы в садах зеленых. Мечети на горе. Копыта коней обмотали тряпками — не слышать топота, уздечки тоже — не звякают.

"Собой три раза крикну — кончайте стражу — выручайте меня", шепотом передал казакам и исчез в темноте с тремя казаками и есаулом Порошиным Атаман.

Татары молились в мечетях. Во дворце сидели: сам Хан, верховный судья Чохом-ага-бек и турецкий паша Гуссейн-Далия. Они не заметили, как прокричала сова, а также малая стража, которую в потьмах прирезали. Татарин и Порошин, как кошки перемахнули через стену дворца; сверкнули ятаганы двух часовых, но пашки казаков вонзились в татар, как молнии. Казаки вошли в залу дворца.

— Кто ты? — с тревогой спросил Хан.

— Я, Походный Атаман Татарин — сказал по татарски Атаман.

Хан в ужасе попятился к стене. Чохом-ага присел; Гуссейн-паша схватился за рукоять кинжала. Хан метнулся к нему, выхватил кинжал и кинулся на атамана, замахнулся, но Порошин схватил его за руку, тогда хан перебросил кинжал с правой руки в левую; сверкнула пашка атамана и кисть левой руки с кинжалом покатила по полу. Хан присел, скорчившись от боли.

— Где пленники? — воскричал Татарин.

— В Чуфук-Кале, — ответил за хана судья.

— Попадь нет тебе! Царю пишешь, на нас жалуешься, а неправды делаешь! Пиши нам свою клятву, что ты не будешь делать набегов на царскую землю и на Донских казаков.

Хан подписал эту клятву; поставил подпись Гуссейн-паша и сам Татарин. Хан поставил печать. А затем, оставив хана тряситься, забрал с собой, как заложников Гуссейн-пашу, великого визиря Чохом-Агу.

А Донцы за дворцом уже разбивали казематы новобольников, захватывали имущество татар, отбили двери гарема, освободили Барбару Чертенскую и других. Жены же Старого не сказались, — красивую Фатьму обезглавили за то, что она отказалась быть женой хана. Барбару еще не успели обесчестить, решительно заявившую, что при попытке — разобьет себе голову об стену.

Все войско тронулось на заре из Бахчисарая. Еще светились звезды. Луна висела над мечетями. Для пленных казаков забирали по дорогам арбы, так они не могли двигаться; везли также захваченное добро. Впереди колонны Гуссейн-паша, Чохом-Ага и другие знатные татары и пожелавшие покинуть

гарем красавицы, чтобы выйти замуж за казаков. Насильно женщин не брали. Сзади всех, в татарском малахее и золотом халате, ехал на вороном коне Походный Атаман Михаил Иванович Татаринов и есаул Федор Иванович Порошин.

—*—*—

Вскоре грандиозный, по тому времени, флот Запорожцев двинулся в путь. Сотня стругов, по 40 казаков в каждом, направился к турецкой крепости Казикермень. Надо было пройти посты, прорваться в море и соединиться с флотом Ивана Каторжного. У стен неприступной, как казалось крепости, Запорожцы потеряли шесть чаек и 200 казаков, две чайки загорелись, а от них и вся пристань. Запорожцы осадили крепость, взорвали башни, пробившись к лиманам и, достигнув городка Арслан-Ордека, вступили в бой с турками. Одержав победу, вышли в Егорлыкский залив, оставив позади себя разрушенную крепость и догорающие на воде суда.

—*—*—

Уселянный стругами Дон, готовился в морской поход с шеститысячным войском; с ним пожелал ехать старинный Атаман Михаил Черкашенин-знаток и чтец по звездам и приметам погоды. Специли лишь бы добраться до Азова к вечеру. Вход в Керченский пролив запирался цепями. Суда обвили пучками тростника для защиты от ружейной пальбы и шаткости на воде. Положили мачты и паруса; боченки с пресной водой, просо, рыбу, мясо, сухари, боевые припасы и икону Николая Чудотворца.

—Казаки родные! Весла на воду!— пронесся громовой голос Атамана Каторжного.

На стругах запели: "Ты прости, ты продай нам Тихий Дон Иванович..."

По стругам было приказано, что половина войска с Походным пойдет по правому берегу Дона, а другая со Старым — по левому. Когда струги в темноте подошли к Сергиевскому городку, неожиданно сверкнула молния. Закрапал дождь, волна хлынула потоком. В Сергиевском заранее срубили 300 дубов, сбросили в воду, на них сели казаки и поплыли авангардом, а за дубами весь флот. Дон раздвоился. Темнота кругом. Блеснула молния, показались над водой крепостные башни. Каторжный приказал: "дубки по одному пускать вниз на цепи." Прошли мгновения — услышали, что цепь заскрежетала и зазвенела.

—Аллах! Аллах!— поднялись крики со стен Азова. По стенам побежали к бойницам. А дубы один за другим бьют и бьют по цепи. Звенят они. Сотни пушек выбросили каменные ядра, поднялась ружейная пальба, а дубы плывут и клюют. Остров Люттик дрожал... Дубки сожгли порох турецкий, пушки замолкли. Казаки перетянули струги через цепи и прорвались в море. Сторожевые суда турок были уничтожены. У Федосеевой косы вылили пресной воды — во рту пересохло, погрызли сухарей ирбьки и двинулись в дальний путь по Черному морю на соединение с Запорожцами. На утро взбунтовалось море, — стало приподнимать струги, как щепки. К вечеру стихло, не досчитались 10 стругов и 300 казаков. Дед Черкашенин следил за звездами и давал направление флоту. Прошло две ночи, а Запорожцев нет. Настала третья. Казаки начали роптать, но на передовом струге, вдруг кто то крикнул: "Огонь на чайке" —, то был огонь Запорожцев. Войска крикнули: "Днепру и Дону Слава!"

—*—*—

Над Царьградом уже бледнели звезды и чуть-чуть золотился Восток. В Стамбуле спали безмятежно. Лишь в старом городе мерцали огоньки. Спокойная, тихая гавань "Золотого Рога" отделяла старый город от нового. Она была перегорожена цепями. В Галате, торговом центре, еще не просыпались. В гавани белели паруса и флаги народов всех стран. Казаки на стругах придвинулись к теснине "Золотого Рога" и сразу загородили гавань. Они причалили туда, где Византийский император Константин копьём своим начертал на земле границы города, откуда блеснул блеск его славы. Подплыли

к цепям, нагрянули, нажали и на берег, как горох, высыпались всей массой. Бросились к первой башне. Впереди Атаман Катаржиний, Запорожцы-подправники пшли к стенам; подкоп повели с азартом, дружно. Башня от взрыва зашаталась. Казаки полезли, как осы на мед, к главным воротам торгового города, - взрывом сломали ворота; широкой волной, как Дон и Днепр в половодье, хлынули в город. Пушки бьют, турки мечутся по стенам. Разбили казаки двор, где держали невольников: молодые, рослые, предназначенные уже к отправке в Алжир-Марокко; другой двор с невольницами-красавицами, "товар" для знатных людей всех народов. Добрались до темницы невольников в цепях. Здесь были: терские, донские, запорожские, астраханские казаки, поляки, москвиты. Запорожцы порвались в Стамбул. В "Золотом Роге" казаки напали на купеческие корабли. Что можно было - захватили, а в общем кинули огонь, - запылькали корабли.

-Жги под корень, -громозвучно раздавался голос Катаржинного. Ведите невольников к стругам. Тащите добро.

Добрались казаки до гнезда Султана в Топп-Капуси - бросили и туда огонь. Ползли казаки к новым башням. Полегло много их. Атаман и Гетман соединили силы, навалились яростно на стены трех башен. Рвы заполнились убитыми. Бились казаки осатанело, рубились в рукопашную. Стамбул горел. От огня загорелись даже деревья. Затем казаки тучей двинулись к главному Арсеналу; протянули 17 шнуров к пороховым погребам, под руководством Старого. И когда шнуры загорелись, казаки спешно побежали к стругам, наполненным уже добром и освобожденными людьми. Казаки почернели, как негры, от пороха, дыма и пыли, - одни глаза горят, да зубы белеют, но все рады, что отомстили за разорение Черкаска, за смерть и каторгу Донцов и Запорожцев. И грянул Арсенал...

От взрыва загудела и затряслась земля, всплеснулись волнами воды "Золотого Рога", дома рушились, небо заволоклось черным дымом.

Казаки плыли по Синему морю и вдохновенно пели свои старинные песни. Двинулись всей громадой к Синопу, Трапезунду, захватили что поценнее, освободили пленных. Струги переполнены. Возвращалось соединенное войско через Миусский лиман. Донцы перетянули струги в Донец, а по нем уже достигли Тихого Дона. Запорожцы свои струги и добро грузили на арбы из Чигирина.

Так счастливо закончился поход объединенного казачьего флота Донцов и Запорожцев. При расставании сечевки и донцы братски целовались. Сыпались остроты и прибаутки по адресу турок: "Оце тобі, бабуса, і наука: не йди заміж за внука! Женись на дочці, а не на теці".

Это было одно из последних выдающихся военных действий двух братских единокровных войск Донского и Запорожского.

Слухи о разгроме казаками Царьграда и Крыма, дошли до Москвы. Гнев "черного ворона" Филарета был необычен, до того, что он заболел какой-то загадочной болезнью и готовился подыхать. Бояре рвали и металы, настаивая перед Михаилом собирать карательное войско и самому даже "с ратью идти" для того, чтобы окончательно разгромить это Донское революционное гнездо до дна. В их умозрениях рабовладельцев не укладывалось понятие: как это так не подчиняться повелениям "великого государя всея Руси" и Земского Собора "всея земли".

И как это не странно, но оказался единственный князь, хотя и "худородный", непринимавший никакого участия в управлении, ибо ненавидел Филарета, - это Пожарский, который прямо заявил: "вы роете себе яму. Подождите немного и вам покажут ваши друзья турки и татары свою дружбу".

Так или иначе, а 10 июля 1630 года, вместе с турецким послом Фомой Контакузеном был послан из Москвы к султану посол Андрей Савин, а к Донцам - воевода Иван Карамышев с грозным приказом и конвоем в 700 ратных людей, устроить войскую Донскую республику будущей карательной экспедицией.

Ехали послы один месяц. Дорога на Дон была опаснее прежней. Великая опала на казаков всполошила беспокойных людей: побежали от бояр "черные людишки"; в лесах появились разбойники, не трогавшие, однако, казаков, а их то при послах и не было. Стрельцы за дорогу завшивили, изголодались, случались нападения. Кое-как дотянулись до Воронежа. Поплыли на стругах по Дону. Навстречу им у Медведицы выехал Атаман Татаринов. Гарцует на коне по берегу, но близко не под, ежжает. Карамышев написал ему письмо: "почто не встречаешь честно великих послов государя и турецкого посла?"

-Мы не боимся, - ответил Атаман, - но нам доподлинно известен ваш умысел разорять наши юрты. Царь в гневе сослал нашего посла Наума Васильева и казаков в острог Белозера.

Воевода ответил:

-Повелеваю вам на строго сопровождать стрельцов в Черкасск, они поведают Дону мою волю.

И не дожидаясь ответа, поплыл вниз по Дону на 80 стругах. Остановился Карамышев между устьем р. Маньча и Черкасском, у самого Орехова Яра, и стал разузнавать у лазутчиков, не собираются ли казаки вязаться в войну Турции с Персией, не пришли ли к Донцам Запорожцы, а также Терцы и Яицкие казаки.

Посол Савин позвал, наконец, Татаринова на свой лично струг. Атаман появился смело, держа, однако, руку на рукоятке пашки. Савин, не поднимая головы, сказал:

-Воевода приказал Атаману Войска и всем казакам явиться в мой стан и выслушать царскую грамоту".

Татаринов ответил:

-Мы царя спасали, мы царя ставили на царство. Идти к вам на поклон всему Войску не след, николи этого не повелось. Были послы побольше тебя, но и те ходили на Круг и читали грамоты, и ты пойдешь и будешь читать, закончил Татаринов, сверкнув огненными глазами.

Татаринов быстро вскочил на коня и вихрем помчался в Черкасск. Объяснил свою беседу с послом. Черкасск загудел. Казаки бушевали. "Посла в куль да в воду. Гляди и царь поумнеет. Зови, Атаман, послов, воеводу давай, стрельцов всех перебьем. Дон без крови, никому не отдадим. Бить воеводу до разу".

Но, в это время, окруженный стрельцами, к часовне под, ежал Савин. Дрожащим голосом он начал:

-Казакам и Атаманам Дона должно быть ведомо, что государь из, явил свой гнев...

Гул голосов прервал Савина: А хлеба нам не дал, из за султана поганого немилость.

-За Царьград-крикнул Савин. Вы там жгли корабли... Галату город.... вновь потонул голос посла.

-Поганый Султан Азовское наше море захватил. Мы к нему не лезли, пускай сидит в Стамбуле... Знатца с Султаном мир, а на Дон идете войной? Карамышев пришел казнить да вешать? Ну, собачий сын, - притих? Читай нам грамоту!

Посол совсем перепугался.

-Долой посла... Тащите на Круг самого воеводу. Побьем послов... Ответ будем держать перед Богом...

Приволокли Карамышева. Воевода встал с земли, но шапки не снял.

-Сними шапку перед Кругом! - кричали казаки. Ты похвалялся всех перебить на Дону?

-Не похвалялся я, - ответил воевода и громко добавил: а не велика была бы беда!

Толпа дрынулась. Карамышев хотел что-то сказать, но только что открыл рот, шапка близ стоявшего казака со свистом опустилась на его голову. Обливавшегося кровью Карамышева потащили к Дону и с размаху кинули с крутого берега.

-Прими Ты душу Боже раба Твоего грешного Ивана: хоть и гордец он был,

но воевода храбрый, -сказал Атаман Каторжный.

Вернувшись, стали читать грамоту. В ней назывались казаки ворами, изменниками, разбойниками. Гнев казаков не унимался, они кричали:

-Фому проклятого в куль, да в воду, от него все зло идет" и двинулись к стругу турецкого посла. Вытащили его, выкатили с одного струга бочки с порохом. Посадили на одну бочку, а на другую - чауша/переводчика/; привязали их переклами, зажгли снопы сорной травы и понесли к бочкам. Еле-еле уговорил уважаемый всеми Атаман Старой.

-Ну, вези Старой посла в Азов, а царю напишем, что с Дона не уйдем и не очистим без крови...

Описывая подробно этот эпизод казни Карамышева, необходимо остановиться на тех духовных эмоциях, каковые вообще были в душах Донских рыцарей. Свою Свободу ценили выше всех земных благ, свое казачье достоинство не преклоняли перед злостными брюхатыми боярами. Бились на смерть за свой обожествляемый Тихий Дон: за свою честь, за веру православную, за вековую славу, и не меркла эта слава в великом самосознании, что они - казаки - роду казачьего, что они изстари от казаков ведутся, а не от беглых рабов Московии. Это было два мира, резко отделившихся друг от друга: казачий народолюбческий и московский рабовладельческий.

***

Разгневанная до белого каления Москва, потребовала немедленно прибыть самому Донскому Атаману Каторжному. Дон ответил категорическим отказом. Потребовала Старого, тоже отказ. Тогда потребовала Татарина.

Круг решил:

-Не давать на казнь его!

Казаки кричали:

-Татаринных на Дону мало... один он...

Но, вдруг, вышел на Круг орел Донской и крикнул Кругу:

-Седлайте коней, дайте в подмогу четыре казака, еду в Москву: не вернусь - ставьте крест около часовни... земли побольше наносите на мою могилу...

И стали казаки седлать коней и носить шапками землю на "могилу" - Мише...

Станица Татарина отъезжала в Москву. Жена Варвара в безпамятстве металась и голосила, уцепилась за стремя, ее отнесли в курень. Все бабы плакали. Старики, пригнувшись к землянкам, осушивали слезы...

***

В тот день, когда мать царя Марфа Ивановна, причастившись, постепенно умирала, она спросила царя:

-Есть ли кто с Дона?

-Да, есть - Атаман Татарин!

-Позови его ко мне.

Царю не хотелось позвать Атамана, но укоризненный взгляд матери, заставил покориться.

Войдя в хоромы, Татарин стал на колени перед умирающей. Старуха сказала:

-Твои дела, Атаман, известны мне, и слава Твоя тоже известна. Совершил ты полезное дело для Дона и государства. Я хвалю тебя и Войск твоё, - говорила царю:

-Царь! Слышишь ли ты?

-Все слышу матушка!

-Вы, - продолжала старуха, - охрана государства. Что стало бы с ним..., если бы вы не стояли крепко на Дону.

-Великая государыня! оказал Татарин. - Давно мы сметили это, но бояре то московские против этого...

-Что бы Ты хотел Атаман?

-Государыня, освободи Ты нас своей царской волей от всех утеснений

боярских; освободи казаков, томящихся в тюрьмах Москвы.

-Царь! Освободи несчастных и обласкай Атамана. Пускай он едет спокойно на Дон.

Марфа Ивановна-соправительница с царем и Филаретом, лукавя всю свою жизнь, перед смертью поняла многое и закончила земное пребывание лаской к казакам.

Татариннов стал собираться на Дон. В Москве он узнал многое. Слухи были что не избежать войны с Польшей и даже с Турцией. Говорили, что около царя нет никого, чтобы дать совет. Он жалует бояр не по разуму, а по роду, но они неграмотны, не учены, спесивы, бесстыдны, блудники.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ.

/Из книги историка Милюкова "Очерки русской культуры", стр.103/.

Первый опыт командировки русских за-границу для обучения, сделанный Годуновым, кончился полной неудачей. В Москве относились крайне осторожно к заграничным поездкам, отпускались лишь акклиматизировавшиеся иностранцы и их сыновья, а на русских был наложен запрет. Один из немногих, нарушивший этот запрет чиновник Посольского приказа Катошихин, передает соображения, коими руководилось правительство: "для науки и обучения в иные государства детей своих не посылают, страхась того: узнав тамошних государств веру и обычаи и вольность благую, начали бы свою веру отменять и приставать к другим, и о позвращении к домам своим и к сродичам бы попечения не имели и не мыслили"/пот так культура родины????!!!-мое/.

Таким образом, за-границу не могли попасть как раз те, кому такое путешествие могло бы принести пользу/но вред рабовладельческой системе/. Изредка появлялось в Европе русское посольство, но московские чиновники, волей правительства становившиеся импровизированными дипломатами, меньше всего были подготовлены к роли наблюдателей европейской жизни. Незнакомые с языками, кое-как вычитывавшие по тетрадке, слово за словом, свои официальные речи, они озабочены были одним: как бы не сделать лишнего шага, что было бы умалением чести государя и не поддело бы их под служебное взмокание. Они не прочь были иной раз попользоваться непривычной свободой жизни, но то, как они понимали эту свободу, вызвало отвращение в невольных свидетелях их разгула. Это было, в глазах европейских наблюдателей, даже не "варварство", а просто "скотство" и "свинство"/недаром царь Грозный говорил про русских, что это-скоты/. От удовольствий европейского стиля, так же как от наслаждения путешествием-картинами природы, памятниками искусства, приобретениями культуры-отделяла их Китайская стена, созданная их собственной умственной и нравственной грубостью. Куда бы они ни являлись, они несли с собой всюду, в буквальном и в переносном смысле, свою собственную атмосферу: помещения, в которых они останавливались, приходилось проветривать/выпускать "русский дух"/и чистить чуть ли не целую неделю. Их появление на улице, в парчах и в шелку красного, желтого или зеленого цвета, в длиннополых халатах, с высочайшими воротниками и длиннейшими рукавами, в меховых шапках азиатского покроя, собирало около них толпу зевак: не то это был маскарад, не то религиозная процессия, не то просто этнографический курьез, вывезенный каким нибудь предприимчивым антрепренером из заморских стран, вместе с нильскими крокодилами и африканскими львами.

Когда в Москве поняли к концу XVII века, какое несуразное впечатление производят за-границей эти доморожденные дипломаты, всего больше хлопотавшие о том, как бы не уронить достоинство своего государя, то их стали заменять обижшимися в России иностранцами.

Итак, поездки за-границу ничего не могли дать для усиления иноземного влияния в России."

Со всех сел в ту пору гнали мужиков в большие города для создания войска для войны, под стенами Смоленска.

Шли мужики и кляли на чем свет стоит, не только поляков, но больше всего бояр, самого царя Михаила, а больше всех проклинали "светлейшего" патриарха Филарета. Татаринцов только в ус усмеялся и думал: "наше берет!" Но не так то было одолеть рабскую стихию:

Когда прибыл на Дон Татаринов и успокоил Круг, то в Москву собирался ехать Атаман Старой, для сопровождения турецкого посла Алей-агу, временно заменившего Фому Контакузена, отлеживающегося от страха тех минут, когда он сидел на бочке с порохом.

Царь принял, хотя и холодно, но без укоризны Старого и спросил:

-Зачем посол турецкий приехал в Москву? Как ты думаешь?

-Подбить тебя на войну с поляками.

-Нас казаков унять. Султан пойдет войной на Персию. Бойтся Амурат, чтобы с тыла мы не ударили. Гроза идет с турецкой стороны... Когда Амурат двинется на Багдад, мы должны взять Азов!

-Ересь ты мелешь, Старой!

-Не ересь, пойдут на это все казаки; запорожцы, болгары, сербы. Нужно их только поднять. А как только начнется война с Польшей, то нужно ожидать, что Крымский хан, по требованию турок, начнет набег на русские поселения. А ты, государь, грозил нам иметь дружбу с погаными.

-А помолчи... нет сил тебя слушать, разбойник!

Старой немного помолчал, но снова начал:

-В народе ходят слухи, что светлейший патриарх ведает военное дело и разбойное... Не к лицу это святителю-ему надлежит ведать церквами и монастырями...

Весь внутренний гнев против Филарета, приносявшего столь много обид и крови казакам, вылился у смелого Атамана.

Царь вскочил разгневанный, крикнул к двери. Появился мгновенно обер-палач Савва Языков.

-Железом жечь язык атаману! Уведи его!

А тем временем царю доносили, что татары Крыма пошли войной на русские окраины, взяли в полон много людей так, что их девать некому, - продавали за чашку проса каждого.

.....

Не дождавшись на Дону Старого, Атаман Каторжный прислал в Москву другую станицу с извещением о большой кровавой битве с татарами на речке Быстрой, что северо-восточнее Донца. Атаман писал:

-Побили свыше шести тысяч татар.

В этой конной битве Каторжный применил знаменитый тактический прием "вентеря", с обхватом флангов и захода в тыл. Царю не с кем было посоветоваться - Филарет подыхал. Царь крикнул палачу Языкову привести тайно Атамана Старого. Увидев его, царь отшатнулся: лицо его черно-синее, вспухнувшие губы, покрытые язвами - дрожали, впалые щеки с черными пятнами вваливаются, одежда - грязные лохмотья.

Старой приблизился к царю и окровавленным комком языка, еле вымолвил:

-Теперь доволен, царь! Зачем позвал?

-Грешен перед Богом, - вырвалось у царя. Сейчас же поезжай на Дон. Татары - лезут на окраины. Возьми мой кафтан, в знак моей ласки царской. Царь снял кафтан и накинул на плечи Атаману. Старой невольно усмеялся, - говорить полусожженным языком трудно. Царь протянул грамоту для Атамана Каторжного с похвалой Войску "промышлять над татарами, чинить над ними поиски, сколько Бог помощи даст, разорайте татарские улусы, людей побивайте, жен и детей их в полон забирайте. Спасайте государство наше!.."

Отпущено было для казаков Старого и Наума Васильева, освобожденного из тюрьмы: 476 ведер пива, 476 ведер меду, 476 ведер вина; разных заморских сукон и жалованье для войска. Царь велел приехать в Москву и Атаману Каторжному: "для царской ласки".

Исследуя материалы по Казачьей истории, я натолкнулся в трудах знаменитого академика Н.Я. Марра, - установившегося древность Казачьего народа,

где он говорит:

"Когда социальное положение народа понижается, вызванное событиями, то этот народ называют: воры, разбойники, изменники; когда же социальный авторитет повышается, то говорят: народ этот благородный и бывает ему почет". Так и с слабавольным царем Михаилом было: советы лицемерного интригана Филарета приносили вред государству и страдания в войнах казакам.

Окутали в теплые одежды Старого, положили его в царский возок; к нему сел Наум Васильев, и поехали Атаманы на родной Тихий Дон.

А тем временем, под стенами Смоленска, грянула война. Московское многочисленное войско оказалось абсолютно небоеспособное, стало разбегаться, что было на руку и его руководителям воеводам Шеину и Измайлову, — они просто продали войско польскому королю Владиславу. Шеин и Измайлов были все же казнены, набитые карманы червонцами не помогли. Но не казнили инициатора бесславной войны "святейшего" интригана Филарета, в свое время выдвигавшего в цари Московии, того же Владислава и присягнувшего ему.

Как и предсказывал Старой царю, сын Джан-бека Гирей-Мубарек-Гирей, с сорока тысячным войском вторгся в пределы Московского государства. Он достиг Ливен, миновал Тулу, прорвался через укрепленную линию, и Серпуховской дорогой вышел к Оке, в 120 верстах от Москвы. Проник он к Кашире и Пронску. Повсюду запылали города, деревни, села, дворы и церкви. На всех дорогах стоял великий плач детей и женщин. И только слухи, что на помощь Москве идут шведы, да что казаки возможно отрежут путь отхода в Крым, спасло Москву.

Как стадо скота гнали в Крым пленных; над головами их посвистывали плети погонщиков.

А в каменной крепости Чуфут-Кале сам Джан-бек-Гирей в страшном гневе, пытал и казнил лютой смертью послов Москвы: Косогризова, Дурова, Саковина и Голосова, вешал их голыми вверх ногами, требуя лисьих пуб; приближенные хана вершили над молодым Дуровым, с присущей азиатам страстью, противоестественный "содомский грех".

А в это время на Дону, к созданному Атаманом Каторжным майдану, по поводу похода против войска Мубарека-Гирей, незаметно в "Московские ворота" в, ездил позолоченный царский возок. Дежурный на колокольне зазвонил, пушка ударила — царь едет! На козлах сидел осанистый заправский царский возница, а кругом возка свои казаки. Возок остановился около часовни и все обомлели. Из царской кареты вышел худой, бледный Атаман Наум Васильев. Три года он, сидя в тюрьме, не был на родном Дону. Глаза слезятся, волосы, еще у молодого, словно снегом посыпаны. Заплакал Атаман в изнеможении; к нему подбежали все атаманы и старики, целуют Наума. Казаки кричат: Атаману Науму — СЛАВА! Наконец, в большом волнении, Атаман сказал:

— Добра то мы привезли много, а не любви и горя еще больше, — войдите в карету...

Ковры, узоры, ларец в золоте и камнях блестит, парча, сукна, а в углу, согнувшись человеческое тело в... царском одеянии... запытали Старого в Москве, — с горечью пояснил Наум.

Атаманы бережно вынесли Старого и положили на траву. Старой рот раскрыл, что-то хотел сказать, но лишь замычал. В дороге еще более язык распух, губы растрескались, из язв текла сукровица...

— Вот, выбьем дурь из головы царя, — кричал Татаринцов, — не без него, ведь, это насильство делалось. При Грозном царе такого не было. Донские Казаки! Что же мы должны делать? — в гневе, покрывая шум майдана, как гром, вопрошал Каторжный... Пожили в муках — хватит... побить московских палачей...

А распаленный майдан ревел:

— Не станем грамоты читать — к черту... царский возок кинуть в Дон, — гудела Донская вольница, будто ураган.

Карету покатали к Дону. Старого понесли в его землянку, на попечение

знаменитой московской вышивальницы Ульяны, бежавшей на Дон с казаками, от злодеев бояр.

Прошло три года. Азовцы все более и более наглели, нападали на казаков. Казаки отбивались, но царь по-прежнему писал:

- Не задирайтесь и вам поведеваем жить с ними в мире...

Как-то Старой, уже выздоровевший, сидел на запалинке своего куреня, смотрел на родной Дон, только что освободившийся от льда и думал, - ведь на нем лежала обязанность вести дела внешние республики.

- Противиться ли царю безвольному, окруженному врагами казаков, боярами; выйти ли из его воли, или покорно подставлять свои головы под ятаганы турок и татар... Взять Азов! как молния прорезала мозг мысль Атамана.

И, вдруг, вдали за городом, в степи, грянуло:

"А попереду Дорошенко
Веде своє військо,
Військо Запорізьке
Хоршенько!

А позаду Сагайдачний,
Що проміняв жінку
На тютюн та лодьку
Неудачний...."

Ветром отнесло в сторону песню, но снова, с попутным дуновением, над степью пронеслось, как буря:

Гей, долино, гей,
Широко.
Козаки йдуть,
Козаки йдуть...."

Вскоре показалась колонна. Колокола зазвонили. Впереди ехал бравый, красивый, з "оселедцем" за ухом, молодой копейкой Матьяш.

Увидев Старого, которого он знал по походу на Царьград, подбросил шапку и снова ее схватил ловко на лету, он крикнул:

- Дону-Слава!

Его слова подхватили Запорожцы. Привставший Старой крикнул:

- Днепру-Слава!

Его поддержали сбежавшие казаки и казачки, а детвора, как мухи облепили Запорожцев, любясь их одеждой, пашками, конной сбруей.

- Куда Бог несет, дорогой Матьяш? спрашивал Старой.

- Веду 4.000 казаков в Персию, добивать себе счастья, - война Амурата с персами началась.

Пока Матьяш беседовал со Старым в курене, попивая добрую "горілку" и засывая балыком, Атаман Наум Васильев, зная уже думку Старого о Азове, уже скакал в Монастырский готовить пирожки на все Запорожское войско.

Обласканные Донцами, Запорожцы на отрез отказались идти в Персию и решили остаться на Дону.

Намерение Атаманов-взять Азов, держалось в строгой тайне. Сам Атаман Каторжный от, ехал в Москву для "царской ласки". Но в Черкасске и других городках кипела работа по подготовке к походу. Атаман Татарин, избранный в Походные, не слезал с коня. В Монастырском принимал войска, приходящие со всех юртов и городков и спешно обучал новых: конных перескакивать через рвы, быстро спешиваться и идти в атаку в пешем строю; пеших учил взбираться с помощью лестниц и арканов на стены, рыть глубокие траншеи и подкопы.

Казачкам приказал сушить побольше рыбы и мяса, выпекать чуреки, вялить рыбу и зашивать в мешки; портных и сапожников усердно заняться обмундированием. На удивление всем, приказал собирать татарские кафтаны, пить

фески, собирать зурны, трубы.

Туркмены, жившие восточнее Дона, обратились к Татаринovu с предложением Союза. Он их отослал к Старому, заведывающему Посольскими Делами. Тот обласкал Туркмен, их прибыло 300 кибиток, из них был образован верблюжий полк.

Внешней безопасностью заведывал Атаман Наум Васильев. Ему удалось захватить на море, западнее Азова, небольшой флот турок, сопровождавший дочь Азовского паши-Калаша, красавицу Довлет, предназначенную в жены Крымского хана, с 700 турками.

Как залог для обмена на казаков, Довлет содержалась в Черкасске на особом попечении. Папа прислал из Азова задержанных казаков. Но красота ее свела с ума Походного Атамана Запорожцев Матьяша. Он потребовал ее себе и пригрозил, что если ее не отдадут, то он уведет Запорожцев. Ему не отдавали, он стал буйствовать в пьяном виде, стрелять. Тогда решили отослать Довлет в Астрахань для Персидского шаха.

Узнав об этом, Матьяш поскакал в погоню, но за ним помчались Запорожцы с Паньком Стороженко, недолюбливавшие буйство Матьяша; догнали его, связали, привезли в Монастырское, наварили большой казан каши и сказали:

-Ешь, сукин сын, не поешь-обросим в Дон!

И Матьяш ел, ел и с раздутым желудком свалился на землю, три дня спал, а на четвертый вся страсть исчезла.

В помощь Атаману Васильеву была дана разведческая команда сапер, во главе с знаменитым инженером Иваном Арадовым-300 молодых казаков.

Биография Арадова такова. В 1623 году, в Москву прибыла делегация Венгрии для заключения союза с Москвой против турок. С этой делегацией прибыл и Арадов. Миссия этой делегации не увенчалась успехом, по вине беспутного Филарета, для которого подарки султана были ценнее общих интересов в борьбе с могущественной тогда Турцией. И Арадов-венгерец, решил ехать на Дон, заявив, что оказывая пользу Дону, сражающемуся с турками, своими знаниями, он тем приносит помощь и своей родине Венгрии. Круг Дона радостно принял Иоганна Арадова в казаки, с переименованием Иоганна в Ивана и он стал гражданином Донской республики.

Арадов приступил усердно к обучению 300 сапер/среди коих был и 12-летний Степан Разин, отчаянный казаченок/, как копать зигзагообразные окопы для подхода к крепостям, чтобы не страдать от картечи и пушек и ружейного огня, производить взрывы, бросать огненные фугасы, вязать фашины, взбираться по лестницам на стены, намерняка бить из ружей в мишени.

Арадов принимал участие в морских походах на Синоп и Трапезунд. Среди казаков пользовался большим почетом. Он же составлял чертежи крепости, не с одной только огневой линией на верху стены, а с двумя по средней линии, а также постройке угловых башен, чертил подкопы из крепости для взрывов валов вокруг стен крепости/чем впоследствии и воспользовались казаки/.

— . . . —

Черкасский большой колокол гудел тревожно, ему вторили колокола на сторожевых башнях. Казаки бежали на майдан. На площади показалась маститая фигура самого Донского Атамана Каторжного, недавно только прибывшего из Москвы со стругами, полными: товарами, вином, хлебом, порохом, свинцом, жалованьем. А из Азова прибыл турецкий посол Фома Контакузен, для отправки в Москву и просил себе казачий конвой.

Глаза-гиганта Атамана горели злым огнем. Он подошел к майданному столу, около которого валялись связанные арканами: лицкий есаул Иван Поленов-предатель войска-шпион царский, лазутчик Урмаметка-татарин, два турка и грек, задержанные дозором есауда Порошина в камышах и болоте, с грамотами посла Фомы в Азов, Москву и Крым. Здесь же стояли связанные, сам посол турецкий-грек по происхождению и его чауш/переводчик/-Асан. Из войскового куреня вынесли Казачьи Регалии: пернач, бунчук, знамена.

При разборе дела, при опросе лазутчиков, оказалось, что Поленов написал письмо в Москву и передал это письмо Фоме, а последний посылал предупреждение в Азов и Крым, что казаки готовятся к осаде Азова. Эти то документы и были захвачены разведкой Наума Васильева.

Казаки кричали:

-Смерть лазутчику султана!

Грозно подошел Наум к послу:

-Это тебе, Иуда, за мое сиденье в тюрьме. Бери, Фома, мою награду!

Посол раскрыл глаза, но не успел их закрыть, как пашка взметнулась со страшным свистом и голова Фомы скатилась с плеч. Наум оттолкнул ее ногой.

-Мне, Донские Атаманы, терять уже нечего!

Еще раз блеснула пашка и голова чауша Асана покатила по земле.

Двенадцать кулей предателей несли к Дону. Впереди шествия нес куль Фомы сам Атаман Каторжный, куль Асана нес Старой, куль Поленова-Поропин есаул. Кули бросили в Дон, в подарок ракам.

Возвратившись к Часовне, Каторжный молвил:

-Ну, Михаил Иванович! Готово ли твое походное войско? Веди его на Азов!

Татарин говорил Кругу:

-Попомните мое слово, Казаки... Медлить нельзя и опасно... бояться нам, кроме Бога, некого... царь наложит на нас опалу за казнь посла, не станем просить пощады... в грамоте Фомы, ведь, сказано: "терпеть казаков-разбойников не можно. Сгони их, царь, на Яик реку..."

Султан завяз в войне с Персией, не скоро выберется. А нам бы-казакам, одним крепким ударом взять Азов, ведь он был наш казачий Азак!

Казачий гул, как гром гремел:

-Царь нам не указ. Веди нас Атаман Татарин.

Казачьи струги двинулись вниз по Дону. Конница Запорожцев остановилась охраной Черкаска и Сергиевского городка, на случай набега Крымских татар. К ним присоединился и верблюжий полк.

Дед Черкашенин не утерпел от участия в походе. Старый Атаман Черкашенин являлся как бы знаменем былой старины казачьей и казаки Дона верили в боевое счастье: раз "дедуся с нами, знать будет успех!" И сидя на передовом струге, тихо пел: "Ты прости, ты прощай наш Тихий Дон Иванович!" За Свободу Дона погибли его три сына и особенно выдающийся есаул Федор, при воспоминании о которых горячие слезы старого Атамана увлажняли его глаза. Что ожидает под Азовом всех казаков? Многим, что плывут по Дону, суждено пасть смертью храбрых в жестоком кровавом бою...

Заметив грусть старого орла, Атаман Татарин, сидевший рядом с дедом, сказал:

-Думу твою знаю, за плечами Москва, под нами вода Тихого Дона, с нами войско грозное, в городках остались сироты малые с матерями и без них, искалеченные казаки в боях, да дряхлые старики. Попасть в немилость царю-беда, быть во вражде с султаном-беда. Не горюй, дедуся, возьмем Азов, смоём слезы казачьи.

И, вдруг, на стругах казаки запели:

"Ай, загоралася во поле ковылушка,

Да не ведомо-отчего,

Ой да, не от тучи же, братцы, не от грома.

А загоралася ковылушка от казачьего, братцы, ружья..."

Под прикрытием темноты, войско Донское пошло на приступ крепости,

18 июня в 4 часа, раздался страшный взрыв большой силы под Ташкенской стеной, подготовленный великим казаком Арадовым. Стена от взрыва зашаталась, треснула, в середине образовалась брешь, саженой в десять. Но знаменитый инженер Иван Арадов погиб: его завалила стена. Этой герой жертвенно пошел за Казачьему народу и его Земле, оставив после себя блестящих техников. Память о этом славном рыцаре будет вечно в Казачьей Истории.

СЛАВА во веки ГВРОЮ!

Не успел затихнуть гул, как с другой стороны, под самой крайней башней,

соединяющей Азовскую и Султанскую стены, раздались два громадных взрыва, Казаки бросились к провалам, на них обрушился сильный огонь двести пушек, но ядра летели вверх голою.

Атаман Каторжный, подплыв на стругах к пристани, поджег триста турецких лодок. Удушливый дым просмоленных лодок заволокло стены крепости. Вся пристань горела. К Приреченской стене приставили саперы лестницы, казаки полезли вверх, на них лилась горячая смола. Саперы были в медных касках - раненные падали в ров. На стенах турки кричали:

-Азер, Азер-Аллах, Аллах!

Казаки снизу целились и били наверняка, со стен падали турецкие начальники в зеленых куртках, артиллеристы с фитилями, сыпались красные фески.

Справа раздался новый взрыв, ученика Арадова-Ивана Косова, Азовской стены.

Отряд Старого пробился под Каланчинскими башнями, взорвал башню, обложил со всех сторон третью башню и подоспел на помощь к Каторжному.

Глубокие рвы наполнились убитыми турками и казаками. Приставив лестницы, два Атамана взобрались на стены и заметили, что в море появились Запорожские чайки. То подошел отряд Петра Вернигора. Рассыпавшись по берегу лавой, они с хода полезли на Приреченскую стену. Татаринцов с большим отрядом бросился в брешь Ташкенской стены, но был отбит, бросился к Султанской - тоже неудача. Тогда, в великой ярости, налетел на Ташкенскую стену, где грудой и грозной толпой стояли янычары. Подкатили две пушки. Дали залп кусками железа, - живая стена янычар прорвалась - Татаринцов с Порошиным и с казаками врубилась в остальных. Прорвался. Засверкали казачьи пашки уже на стенах крепости. К Султанской стене прискакали, наконец, запоздавший Матьяш с Запорожцами и верблюжий полк туркменов Гайши и наездника Сергея. Взорвали главные ворота с бесстрашным Атаманом Наумом Васильевым. Гайша и Матьяш пошли в атаку.

Кругом кипела страшная сеча. Наконец, турки, видя что им грозит смерть, кинулись вон из крепости. Медный плем Атамана Татаринцова появился на Султанской стене. Отчаянный Атаман кричал:

-Калац-папе могила. Крепость, братцы, за нами. Рубите всех до единого.

К ночи пушки турок стихли. Врываясь в казематы, казаки кончали бой. Походный Атаман скакал по площади крепости и кричал:

-Слава, вам, Донские и Запорожские казаки на вечные времена!..

Целую неделю казаки убирали трупы турок. Мертвых казаков ствозили в Монастырский городок, там хоронили и устроили на братских могилах Часовню, которая стоит и доныне там. Было убито 1.100 казаков и много ранено. Затем казаки собрали Круг, на котором постановили:

1/Походного Атамана Михаила Ивановича Татаринцова, за его дерзновение и подвиги во славу Донской Земли и за страх поганому турецкому султану и Крымскому хану, возвести в звание Атамана Великого Войска Донского и жить ему в крепости Азова.

2/Городу Азову быть вольным городом для торговли всем купцам Востока и Запада.

3/Всем казакам и их женам из Черкаска переехать в Азов и жить там.

4/Всему Войску крепить стены крепости по чертежам, почившего героя казака Ивана Арадова и во веки не отдавать ни хану, ни султану.

5/Атаману Алексею Старому вести постоянно мирные переговоры с народами Азии и Европы, а также с мурзами Большого Ногай свободно кочевать по Кальмиусу и Миусу, возле Азова и Астрахани.

К крепости прибыл посол Грузии Георгий Цулубидзе, для приветствия казаков с победой. Он привез на сорока четырех больших подводах, в сопровождении Терских казаков: вино, порох, свинец, сукна и оласти для казачат. Казаки были расстроганы братским приветом христианской Грузии и кричали: "Грузии слава!"

Затем начались в Азове мольбы о даровании здравия Великому Войску

Донскому, панихиды по павшим орлам.

А.И.Ригельман/"Повествование о Донских казаках", писал:

-Казаки, взявши в 1637 году Азов, возобновили в городе бывшую древнюю церковь Иоанна Предтечи, греческого православия, которая сооружена была, а также и образ в ней писан был еще от 637 лета.

Победу над турками, казаки завершили веселым пир-беседушкой. Вино лилось, песни неслись вниз по Дону, через Керченский пролив. Но общее веселье нарушил глава Запорожцев Матьяш. Своевольный, неуживчивый, честолюбивый, спропагандированный Московским послом Савиным, что Матьяш будет обласкан царем и возможно станет, гетманом, грубо и дерзко потребовал от Атамана Татаринова отдать ему половину Азова и добавил:

-Если не отдадите, то подниму все войско Запорожское и перебью кого надобно!

Панько Стороженко и Петр Верныгора, подслушавши тайно сговор посла Савина с Матьяшем стояли сзади его, когда он грозил Татаринову, и Панько спросил его:

-А яку тобі половину дати? Оту, до до річки йде, чи цю, до в степ веде?

-Оту, до до Дна веде! -ломаясь самодовольно, ответил Матьяш.

Запорожцы схватили Матьяша и понесли с шумом на Приреченскую стену и размахавши оттуда, сбросили в Дон.

-Ото буде, хлопці, його половина! бурчали обозленные Запорожцы, за нарушение торжественного праздника.

Грустный звон колокола протяжно пронесся по городу и повторился трижды в память заблудшагося казака.

-Да простит Всемогущий Бог за его грех. А нам, братцы, Запорожцы и Донцы, живым нужно думать о живом, а не о мертвом! -сказал грустно Атаман Татаринов и пир оживленно продолжался во славу Казачью!

ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА МОСКВЫ.

Донское Войско того времени, готово было кроме Азова, привести в государство имя Тамань, Темрик и Большой Ногай, но против включения Азова в состав Московского государства. Войско готово было пойти на унию с Москвой, во имя общего дела, но частью Московии оно себя не считало, как не считало себя и частью Московского народа и не желало им быть. Казаки пли по пути создания империи на федеративных началах, толкало на этот путь и безвольного царя, но этот царь, как игрушка в руках "черного ворона" Филарета, придерживаясь его подлых советов, шел по пути поглощения, захвата и грабежа всего того, что встречалось.

Стремление и психология вольности и рабства были не соизмеримы. Так или иначе, выход в Черное море, после взятия Азова, раскрывал перед Москвой широкий горизонт развития колоссальной торговли, но наличие там казаков, приводило рабовладельцев бояр в изступление. А между тем, казаки считали царя защитником христианского народа и верили, что и весь то народ Московии, тоже христианский, создавший "сорок сороков" церквей. Какой был самообман! И после уже Атаман Кондратий Булавин говорил: "у московского народа много церквей, но веры нет..."

Посланный в Москву 20 сентября Атаман Петров, на поставленный им вопрос:

-Какое отношение царя будет ко взятию Азова? -не получил определенного ответа, Москва выжидала осторожно событий, и даже в грамоте своей не упоминало имени Азов, а только спрашивала о освобожденных из крепости пленных, число их 1.670 было уже прекрасно известно. Но заботы о них никакой. Пленные москвиты, как военный материал абсолютно непригодный для казаков, да эти люди и не хотели оставаться на Дону, как в кипящем котле войны.

Московская власть относилась к своим, казалось, гражданам абсолютно безразлично, не отпуская на их пропитание ни гроша, взваливая расход на

них, на Донское Войско, которое и кормило несчастных во имя христианского соблезнования, само нуждаясь в хлебе.

20 ноября в Москву прибыл Атаман Шатров, но и он не добился прямого ответа об Азове, а лишь Москва выражала заботу о том, как бы казаки привели в подданство Большой Ногай "великому государю".

На следующий 1639 г. в феврале был послан Атаман Устинов, с захваченными языками турок и татар, которые сообщили, что Турецкий Султан повелел Крымскому хану готовиться к походу под Азов. Устинов доложил также, что "пороховую и ядерную казну" истратили, большой недостаток в хлебе, израсходованном на большое количество московитов пленных, все время прибегающих в Азов, и что пограничные воеводы не пропускают московских торговцев с хлебом, а сами торгуют в свою пользу, а также берут чрезвычайно высокие пошлины, и когда Устинов, наконец, сказал, что Большой Ногай, после взятия Азова, выражает согласие войти в подданство, то царь "смиловался" и послал 100 пудов пороху и 150 пудов свинцу, т.е. в полсовину меньше обычного, посылаемого ранее, а в грамоте-наказании, что "в случае похода татар на московские украинны, чинить над ними поиски, чтобы православных христиан в плен и в расхищение не дать", но кормить то этих "православных", уже освобожденных, Москва отказывалась. Вот так православие Москвы! И опять в грамоте об Азове ни слова.

9 марта, из новой уже столицы Дона, в Москву выехал сам Войсковой Атаман М.И. Татаринов с есаулом Шадеевым и Станицей в 22 казака. Он сообщил, что большая часть Б.Ногай уже перекочевала на левую сторону Дона и "кормим пошла давали и телегами ссужали, а поэтому сами в хлебных запасах совсем оскудели". Также Атаман жаловался на недостаток боевых припасов, а что весной ожидается поход турок и татар к Азову, что Азов об, явлен казаками вольным торговым городом и торговля налаживается. Наконец, думные бояре поставили Татаринову острый вопрос:

-Будут-ли казаки отстаивать Азов?

Атаман ответил:

-Приговорено и утверждено крепко, чтобы против турок стоять, осаду в Азове крепить, города не отдавать и не покидать, хотя все до единого помрут.

А поэтому Атаман просил прислать жалованье, хлеб и боевые припасы, а также послать указ воеводам украинских городов прекратить задержку торговцев, из собственной корысти и наживы и пропускать их на Дон безпошлинно.

Указ был послан, но он плохо исполнялся. Москва хотела, чтобы казаки удерживали Азов, но страшась событий, стремилась остаться в стороне, об, явив нейтралитет.

Донское Войско взяло Азов своими головами и было вольно удерживать ли его, оставить без боя или войти в соглашение с Турцией, на выгодных началах.

19 апреля 1638 года, Крымский хан прислал своих послов в Азов с требованием уступить его без боя.

Донцы ответили:

-Не токмо, что городу вашему царь не отдадим, но не дадим и одного камня из городской стены.

После этого поплы в разных направлениях раз, езды, а 6 мая ушел к берегам Анатолии Атаман Александр Долгов на 45 стругах, около 2.000 казаков. Вверх по Дону была об, явлена мобилизация. Мотив: "чтоб свою молодецкую честь не потерять, за истинную христианскую веру стоять..."

Внимательно и любовно исследуя свою родную Казачью Историю от древних времен до современности, мы видим, что в жизни Казачьего народа не было стремлений к захвату чужих территорий для создания за счет их материальных ценностей, и если и были частые походы в пределы Турецкой империи, то тогда это считалось делом даже богоугодным, против фанатизма турок, кровью и железом восстановить вокруг себя Ислам.

Казачья во всех войнах России принимала всегда яркое участие, и всегда в результате оставалась голыми. Что же двигало казаков на высочайшую жертвенность? Патриотизм во имя империи, любовь к Москве? Нет, эти чувства не были импульсами, т.к. казаки не могли любить рабовладельческий метод управления, а все же стремились на поля сражений охотно, как будто на свадебный пир.

Ведь, казаков никто не гнал палками, как обычно это делалось в Московии, и тем не менее, казаки шли в бой за чуждые им интересы, в пользу исключительно жадной Москвы, и клали свои чубатые головы.

Взять, например, так называемую "Отечественную войну" 1812 года. Для казаков она "отечественной" не была, т.к. казаки считали себя отдельным от России народом. Пошло на войну 82 казачьих полка, 60 из них покрыли своими костями всю Западную Европу, 22 полка вернулись на Дон, а все лучшие земли - 3 миллиона, были захвачены дворянами.

Инертность, безразличие к материальным ценностям, даже глупость руководили казаками, которые шли на убой? Но нет, казаки, ведь, были вольные, свободолюбивые, с высоким самосознанием своего казачьего достоинства.

Какая же духовная сила толкала их на смерть? Для многих покажется даже непонятным, но самой движущей силой было "чтобы свою молодецкую честь не потерять, за истинную христианскую веру постоять..." Современное "культурное" общество, по духу уже отошедшее от богословских истин, скажет: "какие же были казаки-дураки!" Вместо того, чтобы завсездывать хоромы, они жертвовали свои головы за мифическую Честь и Славу!

Пройдут еще века, исчезнет поклонение "Золотому Тельцу", рассеется сатанизм и перед восхищенным взором обновленного духовно человечества, предстанет Казачий Рыцарь Чести, Свободы и Истинной Веры в Создателя всего видимого и невидимого Мира!

Атаман Долгов вернулся из морского похода благополучно и вскоре опять ушел в море, узнав о приходе свыше 50 турецких катарг. Казаки встретились с Турецким флотом у г. Тамани и, несмотря на превосходство турок, ударили и "учинился бой большой и стал дым великий". Около половины казачьих стругов было заперто в устье Кубани, тогда казаки вышли из стругов и продолжали бой, но на помощь турецкому флоту, пришли турки и черкесы/принявшие ислам/из Тамани и Темрюка. Половина казаков прорвалась и пешком дошла в Азов, а свыше 300 казаков пали в бою. Турки потеряли свыше 1.000 убитыми. Остальные струги, пустивши на дно 10 катарг турок, возвратились обратно.

Сведения, полученные на море и от конных раз, ездов, захвативших пленных во главе с сыном мурзы, убедили казаков, что поход к Азову турок в 1639 году не состоится. Мобилизация была отменена. Запорожцы ушли из Азова на помощь своим против Польши.

Войсковым Атаманом весной еще был избран Наум Васильев; он сообщил Москве, что 30.000 ногайцев перешли в подданство царю: "а мурзы, государь, ногайские, которые под твою царскую руку пришли, в достать нас истоцили: и запасы хлебные, и мед, и вино, и быков, и баранов, и невода, и котлы, и каюки мы мурзам давали и деньги собирали, себя оскудя и их, мурз, утешали для твоего царского величества. А пленники палом валят в Азов, даже один корабль с пленниками, захватившими его, прорвался к Азову и мы совсем исхарчилились". И несмотря на это, Войску было отпущено только 6.000 рублей, а хлеба ни куска, а также боевых припасов, а узнав из доклада Атамана Каторжного, что в Крыму 12.000 невольников заготовляют продовольствие для турецкой армии, совсем зажалась. Если Москва хотела добиться очищения казаками Азова и заключения "братского" союза с Турцией, не давая средств для защиты, то это вполне было бы целесообразным.

4 января в Азов прибыло посольство от Персидского шаха с грамотой Донскому Войску. Шах предлагал Союз и помощь от 10.000 до 20.000, но казаки отказались самостоятельно решить этот вопрос, за неимением хлеба и боевых припасов, и отослало грамоту царю, который из амбиции не мог понять действия казаков.

По случаю смерти Турецкого Султана и восшествия на престол брата Иб-

рагима, поход в 1640 году не состоялся. Для Азова и для Москвы это был большой выигрыш для вооружения Азова, а также дипломатических возможностей, но Москва не делала ни того, ни другого, беспутно и глупо выжидала.

Атаман Наум Васильев, зная отлично лицемерие Москвы, писал:

-Азов держать нечем, казаки с наготы, с босоты, и с голоду и холоду разбредлись врознь по своим городкам. Бьем городом со всеми городскими строениями и 280 пушками. А мы, государь, не городержцы. Мы бьемся за веру христианскую неизменно, и если Азов не будет принят в царскую отчину и жалованье не будет прислано, то казаки разрушат Азов и покинут его.

Атамана Зимовой станицы Гаврилова утешали, что запасы будут присланы, и на протест Атамана, что проеводы не пропускают, тоже сказали, что напишут указ.

Политика Москвы привела к тому, что казаки стали фактически убеждаться в том, что им больше было выгоды, когда Азов был в руках турок. Крепость требовала наличие большого гарнизона, а этот гарнизон, будучи только едоками, не имел возможности добывать средства охотой, рыбной ловлей и торговлей.

Угроза казаков оставить Азов, подействовала на царя и он отдал указ снабдить Войско необходимым, но отправка задержалась под различными предлогами.

21 марта 14.000 татар подошли к Азову. "Были бои великие пять дней, наших людей на устье Дону и на взморье на рыбной ловле побрали, а мы у них сколько Бог помощи подал, многих побили и побрали", гласила отписка царю.

Крымский хан прислал послов для размена пленными и предлагал казакам "казну великую 40.000 червонцев".

На последнее предложение Наум Васильев/атаман/ответил:

-Взяли мы Азов своим умышлением, а не праведного царя повелением, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали за истинную свою непорочную веру, за дом Св. Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна, а на твое тленное и гибнущее злато не прельцаемся. Будет вам, Крымскому и Турецкому царям, Азов город надобен, и вы его также доставайте, как и мы доставали: своими головами и своею кровью.

Вот и опять красной непрерывной нитью пронизывается духовная структура Казачьего народа: Честь и Вера, но не злато!

Крымский хан добивался Азова. Тогда все силы он мог бросить на Москву прямым путем от Перекопа через Тулу. А Москва так запасы и не прислала на Дон. А весной 1641 года из Москвы тайно, от Донских казаков, через Крым, были посланы в Царьград послы Лыков и Букалов для заверения нового султана в своей дружеской лояльности и что султану предоставляется свобода действий по отношению к казакам, которым царь поддержку не окажет, а будет держать строгий нейтралитет. Москва шла на явное предательство.

11 апреля Атаман Т.Я. Лебяжья-Шей на 12 стругах "для вестей", всего 600 казаков высадились в Крыму; многих татар побили и освободили много русского полону. 7 стругов с пленными пришли в Азов, а Атаман Михаил Таран с 5-ю стругами остался на море и двинулся к Анатолийским берегам. Возвращаясь оттуда, уже не мог пробиться к Азову-куда прибыл Турецкий флот; тогда он кинулся к устью Днепра, но здесь ему преградил Польский полковник Душинский; он сперва брал взятки с казаков за укрытие их от турок, а затем предложил последним совместно напасть на казаков. Весь отряд был окружен и почти все 300 человек пали смертью храбрых. Спаслось лишь несколько казаков, один из них Юрий Марченко 15 октября добрался до Москвы и поведал о гибели отряда.

Вот пример довольно яркий, как западное воинство смотрело на войну: сперва и исключительно нажива до предательства христиан включительно, а затем уже набивши карман, говорить о "чести и вере".

Последняя отписка Войска царю была послана уже тогда, когда крепость была обложена, но Атаман Белая Лукьянов прорвался ночью. В отписке Наум Васильев писал:

-24 июня пришли Крымский царь и многие земли и Азов обложили, запасов наших много было обещано, но не прислано, и пить и есть почти что нечего".

Валуйский воевода Голенищев-Кутузов также доносил, со слов захваченных татар, что турки после взятия Азова, все свои силы бросят на Москву.

Москва послала в Царьград новое посольство Зайкова, но оно было перебито Запорожцами. Москва обезумела от ужаса и отдавала себя на милость Турции.

Несмотря на превосходство турок и татар, на очевидное коварство и предательство Москвы, задержавшей средства для защиты Азова, славное Войско Донское решило защищать Азов. Был ведь выход: отдать за большой золотой запас, предложенный Крымом; могло Войско оставить Азов на выгодных для себя условиях. Но тогда все колоссальные силы турок и татар до 400.000 были брошены и тогда бы бытие Московского государства было бы кончено, ибо Казанское и Астраханское царства, как единоверцы, с радостью набросились бы на своего врага Москву.

Донское Войско защищало не себя, оно могло свободно и на выгодных условиях, уйти вверх по Дону, но оно защищало свою непорочную светлую Честь и Веру и Славу!

СТРАШНАЯ БИТВА ЗА ДРЕВНИЙ ГОРОД АЗАК-АЗОВ.

Комендантом крепости был назначен Осип Петрович Калужанин, неимоверной силы и отваги казак. О нем сохранился рассказ, когда во время сильной бури и ливня дождя, и вздымился страшными волнами "Тихий" Дон, срывая с приколов плоты с запасами: рыбой, сухарями, мясом, то он, задерживая плоты могучими руками, забивал большие колы пудовым молотом; вокруг него кружились, как выброшенные из гнезда, птички-казачки, спасая добро казачье-общинное и, вдруг, крики: "татары, татары!"

Увидя красивый, пышный цеток изящных казачек, вокруг Осипа Петровича, татары бросились на этот "топар", самый ценный для азиатов. Первым мчался мурза с высоко поднятой саблей на Атамана, а тот спокойно ожидал, не имея при себе ни револьвера, ни палки и только, что подекакал мурза, то страшный удар большим длинным колом обрушился сперва на голову лошади, которая пала мертвой и повалилась, а затем уже кол полосанул и мурзу; следующие за мурзой два татарина, ушли также в вечность за своим начальником; остальные просто остолбенели и когда Атаман двинулся на них, размахивая ужасным колом, то они в страхе умчались. Спасенные казачки бросились в свои землянки и выбегали оттуда с ружьями, чтобы принять участие в защите Черкаска.

Сама крепость была заново отремонтирована, укреплена по чертежам инженера Ивана Арадова, были углублены и уширены рвы, была создана трехъярусная огневая оборона, вместо одной верхней, устроены были дополнительные башни, под землей создали минные галереи, слуховые проходы, за стенами крепости поставлены "избы", кои насыпались хряцем, на случай пролома стен артиллерией.

На вооружении было 280 орудий мелкого калибра. Перед осадой, по мобилизации, подошли казаки со всех речек "Казачьего Присуду", последняя тысяча уже пробилась через турецкое обложение. Собралось в Азов до 8.000 казаков и 800 казачек, во главе с Атаманьшей Барбарой Татариновой, вскрывшей после взятия Азова, измену предателей-братьев Яковлевых-Михаила, которого подвесили кржком за ребро и Корнея, увильнувшего от кары, но затем, после прославившегося предательством Атамана Степана Разина, Казачий резерв был оставлен в городке на Казачьем Острове, который часто нападал на тылы осаждавших турок и татар, проявляя дерзкие партизанские налеты.

В Азове еще до осады, ощущался недостаток в хлебе, крупе, толокне, пшенице.

По своей территории, количеству населения, громадным средствам, по своей военной мощи, Турция была самой могущественной империей всего Земного

шара.

Силы исчислялись казаками осадной армии в 240.000 человек, по распросам пленных. Эту численность дают и турецкие источники, из записок историка муфтия Эвлины, бывшего главным муедзином при турецком главнокомандующем папой Гуссейн-Делия. Боевой состав был в 250.000, а 50.000 рабочих. Турецкий флот состоял из 150 галер, 150 фрегатов, 200 чаек, всего свыше 500 судов.

Артиллерия: 120 ломовых/осадных/пушек для пролома стен с ядрами в пуд, полтора и двух пудов, мелких орудий было 700 и 32 мортир для навесного огня. Всего у турок было 850 пушек и изобилие боевых припасов.

Эти громадные силы и средства, конечно, были двинуты не только против Азова, взятие которого папа считал, как летняя прогулка, а всю мощь он имел намерение двинуть на Москву, чтобы с этим государством покончить раз и навсегда, установив, таким образом, могущественную Турецкую Империю, включив Казанское и Астраханское царства, о чем эти царства и просили Турецкого Султана.

Силы же Московские хотя и многочисленны, но абсолютно непригодны для боевых действий и даже не потому, что их не обучали, а потому, что сам народ, будучи в рабстве, не пылал "патриотизмом", как то и было во времена "Смуты", когда ополчение Минина и Пожарского просто разбежалось, оставив свое "отечество" спасать казакам, о чем прекрасно были осведомлены турецкие и крымские власти.

Пехоту составляли гвардия: 20.000 янычар, 20.000 спагов, 47.000 турок, десант флота и 6.000 наемный корпус из немцев, венгров, итальянцев и 50.000 татар.

Во время работ по обложению, казаки сделали две дылазки. По словам Эвлины, было убито 700 янычар.

26 июня рано начался обстрел Азова. Крепость не отвечала. Стрельба стихла, это была демонстрация силы для устрашения казаков.

Перед обедом, к главным воротам, прибыли парламентарии от главнокомандующего, от флота и от Крымского хана с многочисленной свитой в нарядных одеждах, с золотыми и серебрянными украшениями. В крепость они не были допущены и казаки вели переговоры со стены.

Турки описали убытки Турецкому Султану взятием Азова, его "рыбного двора". Ведь, султан царь царей, хранитель гроба Господня, владыка-равный Богу, что силы Турции громадны, что Московский царь отказался наотрез помогать казакам, а поэтому защита безнадежна, и казаки без боя должны очистить крепость до рассвета, предоставляя казакам забрать все, что они хотят и с оружием даже в руках. уйти. Предлагаем казакам Союз на равных началах, обещая большие блага и честь казакам. От ответа казаков зависела судьба не только несчастной Московии, но и Востока Европы-момент был страшный!

От лица всего Великого Войска Донского держал ответ "толмач"-войсковой есаул Федор Иванович Порошин, знаменитый бытописатель "Азовского сидения". Известью и красоте его стиля многие удивлялись из историков Московии: "каким образом у казаков появился такой образованный человек?"

Думали и гадали и, наконец, решили: Порошин был крепостным у князя Оболенского, но откуда же он набрался "учености"? "ломали головы" историки, т.к. сам Оболенский был безграмотным. Так и не добились Истины, но раз "историки" написали, так и быть тому, что Порошин-крепостной и никаких возражений быть не должно.

Казаченок Федя сопровождал своего израненного отца в Борцевский монастырь и там оставался семь лет, до самой смерти любимого отца-героя. В этом монастыре было несколько престарелых священников, у которых были книги священного писания. Содержание этих книг Федя знал почти наизусть. Там он и познал грамоту и преуспел так, что и учителя то его дивились. Когда Феде минуло 15 лет, он прибыл на Дон, в Черкасский городок. Там он познал и "политическую" грамоту от Атамана Черкашенина и от самих даже "дьяков"

московских, бежавших на Дон.

Вот, вкратце, ответ Ф.И.Поропина турецким парламентарам:

-Мы-казаки хорошо знаем турок по своим походам на суше и на море; хорошо видим ваши силы, которых мы давно уже ждем к себе в гости. А что вы не надеялись на свои силы турецкие, Султан нанял еще иноземцев, которым и будет слава, коли возьмут Азов; таким огромным войском взять крепость слава невелика, а вот когда казаки удержат своими малыми силами, то слава будет великая и будет принадлежать только нам казакам. А что московский царь хлеба не пришлет, то мы и без вас знаем. Кормит нас и поит наш Свет Тихий Дон Иванович, рыбой свежей и зверями дивными; а серебро и платье цветное, и жемчуга белые, и камни дорогие, и девиц красных себе в жены, и всякий полон, то сами выдаете, и диковинны разные и коней добрых добываем у вас. А что ваш турецкий султан пишется равен Богу, то он, по-нашему-ваш омерзительный царь, равен бешеной собаке. За ту его гордость Спаситель, наш Царь небесный, скинет его с высоты в бездну. А чтобы мы шли на службу Турецкого султана, то вы нашу службу увидите под Азовом, и мы положим под ним столько турецких голов, сколько камней в его стенах, а если вы и разрушите стены Азова, то мы устроим лучше город из костей и черепов турецких.

Мы уже видели, как турки заицали Азов, а теперь хотим поглядеть, как вы его брать будете. А встреча и угощение вам приготовлено. Переговоры о мире, мы-казаки вести не будем, а ежели переговорщики придут, то их побьем до смерти.

Ответ казаков был не только категорическим отказом, но и насмешки и презрение к силам Турции с султаном во главе. Дерзкий ответ казаков привел в ярость всех пашей, и главнокомандующий приказал поднимать заранее приготовленное войско, в количестве 30.000 пехоты. Понеслись по полю звуки барабанов, литавр, бубнов, рогов. Войско двинулось с многочисленными знаменами. Турки построились в 8 рядов вокруг крепости, от Дона до Дона: "а строй их подобен был солдатскому... платье златоглавое с кемом царским, на головах шапки и шеломы позолотные". Впереди шли янычары, спаги /гвардия-гордость Султана/ с 6.000 отрядом немецких войск. Гуссейн-Делия решил отборными силами сразу же покончить с Азовом, а затем, не теряя времени, двинуть 200.000 войска на Москву.

Войска подошли уже ко рву, окружающему крепость, а в Азове гробовая тишина и на стенах ни одного казака; сделали очень искусно проходы через ров, стали взбираться на стены, команда: "нар-нар!" и оркестр воодушевляли воинов и они, как осы на мед, полезли к стенам-заполнили ров, на крепостной стене показалось уже турецкое знамя. А в крепости полная тишина, значит казаки решили сдаваться... одна из башен уже была захвачена турками, около 1.000 янычар. И, вдруг, земля дрогнула. Раздался гул из всех 280 пушек, которые были заряжены "сеченым железным дробом", только ничтожная часть этого "дроба" могла пасть на землю.

Оборона крепости, по чертежам гениального казака-инженера Ивана Арадова, бывшего венгерца, была оборудована так, что каждая пядь земли представляла опасность для врага: фланговый огонь на лезущих на стены, поражает десятки и сотни. "Победителей" башни взрыв метнул в воздух и все погибли, как писал историк Турции Эвлин. Рукопанный бой с храбрыми янычарами до 3-х часов ночи, и они не выдержав боя, пользуясь темнотой, отступили по трупам, наполнившим до отвала ров, турок. В этом самом жестоком бою турки потеряли, по словам Эвлины: "убитыми Кафинского пашу, 6 голов янычарских, 2 немецких полковника, не менее 10.000 убитыми, весь немецкий корпус, большая часть штурмовавших турок было ранено. Таким образом, гвардия турок, как моральная и физическая сила, на время перестала существовать, а без нее двигаться на Москву, оставив заслон под Азовом, было рискованно."

На следующий день все стихло. Турки откатились на три версты. К 11 часам прислали переговорщиков о заключении перемирия на трое суток для

уборки трупов, с предложением 100 серебрянных талеров за каждого убитого, а за тело Кафинского паши столько золота, "сколько он по весу потянет". Опять на стене появился есаул Ф.И.Порошин, в сопровождении самого коменданта крепости О.П.Калуженина.

В интересах казаков было, чем скорее, тем лучше, очистить все кругом, из-за болезни эпидемии, а очистка рва для будущих боев.

Есаул Порошин крикнул туркам:

- Забирайте своих бесплатно, так как мы-православные христиане не торгуем мертвыми телами, а казакам дороги не мертвые турецкие головы, а живые, - приходите видаться. Вчера была первая вам игрушка, мы еще не как следует разыгрались, то мы только ружья свои прочистили,...

Нужно, однако, отметить особенную храбрость и напряжение янычар и спагов, ведь они считались первыми воинами тогдашнего времени, но нечеловеческая выдержка казаков, их необычайное искусство в крепостном бою и изобретательность минных галлерей, победило их достойных врагов.

Четыре дня убирали трупы. Казаки наслаждались отдыхом после похорон своих братьев. Казачки с Атаманьшей Варварой, освободившись от своих бойниц, омывали и перевязывали раны воинам.

После перемирия, турки стали возводить земляной вал с юга от Дона до Крымской стороны, высотой до 6 саженей-выше крепостной стены. Опять в крепости тишина, ни одного выстрела из пушек/наблюдалась экономия, т.к. коварная Москва не прислала боевых припасов/, но эта тишина не только нервировала турок, но вселяла и некоторый страх, от какой-то "казачьей тайны". А в это время казаки устраивали к валу "пролазы" под стенами и через них совершали вылазки и наносили туркам поражения. Под вал было сделано 12 подкопов; и когда турки установили часть осадной артиллерии, то взорвали вал, и сделав вылазки, атаковали турки, которые в страхе побежали, на месте оставив 28 бочек пороха и за турецкий уже счет, разрушили до основания вал, пушки, однако, были взрывом приведены в негодность.

Четыре дня длилось затишье, казаки передохнули. На пятый день открылась канонада турок навесным огнем. Ядра с горючим веществом, после падения внутрь крепости, продолжали гореть и двигаться "яко змеи мечутся по Азову", говорили казаки, и первое время были большим злом, но затем казаками саперами, учениками покойного инж. И. Арадова, нашли способ: казаки скрылись под землей, устроив убежища.

Турки день и ночь вели работы по насыпке второго, еще более высокого вала, и установили на нем 100 пушек. Крепостные пушки были недальнобойные и не могли мешать устройству вала. Казаки вели подкопы, строили убежища под землей, также следили за судами, подошедшими к Азову.

Муфтий Эрлин писал:

- Казаки, будучи искусными минерами, делали мины под водой, с помощью осмоленных лодок. Тоже изобретение учеников Арадова.

Эрлин писал также:

- Несмотря на большую бдительность, многие неверные пробирались в крепость и обратно, бросаясь голыми в Дон, и плыли под водой на спине с камышом во рту; оружие и провиант тащили за собой в кожаных мешках и помогали крепости.

Установив артиллерию, турки громили крепость на протяжении 16 суток, выпуская в сутки 1.600 ядер. Бомбардировка прекращалась на время атаки штурмовых колонн, каждый раз свежими войсками, в 10.000 человек. В Азове же смены не было. Не было времени ни для сна, ни для отдыха. 800 казачек заменяли ослабевших у бойниц и готовили скудную пищу, запасов, по вине предательской Москвы, было мало.

Всего было 12 штурмов. Там, где крепостная стена была разрушена осадной артиллерией, ставились заранее приготовленные еще до осады "избы", которые набивались землей и мелким щебнем.

Последний штурм 25 тысячным войском был особенно напряженный, в продолжении семи с половиной часов. Крепость от бомбардировки тяжелыми

снарядами была почти разрушена. 9 башен приведено в негодность, осталось лишь четыре башни.

По словам муфтия Эвлина "турки прорвались до центра крепости, но "остатки неверных" скрылись под землей, поднесли огонь к минам и отправили на тот свет большинство атакующих; другие неверные били турок из бойниц, а когда турки, понеся страшные потери от мин, стали отходить, казаки выскочили из-под земли, и как свирепые звери, стали рубить отступающих."

После этого, последнего приступа, наступило затишье. Каждая из сторон зализывала свои раны в течении трех суток. Казаки могли выспаться и отдохнуть, и продолжать вести работы по установке "изб".

Для турецкого главнокомандующего было ясно, что о походе на Москву, не могло быть и речи, и стоял перед ним страшный вопрос: как бы выйти с "честью" из позора. И он послал просьбу султану или дать помощь свежими войсками или отложить атаку Азова до следующего года. Подкрепление было прислано и категорический приказ султана: "Паша! Возьми Азов или отдай свою голову".

Немецкие инженеры, учитывая казачий опыт взятия Азова подкопами, остановились на этом последнем методе, и поэтому стали вести 17 подкопов. Но у казаков, уже до осады, были подземные галереи по чертежам инж. И. Арадова, они только увеличили их количество, доведя их до 26. Были также слуховые галереи, где дежурили особенно имеющие выдающийся слух, и как только обнаруживался турецкий подкоп и его направление, казаки, как крошечные кроты, подрабатывали под этот подкоп мину и он взрывался.

9 августа Гуссейн-Делия доносил:

-Людей потеряли много, а ничего не учинили и прочь отойти нельзя. С кем мы не воевали, под Багдадом многие бывали и с Польским королем и нигде не единожды и с иными великими государями везде де нашего султана слава была. А такой великой шкоды турецким людям не бывало нигде и ни от кого, как ныне под Азовом.

Великий визир, передавая содержание этого донесения Московскому послу, в Царьграде Лыкову, расточался похвалой в адрес царя Михаила за то, что он не дает помощи казакам.

Бедный, жалкий трус этот царь и мерзки его бояре!

Посол сообщал в Москву:

-И весь Царьград в великом опасении и в страхе, и ни от которой стороны такого опасения не имеют, как от Азова. И великий визир говорил, что не взят Азов и нам де николи в покое не быть, всегда на себя ждать гибели, как де казаки умножатся и город укрепят и нам де в Царьграде не отсидеться.

Казаки же упорно продолжали свои вылазки. Иногда притворным бегством увлекали турок к месту минированному и взрывали атакующих. В турецком стане начиналось разложение. Татарская конница стала отказываться вести атаки в пешем строю, стали отказываться и матросы, оставляя корабли без прислуги, т.к. половина их легла мертвыми под Азовом. Все громадное войско было скупчено в одном месте на поле. Стояли жаркие дни. Санитарные условия были на низкой ступени. Вонь стояла кругом на 10 верст.

Чтобы поднять дух войска, решено было всей коннице двинуться на "Казачий Остров", - главный резерв Донского войска, откуда по временам совершали казаки партизанские налеты на тылы турок. Но на передовой отряд татар ринулся страшный для них, великан Атаман Каторжный - глава резерва. Татары не выдержали сильной контр-атаки и обратились в бегство.

Все силы и средства, в громадном количестве, были использованы турками и не дали никаких результатов.

Гуссейн-Делия прислал парламентаров к стенам Азова, но казаки встретили их выстрелами. Тогда турки стали бросать со стрелами грамоты с предложением каждому казаку по одной тысяче талеров золотом за развалины Азова и разбитые камни.

Тяжело было казакам Азова. Было убито свыше четырех тысяч и много раненых. Боевые припасы и продовольствие было на исходе. Прорывавшиеся го-

лые казаки с мешками, не могли дать особенное подкрепление, но это малое все же поддерживало веру в конечную победу. Хотя тело отказывалось служить, наступало полное физическое истощение. Страшна была не смерть, а худшее для рыцаря-воина, бессильным попасть в плен.

На стенах казаки не показывались перед парламентарями потому, чтобы не показать им свои истухавшие фигуры и подгибающиеся от бессилия ноги. Но дух все же оставался прежним, непреклонным.

И казаки все же послали ответ, привязав его к стреле:

-К нам больше со своей глупой речью не ездите. Сманывать вам нас-только время терять. Сколько вам под Азовом не стоять, а его вам, как ушей своих, не видать. Да вы, басурмане, сулите нам золотые талеры тысячами, чтобы мы вам сдали Азов. Не дорого нам ваше золото басурманское, а дорога нам наша ЧЕСТЬ КАЗАЦКАЯ. Знайте, что СЛАВУ не золотом покупают, а острой саблей добывают. Полегло ваших турецких голов многие тысячи, и не видать вам Азова до века. Нас не так то легко победить, ибо имя наше Казачье, Вечное, Вольное и Бесстрашное. А как отсидимся в Азове, то ждите нас в Царьграде, хотим посмотреть на строения султанские.

Но, так или иначе, а страшная трагическая развязка быстро приближалась, каждый уже чувствовал веяние конца.

25 сентября казаки решили, если не пробьются на "Казачий Остров", то с оружием в руках погибнут в неравном бою. Казаки в старину были весьма верующими: всю надежду на свою победу возлагали на Промысел Божий и на Покровителя Азов-города Св. Иоанна Предтечи.

Вот как описывал "Азовское сиденье", бытописец-участник тех трагических дней, есаул Федор Иванович Порошин:

"Прибежим, бедные, к своему помощнику Предтечеву Образу, пред ним расплачёмся слезами своими горькими: Государь-Свет, помощник наш Предтеча Христос, Иоани! По твоему светову изволению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов-град, побили в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. И Твой дом, Никола Чудотворец, очистили и украсили ваши чудотворные образа от своих грешных, недостойных рук. Без пения у нас по се поры перед вашими образами не бывало. Али мы вас, светы, чем прогневали, что опять хотите итти в руки бусурман? На вас мы, светы, надеялись, в осаде сидели, оставя всех товарищев. А теперь от турок видим впрямь смерть свою, поморили они нас безсонием: 14 ден и 14 ночей с ними без пристани мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись и руки наши оборонные уже не служат нам. И от истома уста наши замёртвели и очи у нас порохом выжгло от беспрестанной стрельбы, язык у нас во устах наших на бусурман закричать не ворочится. Такое наше бессилие, не можем в руках своих никакого оружия держать, почитаем себя уже за мертвый труп. Теперь мы, бедные раставаемся с нашими чудотворными иконами и со всеми христианскими православными. Почали уже мы, Атаманы и Казаки, и удалые молодцы и все великое Донское и Запорожское свирепое войско процатися...

Простите нас государи-цари православные; простите нас государи патриархи Вселенские и велите помянуть наши души грешные; простите государи вси митрополиты, вси архиепископы и епископы и игумены и вси священники и диаконы и вси Соборы соборенные, вси монаси и затворники, вси святые отцы и вси христиане православные, и помяните наши души грешные...

Простите нас поля чистые, дубравы зеленые и тихие заводи; простите нас море синее и реки быстрые; прости нас Государь Отец наш Тихий Дон Иванович. Уже нам по Тебе и Атаману нашему с грозным войском не ездити, дикого зверя во чистом Поле не стреливати, в тихом Дону Ивановичу рыбы не лавляти...

26 сентября на рассвете, с позаранку, поправавшись друг с другом, все почти перераненные, надели мертвецкие белые рубахи воедино с горстью оставшихся в живых казачек, взяли мы иконы чудотворные Предтечину да Николину, зажгли свечи в фонариках и с пением молитвы Пречистой Богородицы и попли против бусурман на вылазку. Под иконами, в огнях свечей и большим

гулом пения молитв шло Войско на смертный бой по родной Земельке в последний раз.

Густой туман по долине, али глаза запорохованные ничего уже не видят. Провли версту, другую, на третьей послышался шум и дикие вопли:

-Аллах, Аллах!

Гул молитвы усиливается и слышен бег бусурман... То заступлением Небесных сил Пресвятой Богородицы и помощью святых угодников Предтече и Николино ивно бусурман побили... И мы от бед своих, и от смертных ран, и от истомы отдохнули и замертво повалилися... частно, а другие бросились в догон за бусурманами. Вели Атаманы Наум Васильев и Алепа Старой-голови от ран перевязаны...

Вдруг, гул конских копыт по истоптанной голой земли и крик:

-Братцы, дайте дорогу! То конная помощь от Атамана Каторжного из Черкаска.

-Слава, Тебе, Небесная Владычица! -неслось по рядам и кто от истомы было повалился, вскакивал и бежал за конницей."

За несколько дней до последней, чисто мистической вылазки казаков, как бы отрешившихся от родной Земли и перешагнувших в иной мир своим духовным порывом, победив Смерть, у главнокомандующего Гуссейн-Делия состоялся военный совет. За подписью 300 главных начальников, было подписано решение; вследствие громадных потерь убитыми 100.000 и ранеными, а также начавшимися заболеваниями, осаду Азова снять до следующего года и спешно начать погрузку разложившегося войска. Первыми ушли Крымские татары. На последние колонны с криками "Аллах, Аллах", ударили Азовские защитники и конница от Черкаска. Все поле покрылось трупами турок и татар, не успешных на суда.

Атаману Науму Васильеву подали коня и он крикнул:

-Рубите до единого, и как вихрь бросился во главе конницы.

Атаман Старой не мог дальше двигаться и слег на землю тяжело дыша. Кровавая повязка на голове свисла на бок. Казачка нежно перевязывала ему рану. Все то, что оставалось на месте, попало в руки победителей казаков: несколько орудий, порох, свинец, продовольствие, подводы, лошади, сбруя, скот, бараки.

С ночи на 27 сентября разбушевался западный циклон страшной силы. Буря и волны Синего моря бросали турецкие катарги, как щепки. 40 разбитых катарг было выброшено на берег. Казаки набросились на хлеб и продовольственнаходившиеся в них. Голодовка последнего месяца прекратилась.

И есаул Порошин заканчивает своего рода "Иллиаду" Азова:

-И мы остальцы, всего нас осталось одна тысяча, перераненные взяли иконы Иоанна Предтечева да Николи Чудотворца, место Азовское оставили, а сами пошли на свой Тихий Дон и там сотворили обитель Иоанна Предтечи, а Атамана своего Алешу Старого постарили в ней игуменом".

ЗНАЧЕНИЕ АЗОВСКОГО СРАЖЕНИЯ.

Обычно историками Московии бессмертное "Азовское сидение" на протяжении трех с половиной месяцев, как бы по заказу свыше, сугубо замалчивается, а между тем оно, если бы на месте московского государства было иное, менее рабовладельческое, должно бы быть "русским национальным праздником", имеющим несравненно большее значение, чем Полтавская битва или Бородинское сражение, ибо эти победы были направлены лишь только против установления господства Карла XII и Наполеона, но бытию России не угрожало. Но, если бы Донскому Войску не удалось разгромить Турецкую армию у Азова, то от Московского государства ничего бы не осталось независимого самобытного, это была бы простая провинция Турецкой империи.

Для того, чтобы понять особенное значение "Азовского сидения" для судьбы Московии, необходимо знать то, что Турция всегда стремилась к овладению Казанским и Астраханским царствами, как единовверцами.

По словам русского же историка Ключевского, касающегося истории Азова, он пишет:

-Когда московские послы/Лыков и Буколов/были в Константинополе и заявили Турецкому Султану протест против жестокостей турок по отношению христиан, Сербов и Болгар, то им ответили, что недавно приходили сюда послы от Казанских и Астраханских татар и башкир, которые просили султана освободить их от христианского ига и принять в свое подданство царства Казанское и Астраханское: они жаловались ему на то, что московские люди ненавидят их веру, многих из них бьют до смерти и разоряют беспрестанно. Турецкий султан, империя которого была в полном расцвете своего могущества, внял мольбе и снарядил огромную, по тем временам, армию, снабдил ее всеми тогдашними новейшими изобретениями и отправил ее на освобождение татар и башкир.

Эти царства, как говорит и немецкий историк Флетчер, были древними владениями Восточных татар и Турция стремилась овладеть ими давно. В 1569 г. она пыталась было прорыть канал между Волгой и Доном, чтобы связать Царьград с Астраханью прямым водным путем, но Донское Войско разгромило эту армию. Для второго завоевания требовалось только взять Азов и затем прямым путем двигаться на Москву. Взяв Азов, Турция, вне всякого сомнения, овладела бы Казанским и Астраханским царствами, что было для нее очень легко, ибо народы этих царств татары и башкиры, были крайне раздражены рабовладельческим методом Московии и оказали бы Турции всемерную поддержку своими силами, а народ татары превосходили далеко над москвитями своими боевыми качествами, а Москва к тому времени была уже истощена войной со Шведами и Поляками.

А овладев Казанским и Астраханским царствами, Турция стала бы грозно между Московией и богатой Сибирью, где народы, подпав под управление московских воевод-воров, грабителей непосильного "ясака", спаивания водкой из царских кабаков, также восстали бы против Москвы и бытию ее-Московии был бы поставлен конец. Вместе с этим, вопрос коснулся бы и религии всех тех племен, из коих образовалось Московское государство, среди которых москвиты распространяли "христианство" жестокими мерами, были даже восстания.

Историк Ключевский, например, пишет:

"Сохранилось предание, записанное в XVII веке, что часть языческого населения/мурома, педь, мери/Ростовской земли, убогая от русского крещения, выселялась в пределы Болгарского царства".

Об отрицательном отношении татар к русским говорит и Флетчер:

"Эти свойства-неверность в слове, делает их презренными в глазах всех соседей, особенно Татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее Русских, и ненависть к образу правления и поступкам Русских было до сих пор главной причиной язычества Татар и их отращения от христианской веры".

Но на пути победоносного марша к Москве, стояла крепость Азов, усовершенствованная Казаками так, что подобной, по боеиспособности, не было ни в Турции, ни в государствах Европы. Разгрызть этот маленький орешек оказалось не под силу могущественной армии в 250.000 человек.

Вот почему для каждого честного государства победа у Азова 1641 года, должна была бы чествоваться как национальный праздник. Казачий народ празднует это событие 14 октября каждого года. А Московия упорно молчит, что Казаки спасли ее от неминуемой гибели и даже не сочла нужным поблагодарить за свое спасение, а наоборот, своих потомков натравливает на свободный Казачий народ, для его уничтожения.

Видный чиновник Посольского приказа/министерство иностранных дел/тех времен Котовихин, бежавший за-границу, в своей книге прямо подтверждает роль Донских казаков:

"И только бы не они-донские казаки, то не укрепились бы и не были бы в подданстве за Московским царем Казанское и Астраханское царства, з горо-

дами и землями во владетельстве".

И что же казаки слышат от московских изолгавшихся историков вместо благодарности? Казаки-воры и разбойники и про Азов молчек, ибо ожесточенную осаду выдержали казаки, а не москвиты, а их 80.000 армия под Смоленском позорно разбежалась, пот и возник повинизм.

Это-два антипода, два мировоззрения: Московский рабский и Казачий свободный. Абсолютно различная психология, у первых главной двигательной силой был и есть лозунг: "грабь-награбленное", у вторых-Честь и Слава!

И мы, следуя "Азовское Сидение" видим, что в целях ограждения этих высоких духовных ценностей, как Честь и Слава, на первое предложение Крымского Хана освободить Азов за 40.000 золотых талеров, отвечают отказом; на предложение Турок уплаты по 100 серебряных талеров за каждый труп/а их было 10.000/, а за труп Кафинского Паши столько золота, сколько по весу потянет этот труп, казаки благородно отвечают, что берите их бесплатно, что "мы мертвыми не торгуем"/едва ли бы москвиты воздержались от этой заманчивой торговли/.

Когда же главнокомандующий Турецкой армией предложил уже обессиленным казакам по одной тысяче талеров золотом, оставить разбитые уже камни крепости, то казаки храня свою Честь и Славу, отвечают, что нам не важно ваше золото бусурманское, а вот когда мы отсидимся, то идите нас в Царьграде. Это отвечает комендант крепости С.П.Калуженин. А воеводы Московии Шейн и Измайлов просто продали за 80.000 и войско у Смоленска.

Имел в своем распоряжении такую огромную золотую казну, Казаки даже не удержались на Дону, могли бы преспокойно уйти на реку Аму-Дарью и создать там свое государство, но это было бы изменой "батьшке Тихому Дону Ивановичу". А за измену-казнь!

А 3.000 казаков, брошенных "христолюбивым" войством "Св. Руси" в Смоленске, не желая сдаться в плен полякам, бились до изнеможения и остальные вопли в пороховой погреб и взорвали его, погибнув до одного. Чем объяснить этот подвиг? Ведь казакам была возможность предложить полякам те же условия, какие были предложены воеводами Шейным и Измайловым, т.е. продать право на освобождение Смоленска. Высокая духовная традиция Казачьего народа твердо твердила: умри, но не посрами Казачью Славу!

Когда же читаешь о последней вылазке казаков утром 26 сентября, то чувство гордости и любви к незабвенным бессмертным нашим предкам охватывает до физического трепета наше существо, и как бы интуитивно присутствуешь там и видишь какое-то чисто мистическое действие людей, обреченных на Смерть. Исхудавшие лица, как у бледных мертвецов, одеты все в мертвецкие белые рубахи, свет горящих свечей в фонарьках освещает всех, горят глаза каким то уже неземным светом, в них отражается непреклонный порыв последней Жертвы. Ветер от моря бьет по волосам и бородам. Пышные волосы казачек вьются назад. Мощный гул всего войска молитвы: "Взбранной Воеводе Победительнице".

Душа всех стремится к своей Защитнице Пречистой Богородице. С каждой верстой гул усиливается. Казаки уже чувствуют, как какая то сила несет их вперед, вперед. При свете свечей сверкают шапки наголо. Услышав гул и в предсветном тумане увидев это необычное движение, никогда невиданное, турки, облитые ужасом суеверия, в страшном беспорядке бегут к морю, к судам, а за ними, как какая то карающая небесная сила конницы рубит без остатка. Аллах, Аллах! слышится по кровавой Степи. Последние колонны достигнув берега, бросаются в море, чтобы доплыть до судов, но поднявшийся шторм выбрасывает на берег не только трупы, но и самцы катарги с хлебом для казаков.

Покончив свои действия на берегу моря, Атаман Наум Васильев приказал на захваченных стругах свозить весь провиант и боевые припасы в Азов, а на подводках собирать мертвецки спящих изнуренных казаков.

Спали три дня, а 10 октября стали считать раны, товарищей считать. Служили молоден в честь Пресвятой Богородицы и помощников Предтечеву и

Николину. Коленопреклоненно служили панихиду по Казаках и Казачках, сменяясь горячими слезами, а когда до слуха казаков достигали слова священника: "о блаженном успении Атамана Михаила и Варвары..." слышались громкие рыдания.

В последнем, самом страшном приступе, по счету двенадцатом, погиб знаменитый Атаман Михаил Иванович Татаринцов и его незабвенная жена Варвара /атаманья всех казачек/. Когда турки засели уже в захваченной ими одной башне, то Атаман вместе с есаулом Поропиным, неизменным его другом, были около этой башни, руководя действиями минеров для взрыва турок в башне, и как только взрыв покончил с ними, Атаман бросился на встречу бегущим янычарам, ворвавшимся в центр крепости и врубился в толпу. За ним, как Божья гроза, летела и Атаманья Варвара с оголенной шапкой на помощь мужу. Действовала она шапкой не хуже казаков, участвуя еще девушкой в походах со своим родным отцом Атаманом Смагой Чертенским.

- Держись, Миша! Громко крикнула она, а Миша рубил янычар и в своем порыве, прорубился слишком вперед, воспользовавшись этим один янычар нанес страшный удар по голове Атамана и он упал на землю, обливаясь кровью. Страшный свист шапки Варвары рассек голову этого янычара и Атаманья, чтобы оградить раненого мужа, стала неистово рубить нападающих. Но тут произошло некоторое замешательство. Турки и татары, видя Варвару-необыкновенной красоты, старались выбить лишь шапку из ее рук и захватить ее целиком в плен. Такой дивной красавицы они редко видели. Глаза их горели страстью. Это замешательство и повлекло за собой победу казаков, но гибель самой Атаманьи.

На помощь Атаману, во главе с казаками спешил есаул Ф.И. Поропин. Это был не только талантливый писатель, но в шашечном бою он не находил себе равных. Он быстро порубил турок, что были около Варвары и уже был впереди ее, но какой-то янычар, сабля у которого была выбита из рук, выхватил револьвер и не целясь выстрелил, пуля пронеслась мимо, захватив лишь полосы есаула и вонзилась... в висок украшения всего Азова Атаманьи Варвары. Она медленно стала опускаться на колени и, наконец, упала около теплого еще, обожанного мужа.

Казалось бы, что когда войско теряет своего вождя, то Дух сопротивления падает. Эта, почти военная аксиома, не была Истиной для казаков. Месть за Атамана удвоила энергию казаков, во главе с есаулом они погнались турок и татар, как стадо баранов, рассекая им головы.

Помер от ран сичач-комендант крепости Осип Петрович Калужанин, оставив после себя сына Родиона. Тяжело раненого Алексея Старого отвезли в Черкасск, где готовился он стать игуменом.

Годы, одновременно полученные им раны на суше и на море, знаменитого мореходца и рубаку Ивана Дмитриевича Каторжного, приковали уже к постели.

И из всей этой блестящей, жертвенной, радужной только о Свободе своего родного Казачьего народа группы, остался один Атаман Наум Васильев, которому и пришлось испытать всю горечь страдания своего народа не только от турок и татар, но не в меньшей степени от лицемерных "христиан" Москвы, во главе с трусом царем Михаилом.

Атаман Наум Васильев совместно с есаулом войсковым Ф.И. Поропиным поехали в Москву, чтобы договориться относительно Азова. Вновь ли его оборудовать или разрушить его до основания.

Вопрос о принятии от казаков Азова, был поставлен на обсуждение специально собранного Земского Собора, который признал невозможным начинать войну из-за него с Турцией. Однако, если бы... казаки оставили крепость за собой, то...

На это Атаман спросил:

- А кто же будет снабжать Азов продовольствием и боевыми припасами? Вы не только не дали в нужный момент, но воеводы пограничные не пропустили к нам и торговцев из-за своей корысти.

Однако, на Соборе слышались голоса и о принятии Азова, но с тем, чтобы

на помощь Донцам были посланы вооруженные и снабженные за счет царя "ратные люди". А сидеть им предлагали Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский, в Азове заодно с казаками "под атаманским началом", а государевым воеводам в Азове быть нельзя... потому, что казаки-люди самовольные."

Оба члена Собора были правы от посылки, не в меру честолюбивых воевод, ибо рабовладельческое право пошло бы в разрез с республиканским строем Дона.

С большой горечью слушал эти "думы" московских трусов Атаман Наум Васильев и временами тосковал, что не лег костями вместе с друзьями в Азове. Вся его долгая жизнь в боях, походах, в защите христианства, в тревоге за свой любимый Казачий народ, пролетала в его воспоминаниях и жгло душу: подлость, коварство и предательство Москвы. Тряхнуть Москвой уже не было сил-безлюдье, гибель в сражениях скрывали орлиные решения.

С тоской Атаман прибыл на Дон. Есаула Поропинина задержали под каким то предлогом в министерстве иностранных дел, как знатока татарских и турецких дел, и этот знаменитый бытописец так и не пернул на Тихий Дон. По отезде Атамана, его по распоряжению царя, арестовали и сослали "на вечные времена в Сибирь".

В бумагах Посольского приказа найдена справка: "Федьку Поропина" за воровские писания "сослать в Сибирь".

Для рабовладельцев большой художник Слова-сын вольного Тихого Дона-был политический и социальный враг. Так воеводы Сибири и сгноили в тюрьме этого великого Казачьего самородка.

А тем временем царь Михаил наряжал новых послов с богатыми подарками к Турецкому султану Ибрагиму, с заявлением своих братских чувств до гроба и сообщением, что он "воров казаков изгонит силой не токмо с Азова, но и с Дона и униженно просил согласия" брата "Ибрагима, чтобы он в своих грамотах именовал Московского царя "падишахом", т.е. признал бы его равным себе.

Можно себе вообразить с каким удовольствием хохотал гомерически султан, читая грамоту этого определенного труса.

В свете исторических фактов фигура этого неудачливого царя по своей тупости, глупости и трусости представляется как не бездарная, а просто как ни для чего негодная личность-определенное ничтожество. Да и в кого ему было родиться? Отец-истинный интриган, а мать всю жизнь лгала Богу, приняв чин игуменьи, врала и людям, попавшим в тюрьму по воле ее "святейшего" патриарха Филарета, снабжая таковых книженками овященного писания.

Припоминается исторический факт, когда закованного Атамана Наума Васильева везли на дрогах в тюрьму Белогорья, то эта Марфа Ивановна, в роскошной царской карете, догнала возок атамана и старалась вручить ему Евангелие, то возмущенный "колодник" в гневе сказал:

-Я, матушка, - православный христианин; знаю Евангелие почти наизусть, то отвезите эту книгу патриарху Филарету, чтобы он опомнился от своего злолюбия".

Донские казаки учитывая, что истощенными силами они не могут уже владеть Азовом, и держать там большой гарнизон, который, ведь, необходимо содержать: кормить, одевать, снабжать боевыми припасами, решили разрушить его до основания: все камни стен и башень перевезти в Черкасск, из них построить обитель Иоанна Предтечи и Собор. Так и было сделано.

Смотрел на эту работу казаков престарелый Атаман И.Д. Каторжный, сидя на заваленке своего куреня. Радовался наступившему спокойствию, сокрушался, что силы не восстанавливаются, чтобы помочь казакам и вспоминая свои морские походы, тосковал по ним. Морская стихия тянула его неумолкаемую душу и хотелось ему еще хоть раз перед смертью "погулять" по Синему морю. Благо, что проход по Керченскому проливу теперь пока свободен. Сила ли воли продиктовала организму, но старый орел стал расправлять свои могучие крылья. Атаман стал появляться перед казаками на их работах, помогал им советом и делом, подавая на постройки большие камни и как то, беседа

с Войсковым, он сказал: "а крикни ка Наумушка клич собирайтесь ка добры молодцы с Ираном Дмитриевичем погулять по Синему морю".

Охотников собралось до 1.000 казаков. Все знали И.Д.К., как знаменитого мореходца. Закипела работа по подготовке стругов.

Поход оказался удачным к берегам Анатолийским. Разрушили Тралезунд-Синю и с богатой добычей возвращались домой. Перед рассветом заметили турецкие корабли рыскающих по морю казаков. Каторжный пустил к ним дозорные струги, а резерв стал строить так, чтобы поставить турецкий флот/парусный/против ветра и против солнца, уже восшедшего на горизонте.

Турецкие корабли, раз, единенные в поисках, увидели казачью флотилию и бросились один за другим на казаков. Каторжный построил свой "вентерь" и по знаку казачьи струги стремительно по ветру, ринулись на передовой корабль, окружили его, стреляя из ружей на матросов. Смелчаки, ухватившись баграми, по лестницам лезли, как пчелы на мед, на палубу, и палками, револьверами, топорами добивали матросов, а внизу казаки рубили дыры в трюм, вода стала прыгаться по внутрь. С палубы в струг летело всякое добро: зипуны, продовольствие, оружие и пр. С первым кораблем было покончено, он стал тонуть вместе с ранеными.

"Вентерь" стругов окружил уже еще два корабля и также взял их на "абордаж". Остальные три корабля, увидя поражение своих товарищей, повернули обратно и пользуясь уже попутным ветром, быстро стали уходить.

Так закончил свою лебединую песнь старейший и главнейший Атаман Дона Иван Дмитриевич Вахрамеев, прозванный "Каторжным", как специалист разгрома турецких "катаргов".

В дополнение к изложению истории "Азовского сидения", надлежит сделать некоторые выводы, а они так и просятся на бумагу, а именно: какие силы руководили казаками в столь яростной защите камней Азова? Было ли это результатом только присущей доблести, храбрости, или потенциальная сила оказалась в материальных только расчетах, а может главным импульсом было религиозные воззрения и вековечная Честь и Слава?

Сперва мы видим, при свете исторических фактов, каковы были взаимоотношения между Москвой и Доном. Между этими антиподами зияла громадная черная пропасть.

С Северной стороны так и дышало: лицемерие, кровопускание без доблести, жажда величия без подвига, христианство без Веры, стремление к Славе за чужой счет, предательство без покаяния, и беспросветное дикое рабство.

С Южной-Донской, горела неугасимая свеча Свободы, чести, великой жертвы и неуязвимой в веках Славы.

Те или иные духовные качества приобщаются по наследству. Рожденный рабом или приученный в веках к рабству, не скоро может воплотить святое чувство свободы, для этого нужно переродиться на протяжении веков в их эволюционном процессе, когда кровь свободного человека польется в рабскую и освежит ее рудую, придавши алый цвет. Раба можно приучить постепенно только просвещенной силой, действующей регулярно и неуклонно, как это ясно определил царь Грозный, в своей беседе с англичанином Флетчером, назвавни русский народ-скотом, и решительно отказался, что он сам не русского происхождения, а немец.

Духовное самосознание Казачьего народа выковывалось не сразу, а целыми тремя тысячелетиями, когда предки наши, согласно утверждению знаменитого академика и археолога Н.Я. Марра, под именем народа "Каз", задицали с Юга проходы Кавказского хребта от вторгающихся средиземноморских и афетических племен и народов, в период до "бронзового века", и принимали от них новую культуру, приобщая им в свою очередь чувства Свободы и Братства. Проживали предки на Северном Кавказе, в "Казской стране", при верховьях Терека и Арагвы. Народ "Каз" в X веке до Р.Х. об, объединился с родственным племенем "САК". Произошла ассимиляция. Имя "Сак" утерало свое полное коренное значение, утерав букву "С" и присоединившись к корню "Каз", дало: "Каз-ак".

Таков был эволюционный процесс. Соседние народы называли Казаков: Касаки,

Косоги, Казахи, Косары, но сами казаки называли себя Казаками, о чем и существует этнологическая карта эпохи Хозарской могущественной Федерации, в которой между Черным и Каспийским морями, значится: Кавзаагуев-Коззогуев, т.е. Казаки-Косоги. В книге С.И. Сирина: "Юго-Восток России", Берлин 1922 г., стр. 8, приводится мнение профессора Академии генерального штаба В.И. Баскакова, уводящее генезис части "Юго-Восточного казачества" очень далеко в глубь истории. Согласно этого взгляда, Казаки Кавказа, должны считать давность своего поселения не позже других туземцев края, к каким они и должны быть причислены.

На протяжении многих веков проходили по Юго-Восточному коридору многие народы, лучшие свойства коих и приобщались Казачьему народу, как то: храбрость, доблесть, гражданское мужество, уважение личности, равноправие женщин/влияние сартов/, глубокая Вера в Творца Мира, а также Вера в бессмертие Духа. Пребывание человека на Земле наши предки считали временным.

Многие философы подтверждают эту Истину. Да и действительно: что такое человек? - Прах! К чему он стремится на протяжении своей жизни, в поте лица своего добывая хлеб? Какой смысл его жизни, когда над его головой висит топор? Ведь это же форменная бессмыслица - жить, работать, не покладая рук, претерпевать страдания лишь для того, чтобы тело его явилось лакомством червей в земле?!?!

Вопрос о жизни и смерти не сходил со страниц истории человечества от самой его колыбели до наших дней. Изстрадалось человечество в поисках своего истинного назначения. Изнывала душа от тоски. Печаль, отчаяние, пироккой волной разливались по страждущей земле. Не было у человека опоры в жизни. Терзали сомнения и недоумения. Многие умы не могли ничего придумать лучшего, как только сосредоточиться на земной обстановке с ее материальными благами. Между тем, как живая душа не мирилась с перспективой Смерти, и древний человек, в том числе и Казачий народ, инстинктом, своей духовной интуицией осязал как бы другую "новую Землю", другое "новое Небо", и чувствовал себя во Вселенной, как носитель своего духовного, а не только физического происхождения и свое особое назначение. Свободный Дух не хотел признать себя временным-смертным; он искал простора в будущем.

"Ведь душа сродна простому, естественному, неразрушимому Божественному, как и сам Творец Мира", говорил философ Платон.

"Ведь Дух, как свободная деятельность вне времени и пространства, не может прекратиться", говорил Аристотель.

И мы наблюдаем, что занимаясь изысканиями истории Человечества, древняя научная религиозная философия, вопреки диалектическому материализму сифилитика Ленина, в лице лучших своих представителей, ответила ищущему Истины человеку, что он по Духу-существо бессмертное. Эту Истину подтвердил своей жизнью, смертью и воскресением Бого-Человек Христос. Вот в этом то и Смысл и назначение человека в Вере, что отныне смерть не властна над Миром.

Одинский, среди многих людей, вдохновенный поэт проходит по дороге своего земного бытия, перед его взором: "сквозь туман кремнистый путь блестит" и он сознает, что путь этот проходит в тумане сомнений, блужданий, несбыточных надежд на личное счастье, что путь этот не усыян цветами, а камнями преткновения-кремнями.

Охваченный тоской и душевной болью, что не нашел то, что искал в своей временной жизни, поэт горестно вопрошает: "жду ль чего, жалею ли о чем?" И безнадежно грустно отвечает: "уж не жду от жизни ничего я, - и не жаль мне прошлого ничуть". Жизнь прошла в долгих печалах и смиреньи жалоб. А впереди ровная пустынная даль: на равнине ни одной живой души, а там... на горизонте... темно и страшно! При созерцании этой страшной неведомой перспективы, он в утомлении устало печет: "я б хотел забыться и заснуть". Безнадежный конец жизни!

Но, вдруг, как молния, озаряет мысль поэта, и он своей поэтической интуицией прорезывает горизонт и торжественно говорит: "но не тем холодным

сном могилы, и хотел на веки так уснуть, чтоб в груди дрожали жизни силы, чтоб дыша вздымалась тихо грудь!"

Смысл жизни найден в вечном дрожании сил, Дух несокрушим: он будет в веках бессмертным!

Сердце человека обречено на то, чтобы болеть и разрываться. Оно не только, по слову Гейне, не имеет голоса в злобном Совете Природы, но даже и в не стихии, в своих человеческих делах, бьется больно, ибо жизнь представляет собой обильный выбор всякого несчастья и нелепостей. И вдохновенный поэт Михаил-потландский, но не русский, когда его тело, простреленное в грудь шпионом Николая I, летело в ущелье/дуэль происходила на краю пропасти/, почувствовал в последний миг поосторг, когда его свободный Дух рел уже над высотами Кавказских гор и уносился к сонму поэтов Вселенной до... времени, до... перевоплощения...

Мы также видим, как эта Вера в бессмертие, проявляется в деталях жизни знаменитых защитников Азова. Славой в жизни они олеотворяют свое бессмертие!

Повеление Круга новой столицы Азова: всем Казачкам из Черкасска ехать на жительство в крепость. И сразу же широкие волны Тихого Дона залестрели стругами, украшены они персидскими коврами и лентами. Казачки одеты в лучшие платья, на головах венки из всех многочисленных цветов, что дала родная ароматная Степь. На переднем струге знамя Дона, под широкой пеленой его стоит, подобно богине Дианы, Атаманья Барбара. Локонь черного пелка обрамляют прекрасное лицо и певичатся вселим ветерком, на слегка открытой красивой груди, сверкая в лучах солнца висит большой золотой крест, усеянный рубинами, подобным розам, как символ двух начал крови на святыне Креста. Вдали видны зубчатые стены крепости, усеянные орлами казаками. Атаманья уже видит среди них статную величественную фигуру своего родного Атамана.

Плывут струги, волны плещут о правый крутой берег, весело подпрыгивает из воды всякая рыбка. Ширь, благодатное Солнце. Чудное пение казачек о Ермаке несется по волнам. Но все эти казачки, которые плывут за Атаманьей, отлично знают, что не на веселый пир они едут, а на бранный подвиг, чтобы совместно с мужьями, братьями и отцами защищать Свободу, во имя бессмертной Славы!

А ребяташки-казачата, опередив флот Атаманьи на конях-охлепью/без сидел/, подобно саранче, уже влетают с гиком, изображая атаку в настеж открытые крепостные ворота. В их маленьких сердцах, пылает уже чувство восторженности перед великой миссией защиты Свободы родного Дона, и они готовы идти бесстрашно на жертву, как Агнцы на заклание. Какой у них порыв! Как они искренни и интимны к Смерти, за свой отцовский Дом!

И, вдруг, грянули орудия крепости, приветствуя красоту Дона Казачек и их детей.

Все казачки стоят на стругах, аплодируют и со слезами радости кричат: орлам Азовцам СЛАВА!

Меняются картины. Вокруг крепости груды тел убитых турок, татар и двух полков немецкого корпуса, в общей численности 10.000. Гуссейн-Делия папа предлагает казакам, через парламентаров 100 серебрянных талеров за каждый труп, а за тело Кафинского папы столько золота, сколько он по весу потянет. Казаки, утомленные боем спят в крепости, лишь у бойниц стен и башен на страже с ружьями в руках стоят казачки.

На стене появляется войсковой есаул Порошин/он же и толмач-прекрасно говорящий на турецком языке/и гордо отвечает: "Казаки-народ православный христианский мертвыми не торгует, злато ваде бусурманское нам не нужно, нас поит и кормит Тихий Дон. Берите трупы бесплатно, нам мертвые головы не дороги, а дороги головы живые бусурманские. Султан ваш не равен Богу, а белая собака, зачем он лезет в наш древний город Азак. Победить нас трудно, мы носим имя Казачье, Векочное, Бесстрашное. Если разрушите стены, то мы вашей силы не боимся, укрепим их вашими черепами. Нам дорога наша Честь и Слава!

Картины вновь меняются. 16 суток подряд громят стены Азова 400 орудий, выпуская 1.600 снарядов. Стены на половину разрушены. Гул орудий прекращается на время атак пехоты. Последний штурм ведется 25.000 пехоты. Опять горы трупов вокруг крепости. Захвачено уже 4 бапти, но "победители" летят в воздух от взрыва мин. Вырывается колонна янычар в центр крепости. Яростной контр-атакой встречает ее сам великий Атаман, а с ним и неразлучная Барбара.

Уже прорубил улицу Атаман и в азарте не замечает, что сбоку его еще не зарубленные и, вдруг, удар по голове и залитый кровью падает Атаман, но врубается в левую колонну Атаманьши. Высокая, статная, богиня красоты. На голове ее красивый медный шлем, но забрало открыто. Лицо пылает гневом, из голубых, как небо, очей, искрятся лучи вспыхнувшего огня. На груди неизменный Крест, в сиянии заходящего солнца рубины на Кресте отсвечивают кровавым блеском. Голова убийцы Атамана раскалывается на две от удара Атаманьши. И с душевной болью мы видим, как божественное лицо ее бледнеет, из виска течет драгоценная алая кровь. Тихо, тихо опускается Атаманьша на колени, отдавая последний поклон родной Земле. И также тихо валится навзничь, мертвой хваткой зажав папку в руке. И так эта поза с открытыми прекрасными глазами, обращенными к Небу, как бы символизирует с одной стороны окровавленную Землю, а с другой чистое голубое приветливое Небо, куда и парит бессмертный Дух красоты Дона Атаманьши Барбары, проявившей высочайший подвиг за Честь и Славу Казачьего народа.

На божественном лице застывает счастливая улыбка исполненного долга. Такая Атаманьша достойна причислению Казачьей Церковью к сонму Святых.

А мы-свидетели великой Казачьей Трагедии, в результате которой покрыта вся родная Казачья Степь сплошной красотой "жертвы вечерней", должны рассеять мрак вековых ночей, ночей сомнений, призраков, блужданий, и открыто посмотреть на себя, на свою жизнь, вдали от родных могил и спросить: достойны ли мы быть потомками непобедимых орлов Азова?

Мы, почти поголовно, бросили на произвол Судьбы своих дорогих матерей, жен, невест, дочерей на истязания мерзавцев Москвы/России/. И все это миме: Вери, Мапи, Тани, Папи, Ниси в неизменной тоске и грусти обращают по ночам/днем нельзя/ залпанные взоры к сияющим звездам... Какие думы охватывают нас сытых, обогретых за-границей? Чье сердце не содрагается великой скорбью о оставленных Казачках на Кресте? Чья душа не затрепещет перед Голгофой сплошного ужаса и крови, созданных окаянной Москвой?

Скорбь неостраима. Она всегда права. И когда печаль, томная или тяжкая, постучится в наше сердце, она непременно откроется для нее, и она обнимет нас и заговорит, и от ее прикосновения зарождаются слезы.

И когда я, на склоне уже моих лет, перед могилой, в долгие осенние ночи, когда особенно болезненно ноют мои старые раны, иногда слышу и читаю, от некоторых: "я-русский казак!", то меня охватывает дрожь смятый гнев. Если этот "русский казак", потеряв волю, как кролик под воздействием гипноза удара, то этого трусишку еще можно спасти общественным казачьим мнением, влив в душеньку теплоту и бодрость, но когда таковой казак забыл свою казачью метрику, как бездомный пес с облезлым хвостом ползет на брюхе, чтобы своим иссохнувшимся языком от трусости лизнуть кровавый, грязный лапоть московита/"русского"/-насильника наших казачек, то злоба и чувства отвращения и презрения бурлят в старой моей груди.

Да разразится жестокий свист быча Христа и полосонет этот бич по спине без хребта ползучего пса-предателя своего же окровавленного Казачьего народа.

—••—

Говорят, что в мире не было и нет чудес. А чудо было на заре 26 сентября 1641 года. В темноте, предрассветного осеннего тумана потонула крепость Азов и все окружающее Поле. Но слыгнется какой-то порох. Из под стен, из под земли галлерей показалось какое-то белое видение: одно, два, три, де-

сятки, -точно мертвецы из гробов. Слышен шопот, а быть может это-ветерок, но как будто тихие шаги. Строятся видения в ряды, на них белые мертвецкие рубахи. И стены как будто оживают: спускаются видения на землю. Мертвая тишина кругом, как будто перед бурей и царит перед крепостью какая-то непонятная, страшная жуть-тайна... Уныло крикнула сова: "сплю, сплю, сплю"...

-Зажигай! подалась команда. По всему фронту вспыхнули свечи в фонарях. Если бы, при вспыхнувших свечах, не были заметны искры из раскрытых глаз, в коих горела решимость победить или умереть, то весь строй показался бы строем мертвецов худых и бледных.

Залитая кровью и слезами крепость на протяжении трех с половиной месяцев, достигая пределов человеческого несчастья от ран, голода, бедствий, гибели двух третей защитников, во главе с вихрем Атаманом и его божественной Варварой, все же не сдавалась. И последние орлы, почти что все перераненные, горя чувством святой Свободы и своей неувидаемой Славой, как залог бессмертия, выстроились на последний смертный бой.

Впереди Атаман Наум Васильев с булавой, слева его Атаман Алеша Старой с иконой Иоанна Предтечи, еще левее войсковой есаул Федор Порошин со знаменем Дона.

Зазвенел в тишине звонкий голос есаула: "Ты прости, ты прощай Тихий Дон Иванович; уж по тебе по грозному Войску не ездити..." Тысяча голосов подхватила священный Гимн. И понеслась могучая песнь по широкой родной Степи. Войско двинулось на Смерть! Крепость опустела. Одна верста, другая-никого. Гул голосов подхватывает молитву Царице Неба и Земли: "Взбранной воеводе Победительнице". Крепнут голоса: гремят октавы и басы, звонко несутся в небо подголоски. И, вдруг, уже вблизи крики: "Аллах, Аллах!"

-Шапки вон! гремит голос Атамана Наума.

В озарении свечей, в белых мертвецких рубахах с искрящимися обнаженными шапками, двигалось страшное, никогда невиданное войско. В ужасе и смятении суеверные воины Магомета, бросились бежать, а вслед уже неслась конница, посланная на помощь Атаманом Катаржым. Это были последние колонны турок, уходящих к морю на суда, многочисленной разложившейся Армии. На помощь казакам пришла морская стихия. Гул и реп страшного западного циклона покрыл стоны, крики, лязг шапек. Так и не удалось последним колоннам добраться до судов: все поголовно остались на Казачьей Земле. Разразившийся шторм выбрасывал на берег катарги/суда/с продовольствием, а также трупы.

Все эти сцепления событий почти что в одни и те же часы: движение "мертвого" строя, бегство турок, помощь конницы, шторм на море, - не было ли это истинным Чудом?!

И Казачий народ в воздаяние Славы Пресвятой Богородицы, каждый год 14 октября, в день Покрова своей Божественной Заступницы и совершает свой религиозно-национальный праздник.

Когда в изысканиях Казачьей Истории докапываешься до Истины, так засоренной лживой Москвой, ее "историками", то Казачий народ рисуется не только как доблестный и храбрый, но глубоко верующий в истинное предназначение человека, в нем чувствуется большая совесть, которая не застывала в веках ни от какого мороза и которого ничем нельзя было усыпить. Мороза, холода и голода в изобилии послала ему Судьба; но под снежной пеленой жизни сохранил он сердечную теплоту и уважение к страждущему человеку, вовлеченному в рабство.

Все потомки благодарно помнят громадные подвиги Казачьего народа в борьбе за Свободу, но в этой борьбе нет и тени какого то хвастовства, похвальбы, рисовки, была простота-красота и духовная сила, неустранимость перед Злом. Эта высокая человечность была неопределимой заслугой и имя Казачьего народа, как благородно-беспокойного искателя Правды на Земле, навсегда будет занесено в историю, а "Азовское Сидение", по своей нечеловеческой духовной силе-вписано золотыми буквами и будет проникать в сердца не только потомкам, но также желанным Гостем в чужие сердца дру-

гих народов, за исключением рабской Московии-России-СССР.

Некоторое касательство с бессмертным сражением за Азов, имеют и ложные писания "русского историка" Платонова. В своей истории: "Смутное время", он утверждает, что Московское войско уничтожило "воровское казачество", а так как крепостной строй был в государстве, то "холопы" убежали от помещиков на Дон и пополнили реку". Если эту ложь принять за Правду, то выходит, что как штурм, так и блестящую осаду Азова выдержали не казаки/уничтоженные якобы проображаемым Московским войском/, а русские "холопы". Когда же, где же эти "холопы" научились от 1614 года владеть огнестрельным оружием, которого они у помещиков и не держали даже в руках. Когда же они и где же нашли 280 орудий и сразу же poznали их управление, где же нашли они порох и ядра? Когда же они постигли высокое искусство ведения минной войны, какого по своей изобретательности даже не имелось в просвещенной Европе? Одни эти вопросы опровергают провокационный вымысел и ложь повиниста московского "историка" проф. Платонова. Почему же этих блестящих воинов и саперов не оставили в Москве, предоставив им лучшие условия, чем холопам у помещиков, а стали нанимать иностранных специалистов?

Возьмем не холопов, а настоящее ополчение Минина и Пожарского. Почему же эти горе "вожди" с ратью пришли и "битвою мать Русь не прославили", а разбежались "по буеракам и крапивам" под Москвой, как свидетельствовал просвещенный келарь Троице-Сергиевской Лавры Авраамий Палицын?

Почему 80.000 Московского войска под Смоленском, разбежалось под натиском небольшого отряда короля Сигизмунда, а оставшиеся после яростного сражения за свою Честь и Славу 300 казаков, не желая отдаться в плен, взорвали себя в пороховом погребе?

Да потому, что существовал независимый Казачий Векочечный, Бесстрашный народ/слова есаула Порошина/, он то и выдержал осаду Азова. А рабы-холопы Московии разбежались и от Москвы и от Смоленска. Раб никогда хорошим воином не был, а также и хорошим земледельцем. Это-Истина!

А на ложные писания "историка" Платонова, просто приходится с отвращением плюнуть.

ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АТАМАН ДОНА СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН.

Родился/эта "единственная поэтическая личность во всей русской истории", как С.Разина характеризует великий поэт-африканец А.С.Пушкин/в г. Черкасске, в семье видного войскового старшины Тимофея Разина, переселившегося из верхних станиц.

"Имя Степана Разина стяжала к себе к XX веку огромное количество ПЕСЕНЬ/до 60 сюжетов/на Дону, Поволжье, Уралу, Сибири. Нет другого человека в дореволюционной истории, в которого так пристально вглядывался бы народ, с тайной любовью и так широко раскрывал бы мощную личность "батьки-Атамана-гордость казаков", пишут даже русско-коммунистические историки.

Это была действительно мощная творческая натура. Уже с самого малолетства, он принимает самое энергичное участие в тревожной, полной военными действиями атмосфере родного ему Казачьего народа. Ему дело до всего: то он мчится малышом по полю на дикой лошади, без седла, приучая ее к дисциплине, то будучи в разведческой команде, летает с ватагой вьцов по курганам, зорко наблюдая за татарами, то пробирается к крепости Азова, высматривая что там делается, то видим его в канцелярии войскового есаула Порошина, преподающего ему грамоту, то видим его на песке на берегу Дона, старательно выводящего буквы листа, красиво исписанного есаулом пальцем на песке/за отсутствием бумаги/, то зорко следит он за посольством турецкого посла Фомы Контакузена и выслеживает татарина ночью с тайным письмом посла в Азов, предупреждающего турок о возможной осаде казаками крепости, в результате чего посол лишается головы, то сидит Степан в курене инженера Ивана Арадова и изучает его чертежи крепостной обороны, то в отряде сапер Арадова старательно вьжет фашины, яростно роет окопы,

взлетает вверх по лестнице или метко стреляет в цель.

Особенным удовольствием его также служит общение его с пленными турками, персами, греками, татарами. Он старается понять и изучить их языки. Для него они-люди несчастные, и он носит им куски хлеба, собранные у казачек. Вот такова "Академия Наук" будущего Атамана.

Любя беззаветно своего отца-героя, много раз раненого в походах на суше и на море, чтобы исцелить его от недугов, он страстно молится и совершает паломничество в далекий северный Соловецкий монастырь и там молится перед мощами Зосимы и Савватия, создателей монастыря.

Проходя по всей рабской Московии, он видел рядом с роскошью такую злобную нищету, пороки и жестокость сильных к слабым, что его до глубины души возмущало то безчувствие и безразличие крестьян, рабочих и дворовых, что они не смели поднять восстания против "кроводеров".

На одной из улиц Москвы он натолкнулся на поразительную сцену: среди улицы стоял стражник с лопатой, а у ног его закопанная, по самое горло, красивая голова женщины.

- Это что за живодерство? вскричал Степан, и выхватив из рук стражника лопату, стал быстро откапывать несчастную. Попробовав стражник помешать с криком: "это колдунья", получил такой удар в скулу, что покатился по земле, воя от боли и бессознательного состояния. Было уже темно. Выхватив женщину из ямы, он быстро увлек ее в переулок и они скрылись.

Впоследствии, когда Степана Разина привезли в Москву на казнь, эта женщина, беззаветно полюбившая его за свое спасение и свою красоту, приносила подачки для него. Она была известная Москве, как гадалка. И, наконец, она за большой подкуп добралась с прошением до самого царя, умоляя оставить Разина жить, хотя и на поселении. Ее арестовали, мучили и, отрезав груди, отпустили в ее дом.

Особенно неизгладимое чувство презрения и злобы, к порядкам Москвы, осталось в революционной душе Степана до самой его смерти-казнь его родного брата Ивана.

Была война Москвы с Польшей за богатую Малороссию. Царь Алексей обратился за помощью к Донской республике. Было снаряжено войско в 4.000 казаков. Походным Атаманом был избран старший брат Степана - Иван Тимофеевич. Это войско оказало большую услугу московскому ополчению, которое не было в состоянии противостоять перед польским войском.

А так как эта война затянулась и не давала надежд на победу одного или другого, то решили покончить дело миром.

В селе Андрусове в 1667 году, собрались послы: Польши, Германии, Турции, Крыма. От Москвы возглавлял воевода князь Юрий Долгоруков. Походный Атаман также пред, явил свое право на участие в мирных переговорах. Он вежливо обратился по этому вопросу к воеводе о Праве Дона, в лице Походного Атамана, его поддержали поляки. Долгоруков отказал в Праве казаков и, вызвав Атамана, заявил, что т.к. Походное войско стоит под знаменем царя Московского, то казаки и не имеют права на какие либо дипломатические переговоры. На это Атаман с достоинством заявил, что Войско Казаков издревле стояло и стоит под знаменем независимого и самостоятельного Дона и, если он-Атаман и подчиняется временно воеводе, то только в оперативном военном отношении, но не в политическом и, что он обязан быть в курсе переговоров о мире с другими послами. Долгоруков грубо и резко отказал вновь в праве присутствия даже на заседаниях послов. Тогда Атаман заявил, что так как война кончилась, то ему здесь делать нечего и он должен с войском идти на Дон. Долгоруков крикнул: "никуда вы не поедете без моего разрешения". На это Атаман сдержанно сказал: "я вам, князь, не слуга, чтобы вы мной и моим войском распорядились". Взбешенный князь крикнул: "вы и ваше войско-мой рабы!" Иван Тимофеевич выпел. Выпавшая с ним делегация, присутствовавшая при этой сцене, прибыв к Походному войску, об, яснили казакам, как их Долгоруков отблагодарил за их верную службу черной неблагодарностью. Как буря заревели казаки: Седлать! На Дон! Довольно нам умирать за

живодеров! И войско двинулось. Отойдя перст тридцать, войско остановилось на ночлег. Тем временем Долгоруков снарядил всю конницу и артиллерию и приказал догнать казаков и с боем взять в плен Атамана. Ночью походное войско было окружено. Казаки приготовились к бою. Атаман, сознавая, что в результате ожесточенного сражения, с противником в пять раз сильнее, погибнет много казаков, уговорил войско покончить дело миром, что он поедет к Долгорукову сам один и уладит конфликт.

Прибыв в ставку воеводы, под сильным конвоем, Атаман был закован в цепи и отправлен в Москву "на правож", где в тюрьме подвергся страшным истязаниям, после чего на Красной площади отрубили ему голову, в присутствии самого царя и духовенства, торжествуя своей "победой" над казачьей вольностью.

Личность Атамана Ивана Тимофеевича Разина рисуется для казачьих поколений, как великая жертва, погибшая "за други своя", бесстрашно пошедшая, как рыцарь, без страха и упрека на Казачью Голгофу, устраиваемую веками проклятой Москвой, с их царями и их наследниками без корон, и пошлым духовенством.

Эта страшная казнь любимого брата, глубоко врезалась в душу вольнолюбивого Степана и он жалел, что однажды, во время боев с поляками, эскадрон польский прорвался к кургану, где стоял с небольшой свитой Долгоруков, и он был бы взят в плен, но Степан с 20 казаками, находящимися в засаде в перелеске, как буря атаковал поляков во фланг и таким образом спас этого негодяя.

Все это взятое, продуманное явилось для самосознания Степана, что рано или поздно, но судьба Свободного Дона будет таковая же, как и "Малороссии", которая на его же глазах, была разделена на две части, правобережная отошла к Польше, а левобережная к Москве. Все это происходило при царе Алексее.

Воцарение этого царя принесло Донской самостоятельной республике еще большие невзгоды, нежели при отце его Михаиле. Сам по себе Алексей не представлял собой чего либо яркого, ум его ограниченный, вялый, воля слаба, политические и социальные воззрения его покоились на прежних основах "Третьего Рима" и "божественной" царской власти. Эпохи этого незадачливого царя была - укрепление самодержавия и крепостнического строя в государстве.

Если при Михаиле, он был связан некоторыми обязанностями ограничительного характера, когда он опирался на представительный орган Земского Собора и связан был поневоле сотрудничать с Донскими казаками, его закрепившими на троне, то при Алексее, Земский Собор сходит на нет и идет процесс централизации на местах, процесс искоренения какого либо самоуправления и замена его властью воевод, опирающихся на военную силу стрельцов, обученных иностранными инструкторами.

При Алексее, главой так называемой "православной русской церкви", появляется на сцену мордвин-патриарх Никон. Человек волевой, жестокий, страшной физической силы, как медведь, убивавший своим кулаком на смерть не подчинявшихся епископов. Он принялся за исправление духовных книг, при помощи грека Арсения-еврейского происхождения, будучи сам невежественным в вопросах богословия.

Раскол в Вере 1666-1667 г.г., повел к жесточайшим религиозным преследованиям. Преследовалось не разномыслие в Вере, обрядовые различия были не столь велики, но самая мысль о непослушании, неподчинении "божественной" власти, приводили в жгучую ярость и бешенство правящий класс крепостников.

Не говоря уже о народах Московии, преследование было направлено на вольный веротерпимый Дон. Тысячи казаков, ревнителей древней апостольской веры, были также жертвами палачей московских патриархов, митрополитов, епископов и всего этого белого и черного духовенства, превратившегося целиком в "черных воронов". Правительство широко пошло на помощь полицейскому духовенству: сжигали живьем, бросали в Каменные ямы, тюрьмы, сажали на кол, вырывали ноздри/особенно любимое занятие предков нынешних русских чекистов/, резали носы, уши-легко, свободно, играючи, ссылали на вечную каторгу

в Сибирь. Московская "церква" столько огноила по тюрьмам, голодом поморила, столько скорпионами забила, столько жизнью разбила, погубила, что если бы вся кровь и слезы в борьбе за Веру, сразу выступили на Землю, то образовалась бы бушующая река, которая полнами потопами бы жестокою кровавую "церкву" Москвы вместе с ее "черным вороном".

Казачья стойко защищала свою древнюю Веру. И когда тосковала казачья душа по красоте былого, по светлой радости Духа древней вольной жизни, то шли на Голгофу в эти кошмарные времена, перед коими абсолютно бледнеет Испанская инквизиция или Варфоломеевская ночь королевы Медичи.

Религиозные эмигранты из Московии, широкой волной ринулись на "Тихий" вольный Дон. К этой эмиграции прибавилась масса из "Малороссии" с 1667 г. украинцев и Запорожских казаков, после Андрусовского мира. Постепенно назревал тяжелый экономический кризис на Дону.

Дон не был в состоянии прокормить новых пришельцев. Они могли бы начать жить земледелием, но казаки не занимались таковым за отсутствием рабочих рук, т.к. каждый казак в любой момент днем и ночью мог быть призван конно и оружно для отражения могущественных турок и татар. А когда эти "рабочие руки" появились, то вкоренившаяся издревле традиция не допускала нарушения права рабства иметь при себе, как бы, второстепенный сорт людей, а поэтому казаки той эпохи, в земледелии видели закрепощение личности человека, подобно Московии.

Использовать эту новоприбывшую силу для военных действий тоже не представлялось возможным, ибо разрушивши Азов, по беспутному велению царя Михаила и вновь восстановленного турками, казаки без надлежащей сильной артиллерии не в состоянии были взять его обратно, будучи сами обескровленными, а Москва категорически отказалась снабжать Дон военными припасами. Воспитать же новоприбывших военному искусству не было времени и средств для их вооружения.

Кроме того, среди казаков постепенно назревало экономическое расслоение на богатых и бедных. Богатая "войсковая старшина", развращенная подарками Москвы, стала держать ее сторону. Назревал тяжелый социально-моральный кризис. В 1667 году доносили в Москву: "во многие Донские города пришли с Украины боярские люди и крестьяне с женами и детьми и от того на Дону голод большой".

Все это вместе взятое требовало какого-то определенного выхода из создавшегося положения. Разрешение этой жгучей проблемы Судьба возложила на голову Войскового старшины Степана Разина. Это был выдающийся казак по уму, воле, энергии и политическим воззрениям, также он блистал доблестью и военным искусством. Будучи глубоким демократом, он не пошел по пути "войсковой старшины", наживавшей богатства на подарках Москвы и рабочего труда новоприходцев, а возглавил весь бедный народ на Дону: будь то казаки Донские, Днепровские/Запорожцы/или староверы из Московии.

Таким образом, на Дону возникло двоевластие. Богатеи притихли, выступить против Разина боялись, ибо за ним была слава среди казаков, как искусного в боях, а также со времени 1660 года, когда ему, как послу от Дона, удалось заключить мирный братский договор с пришедшими с Востока Калмыками, во главе с ханом Акком, которых Разин вовлек в военный союз против Ногайских татар.

Разин, учитывая серьезность экономического кризиса, непосредственно от себя, помимо Донского Атамана Корнея Яковлева, отправил в Москву "станицу" с грамотой царю, написанную своею рукою:

"На Дону казакам учала скудность большая. На Черное море проходить им не мочно, ученены от турецких людей сильные крепости, а от Москвы нет помощи, а потому мы идем без ведома войскового атамана на Волгу, а затем на Каспийское море".

А до этого Москва грозно требовала арестовывать бежавших на Дон староверов и сдавать их пограничным воеводам. Самосознание Казачьего народа о правах политического убежища от древних еще времен, было высоко и ло-

зунг: "с Дона выдачи нет" звучал твердо.

Защита слабых и притесняемых была также интенсивна. Так, например, когда Донской Атаман И. Д. Катаржный был проездом в 1646 году в Воронеже, т. е. на чужой для Дона территории, то Воронежский воевода доносил в Москву: "Когда на слободу, где проживали казаки, стали приходить приказные за беглыми, Катаржный угрожал побивать их до смерти из палачей, а приехавший с погонной царской грамотой дворянин Даниил Мясной, потребовал у Катаржного выдачи беглых, то Катаржный удара ево Мясного в душу, твой, государь, наказ, каков ему дан от тебя из Посольского приказа, у него Данилы вырвал и заткнул к себе за голенище и хотел Данилу убить. А уезжая, Катаржный беглых людей не отдал и говорил: хотя де придет беглых людей вынимать сам воевода и мы ему отсечем уши да пошлем в Москву. А одного из погонщиков за беглыми атаман велел бить ослопы/палки/".

Это было при Катаржном, действительно Божьей Милостью Атамане, когда же Донской трон занял Корнелий Яковлев, своей интригой сваливший Атамана Лаврентьева-защитника староверов, то Москва открыла карты и потребовала не только выдавать беглых из Московии, но выдать даже Атамана Лаврентьева.

Собирали Круг три раза и все отказывали в выдаче, но когда стал атаманом Яковлев, идейный сторонник Москвы, то он собрал Круг с соответствующими подобранными крикунами, после грозного ультиматума Москвы, Атаман Лаврентьев был выдан, хотя и на этом Круге слышались голоса: "зачем посылать Атамана в Москву, там и так мяса много". Дон был обессилен, на границе его стоял уже отряд московского войска, всякий момент готовый вторгнуться в пределы Донской республики. На этот отряд и опирался Корнелий Яковлев, подкупленный Москвой, что впоследствии подтвердилось.

Атамана Лаврентьева привезли в Москву. В тюрьме истязали его и на Красной площади всенародно, в присутствии ничтожного царя и духовенства, палач отрубил ему голову. Правящая клика торжествовала, на Дон уже посылались чиновники, которые хватали беглых.

Тем временем, Степан Разин со своим войском плыл по Кавказскому морю, с намерением поселить избытки беглых в Персии. Достигнув южного берега Каспийского моря, он послал к шаху Персии свое посольство с просьбой отвести для Войска земли для его поселения.

Две недели дождался Разин ответа из Тегерана, но его не было, а прибежал один из его посольства казак и доложил, что почти всех посллов казнили, так как среди них оказался один предатель-москвин, который уверил шаха, что Разин прибыл к берегам Персии не для поселения, а для разведки и грабежа.

Узнав о печальной участи своего посольства, взбешенный Атаман двинул свой флот в юго-восточную часть моря, к берегам, где были расположены богатейшие виллы шаха и персидской знати. Находящиеся там войска для охраны, были разгромлены и богатства вилл было секвестрировано в отместку за убийство посллов. Пожаров и убийств жителей учинено не было.

Высланный шахом большой флот, состоящий из кораблей, был атакован стругами Разина и уничтожен, все ценности флота, во главе с персидской княжной и ее братом, попали в распоряжение Походного Атамана.

Возвратившись из Персидского похода в Астрахань и, узнавши какой произвол чинится московскими чиновниками, по отношению к независимости Дона и ловли беглых, Разин заявил:

"У казаков того не повелось, чтобы беглых людей выдавать. Я увижусь и рассчитаюсь с Астраханским воеводой Прозоровским. Он-дурак и трус. Хочет обращаться со мной, как с холопом, но я-прирожденный вольный казак".

Жители Астрахани, обращенные Разиным в казаков, совершенно искренне составили приговор:

"Атаманы и все казаки: Донские, Астраханские, Терские и Гребенские, пушкарки и затинчики, и посадские люди и гостинного двора торговые люди написали между собой, что жить в Астрахани в любви и совете, и никого межь

себя не побивать и выводить бояр изменников.

Воевода Прозоровский, оказавший военное сопротивление, был лично Разиным сброшен со второго этажа дома и разбился о камни.

Профессор Сватиков/"Россия и Дон", стр.103/, как бы возвышаясь над большим Атаманом, признанным великим поэтом А.С.Пушкиным, как "единственной поэтической личностью во всей русской истории", пипет свысока:

-Типичный демагог Разин проповедывал истребление всех, кто возвышался над уровнем бездомового голутвенного люда, разграбление и дележ всего имущества, он запрещал богослужение и постройку церквей, издевался над пером и Христом, ввел венчание вокруг куста".

Исследуя основательно жизнь и деятельность Атамана С.Разина, я должен сказать, что высосанная из пальцев Сватиковым характеристика основана не на исторических данных, а лишь на присущей москвитам лжи. Провозглашая эту ложь, Сватиков не подумал, как "историк", что он представляется во весь свой профессорский рост именно демагогом, для воздействия на общественное мнение Казачьего народа, который с большой душевной теплотой относился к памяти бессмертного Атамана.

Во всей своей деятельности, Разин нигде не разорял мирных жителей, не делил их имущество, а уничтожал лишь бояр "изменников", даже воеводу князя Львова пощадил.

Над Верой и Христом он не издевался, а был лишь веротерпим ко всем религиям, как и все казаки древности.

Если он перед походом в Персию, обвенчал своего крестника вокруг ракиты, с произношением соответствовавших изречений, за отсутствием священника в тот момент, то он, как глава войска, имел право заместить священника в срочном порядке.

Разин триста лет тому назад, был головой выше "просвещенного профессора", который, ведь, теперь не станет обвинять в издевательствах весь французский народ/как и многие другие народы/за то, что венчаются в присутствии светского человека в городском управлении? Да, ведь, обряд венчания не есть Вера, а лишь обряд, чего Сватиков сознательно не понимает.

Сватиков, подыскивая "факты" якобы издевательства над Верой и Христом казаков, не забывает даже, для усиления своей провокации сказать, как наказный атаман Дона Степан Ефремов "развелся с женой без вины, и женился на другой".

Но ни словом не говорит о том, как московское духовенство за взятки или ведро водки, венчало не только двоеженцев, но даже троеженцев/см. страницу о духовенстве князя Долгорукова в эпоху Екатерины II/.

Сватиков не обмолвился ни полсловом о том, как Петр I загнал силой свою жену Евдокию в монастырь за ее религиозность, женился не в церкви, а на постели, с любовницей князя Меншикова, Екатериной и провозгласил ее императрицей.

Не сказал Сватиков и о том, что царь Иван Грозный имел 7 жен законных и незаконных. Но величие царей и их "безгрешность" для Сватикова достойны канона.

Спасая свою шкуру, от "великого русского народа" в 1917 году, Сватиков получил политическое убежище на Вольном Дону. Ему была предоставлена казенная квартира, жалованье по званию профессора, кушал он одобный казачий хлеб, пил самое лучшее в мире Цимлянское вино, перед ним радушно были открыты все архивы и Новочеркасский музей. За все это ему вменялось написать историю Казачьего народа, но он сразу же потерял метрику этого народа, и ни одним словом не обмолвившись о древности его и даже игнорируя утверждения "отца Русской истории" Карамзина, заявлявшего, что "происхождение казаков скрыто в веках древности", во всяком случае "ранее Батыева нашествия/1223 г./", а также сказания "Геродота русской истории" Татищева, что казаки были в Федерации Хазарской империи от III до X века.

Сватиков начинает историю казаков с 1549 года, якобы из "выходцев русских московских пределов", т.е. продолжает ложь "историка" беглого поляка

Броневского и ему подобных, что казаки—"беглые русские холопы".

Напялив на себя маску "демократа", импонирующую казачьему самосознанию, но оставаясь в душе крепостником, он искусной рукой ведет историю "Россия и Дон", где так и выпирает величие самодержавной Москвы, правильность ее государственной мысли и действий, а наряду с этим "анархичность" Казачьего народа Дона. Он ни на одну минуту не забывает свою роль "Троянского коня" защиты интересов Москвы и, рассыпая на страницах своей лукавой истории, эпитеты: "тихий вольный Дон, вольная республика, самостоятельное государство", учыпляя у казаков чувства подозрения, чуть ли ни на каждой странице, ударяет, как тараном: Москва-метрополия, а Дон "из русских выходцев"-колония Москвы. И этот пресловутый "колониализм, насильно навязанный и абсолютно не присущий казачьей древней природе, в конце концов отталкивает читателя, как от назойливой мухи и создается недоверие к "историку", и вся его система, построенная на песке, рунится в дребезги.

И когда историк Соловьев говорит, что Разин понимал, что "церковь на Дону является одной из важных связей Дона с Россией", то Сватиков не выдерживает этого противоположения и раздраженно говорит: "а мы скажем: колонии с метрополией". Эта надменность и снижение Дона на ступень какого-то зависимого батрака, вскрывает духовную сущность автора-крепостника и совершенно губит его произведение.

Сознательное, слишком сознательное в Сватикове царит настолько, что свое окоченелость и сам заявляет в споре с Соловьевым. Своей истории он точно ведет приходе-расходную книгу и не столько он историк, сколько занимается историей. В его преднамеренном "художестве", видна система, над всеми способностями духа преобладает рассудок "втереть очки", и сухое веяние последнего заглушает ростки живой святой простоты и Правды жизни. Его страницы, лишенные стихийности прошедшей жизни, не сотворены, они точно вышли из грубой кузницы. Он не желает сознательно спускаться в лоно иррационального московского быта, в темные недра рабского бытия; тогда зачем же и заглавие "Россия и Дон", чтобы не сказать о России о том, чем она жила и как сосала кровь не только поработенных народов, но и своих граждан пребратила в скотов.

Сватиков не свободный художник Слова, не льются у него звуковые волны произведения и утомляют его преднамеренные насилия читателя не забывать про Москву метрополию-повелительницу и Дон-колонию-подчиненную. Истинный историк служит не искусственной истории, а жизни и отдает предпочтение "богине Красоты, а не в зеркале ее изображению".

И отмечая казачью вольность, он намекает, что эта "вольность" изошла из метрополии ее источника, а о том, страшном гнете людей этого "источника" не говорит ни слова. Посторонний жизни и Правды Сватиков, встает перед нами фигурой бездушной, тонко рассчитанной, как бы не унижить достоинство Москвы-метрополии.

Не то, чтобы у него, как и у всякого другого пишущего, были отдельные неудачные строки, нет, его недостатки-роковые, и все они вытекают из его основного порока-скрыть Истину о безумной жизни Москвы. У него нет художественного целого, живого монулита. Слово: нет, вы ясно видите зияющие поры и провалы, заполненные деревянной рассудочностью. Порой готова уже возникнуть иллюзия историчности, но какой либо грубый и неуместный штрих опять свертывает нас в безотрадную пустыню, когда он, например, говорит: "некоторые казачьи энтузиасты хотели бы одеть Адама в штаны с лампасами". Если ты, историк, не признаешь древности Казачьего народа, то надень на ноги Адама московские лапти и будет все в порядке, но от этого справедливого сравнения он уклоняется.

Истинный историк не должен злоупотреблять своим правом и властью над природой, не должен ей навязывать силой то, что ей внутренне неприсуще.

Соблюдал ли Сватиков это правило? Нет! Он утверждает, что казаки есть русские люди, да еще плохого сорта-беглецы. Но при этом он сам того не замечая, в одном месте несет громадное поражение от самого же себя, заяв-

вив, что Донские казаки — прирожденные республиканцы. Но ведь прирожденность происходит от корня. Какая же "прирожденность республиканства" могло родиться в рабской среде Московии, из которого, по его уверению, казаки вышли?

— * —

Когда С. Разин прибыл на Дон, то в это время там был посол царя Алексея Овдокимов и воевода Иван Хвостов. Они грозно требовали переписи всех казаков и выдачи староверов. Возмущенный наглостью этих послов, на майдане он грозно спросил у них:

— Зачем вы на вольном Дону?

— Для переписи казаков!

— А, шпионы и каты! вскричал Степан.

Сверкнула пашка и голова посла покатила по земле, за нею погналась голова и воеводы.

И когда Разин появился на Круге по этому поводу, то на упреки Атамана Яковлева за убийство послов, Разин крикнул:

— Ты владеешь своим войском, а я владею своим, и если ты будешь чинить противное, то над тобой учиню такое же смертельное убийство.

Круг весь замер на время, но назревал тайный злой умысел продажной войсковой старшины над жизнью Разина.

Политическая программа его была ясна для каждого, что идет он истреблять бояр, дворян, приказных, искоренить всякое чиновничество и власть воевод, установить на Руси "Казачий присуд", чтобы всяк всякому был равен. И, действительно, жители тех городов, которые он занимал, получали числовое деление по-казачьи: на тысячи, сотни, должны управляться всенародным собранием /Кругом/, которое избирало бы атаманов, есаулов, сотников, десятников. Уже одно это административное устройство, где верховная власть предоставлялась Кругу, указывает на то, что жизнь, имущество и личность неприкосновенны. Из этого вытекает, что "грабеж и раздел имущества" Сватикова, сплошной глупый вымысел.

По этому поводу Сватиков грустно пишет: "мы не имеем возможности, даже вкратце, пересказать фактическую сторону грандиозного восстания, которое было поднято на Юго-Востоке России. Не находя себе выхода на Черное море, остановленное в движении по Каспию на берега Персии, "голутвенное" казачество обрушилось внутрь государства и потрясло его до основания. Движение это было колоссальное. Оно было явлением более всероссийским, нежели Донским."

Опять Сватиков передергивает факты. Народ Московии, воспитанный веками в рабстве и воплотивший чувство рабства в привычку, которая стала натурой этого духовно несчастного народа, абсолютно не был способен на жертвенный революционный подвиг. Этот народ-раб шел за казаками до тех пор, пока освобождалась его деревня, он вешал на воротах своего помещика и гражданская роль этого раба на этом и кончалась, рабы разбегались по домам: "пусть же казаки сами спасают Св. Русь". А казачьи ряды ревели без жертвенной помощи "спасаемых", перспектива казалась для обескровленных казаков проблематичной.

Московское государство остро почувствовало колоссальную опасность социальной и политической программы Разина. Разрушить самодержавное царство, создать грандиозную Казачью республику, опрокинуть старое общество, целиком зиждущееся на неравенстве, было ужасом правящих верхов.

А Разин захватил уже всю Волгу, главные города: Астрахань, Царицын, Саратов, Самару, осадил Симбирск. Местность Нижнего Поволжья была уже оказачена.

И со вздохом облегчения Сватиков /стр. 104/ пишет: "поражение, нанесенное Барятинским Разину под Симбирском, одним ударом решило судьбу Москвы и судьбу Дона. Карта Разина была бита, а за его "анархические" выступления пришлось расплачиваться Дону".

Как воздержался этот "историк" от нахлынувшего на него чувства рабовладельческого энтузиазма и удержавшегося от восторженного крика: "да здравствует не анархическая, богоспасаемая, живодерная, самодержавная Москва!"

Окончательного поражения у Симбирска Барятинский не нанес войску Разина, он даже отошел назад от занимаемой позиции на ночь, боясь своего разгрома, но сам Разин почти что смертельно был ранен в голову московским офицером и был бы и зарублен, но находящийся около Разина поп Самуил спас его, раздробивший прикладом не только шлем, но и голову офицера.

Совершенно беспомощного, без сознания, священник и заместитель Разина отвезли его на Волгу и повезли на Дон. Оставшееся без вождя войско потеряло Дух.

Два месяца Разин был без сознания, находясь в своей резиденции на острове Дона в Кагальнике, охраняемый отрядом Атамана Наумова. И когда пришел в сознание/череп был прорублен и в трещине был виден вздымавшийся мозг/и узнал из доклада Наумова, что он, спасая своего друга, оставил войско, то взбешенный Разин схватил со стены пашку и так размахнулся, чтобы зарубить своего "спасителя", во время отскокившего, что пашка повзилась в стол, и ее с трудом пришлось освободить, и крикнул: "ты спас меня, но погубил казачье дело-предал войско", и снова впал в безпамятство. Все тело дрожало от жара.

Корнелий Яковлев со злоумышленниками встрепетались, но напасть на раненого льва еще боялись, зная что его охраняет преданный ему Атаман Наумов.

Сам Разин подал повод для своего жизненного конца. Желая покончить с продажной старшиной, он написал Корнелию письмо, как к своему крестному отцу, приглашая его со свитой приехать на праздник, а тем временем отправил свою охрану по другому пути с приказом захватить город Черкасск.

Когда Яковлев прибыл, вино полилось, чтобы спить Корнелия, но, вдруг, произошел страшный взрыв порохового погреба казаком Прохором-тайным шпионом Яковлева, которому Разин доверял, будучи с ним сверстником и находившимся с ним при взятии Саратова, Самары и в бою у Симбирска.

Отряд, посланный на Черкасск, услышав гул взрыва, повернул назад, но было поздно: пашка Яковлева накинула аркан на Разина, связала его, привязали на лошади и поскакали.

Так и закончилась дивная жизнь самого знаменитого Атамана Свободного Дона. Казнь его в Москве не описываю, это уже известно всему миру.

Войсковой Атаман Корнелий Яковлев, по происхождению черкес, был подкуплен Москвой. За выдачу Степана Разина он получил сверх обычного жалованья, деньгами, сукнами, камкой, тафтой, ему "пожаловали 40 соболей и 30 рублей /не малая по тому времени ценность/"Иудиних серебрянников", серебрянный позлоченный ковш самого царя, а при отпуске на Дон, еще пару соболей и 10 рублей и сто червонных золотых, из доходов Новгородского приказа. Получая он и тайные потом подарки, о которых в делах остались следы: "да Корнелию Яковлеву сверх той дачи тайно пару соболей и 15 рублей".

И хроника говорит: "Продали Дон за соболя...", повторяли казаки.

Историки Московии обрисовывают царя Алексея, как одного из добрых правителей и даже наделили его титулом: "Тишайший" но о том, что во время его правления пролито было безвинной крови вдвое больше, чем при царе Иване Грозном, историки молчат. Но, ведь, Грозный руководился идеей разгрома разбогатевших бояр и перешел хотя одну ступеньку социальной лестницы.

У Алексея же, в пустой его голове было совершенно пусто, он только и мнил, что он-"помазанник Божий"и только. Никакие социальные вопросы его не интересовали и он не стоял, не ходил, а просто лежал как кукла, облеченная в порфиру.

Историк Мильков в "Очерк русской культуры"/стр.136/, писал:

"Остроумный историк Московской Руси наглядно изобразил нам историческую роль царя Алексея в позе человека, занесшего ногу вперед, да так и

застывшего в нерешительности. Но нерешительность "тишайшего" была еще значительнее, чем можно было бы заключить из этой позы. Он вообще не любил никаких поз. Он никуда не шел и даже не стоял; он просто спокойно возлежал на груде обломков старого и нового, не разбирая, откуда что идет, и подобрал под себя, что было помягче, за него все устраивали другие, не без содействия крепких московских тюрем, а о будущем он не думал.

И когда упрямый вождь староверов Аввакум, от имени святой старины грозно звал царя на страшный суд с собой и заклинал его стряхнуть с себя мирское забвение, то он невольно взволновался, но когда Аввакума сожгли живьем в колодах, то он сразу же успокоился. Когда же молодой мечтатель, сын его любимца Ордын-Надекина/министр иностранных дел/бежал на вольный простор мысли и жизни, за-границу, от вымотавшего душу московского болота, а сам Надекин ушел в монастырь, тогда должно было бы хотя на минуту прийти в голову, что мирное соседство с страшной действительностью не вечно. Но, дорожа больше всего своим покоем, "тишайший" следовал своему правилу: "нельзя чтобы не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтобы Бога наипаче не прогневать". С этим режимом, в котором само горе обращалось на пользу, как своего рода гигиена души, Алексей сводил свои счёты с настоящим, надеясь на крепкие тюрьмы".

Обожествляя покой, он однако много молился всенародно, держал посты, часто говел и причащался, но вместе с тем болел сладострастием и будучи импотентом, мучил свою молодую вторую красивую жену Наталью и она поневоле утешалась исповедью патриарха Никона, здорового молодого мордвина и когда появившийся на свет сын ее Петр, явил собой копию Никона по лицу, росту, силе, то "тишайший" решился на единственный в своей жизни шаг реальности: конфисковал все богатейшие владения Никона и сослал его в монастырь на вечное заключение, обяснив, что он это сделал за слишком жестокое гонение Никона на староверов.

Человека с показной религиозностью, обыкновенно называют "ханжой". Но под маской келейности выступают у таких черты змеиного жала. Таким по своей деятельности и великому кровопусканию самых честных труженников и истинных ревнителей православной Веры рисуется нам этот лицемерный "Тишайший".

Колоссальное восстание Атамана Степана Разина совместно с Поволжским населением, должно было бы напомнить царю, что для московского государства пришел момент для социальной реформы. Но причины возникновения восстания казались пустой голове царя, не в государственной системе тяжелого рабовладельчества, а лишь в той социальной заразе вольности, которая царилла на свободном Дону.

Чтобы пресечь эту вольность, царь посылает стольника полковника Косогова с отрядом в 1.000 человек. Этот посол, прибыл на Дон, обяснил казакам на Круге: "царское милостивое жалованье, деньги, хлеб и пушечные запасы".

Косогов говорил, что Атаман Яковлев и Михаил Самаринин, будучи на Москве великому государю в верных своих службах пред Св. Евангелием обещались, и также бы и они казаки на Дону веру учинили государю".

Не легко казакам было согласиться на это требование, которое они отвергали на протяжении чуть ли не двух веков "на другой, третий и четвертый Круги казаки говорили, что они не прочь служить государю, но без крестного целования". Но, наконец, перед перспективой войны с Москвой, казаки Дона 29 августа 1671 г. "веру учинили, Св. Евангелие целовали".

Главные статьи чиновной книги касались, чтобы обезопасить Москву от самозванцев и от восстаний, от попыток свержения династии и замены ее другой/русской или иностранной/, от сношений с поляками, Литвой, немцами или других Земель царей, королей или принцев иноземных на царство не призывать и не желать; на здравие государя и всей его царской фамилии не посягать; с прагами государя сражаться; беглых крестьян на Дон сдавать пог-

раничным воеводам, от организаций, подобных Разинскому на Дону, отказаться.

При этом, однако, присяга казаков не коснулась внутренних распоряжений республики, прав народного собрания, прав граждан в свободных выборах. Главный удар присяга наносила на право политического убежища и сношений с иностранными державами.

Присягой 1671 года, закончился период свободного развития Донского народоправства и начался период долгой борьбы — сперва за Дону государственность, а затем за автономию.

После смерти неудачливого царя, который не умел ни ходить, ни стоять с поднятой одной ногой, настала, как будто, иная атмосфера, под влиянием Запада: под, ем религиозного сознания, развитием литературы и искусства, в богословской науке, в школьном деле — открылась Академия.

Все это относится к реформе просвещенной Регентши царевны Софии. Обновились даже формы быта.

Скоро явился и реформатор — князь В. В. Голицын, любимец Софии. Реформатор имел широку программу, лично им изложенную французскому послу Невиллю. В программе значилось и устройство регулярной армии и постоянные международные отношения Московии с заграницей, и полная свобода совести и веры, и заграничное воспитание детей, и замена натурального хозяйства денежным и даже освобождение крестьян с землей. Голицын хотел заселить окраины, оживить торговлю и пути сообщения в Сибири, нищих превратить в богатых, дикарей Московии в людей, из скотского их состояния.

Попытка реформы практически проводилась трудно. Поднять весь тяжелый, леками накапливаемый рабовладельческий груз, требовалось времени, а в распоряжении Софии и Голицына оказалось только семь лет. Но эти семь лет описаны современником князем Куракиным так: "никогда такого мудрого правления в российском государстве не было".

На сцену появился Петр Дикий, который арестовал Софию и запрятал ее за решетку на вечные времена, и стал рвать и метать.

В то время, как Голицын окружал себя книгами, картами и сведущими людьми, Петр с азартом предавался спорту, а книгу допускал в минимальных размерах, как необходимое зло. Голицын ездил в немецкую слободу для серьезных политических бесед с солидным Гордоном; Петр и слышать не хотел о какой то политике, а тем более русской, он бежал от нее, как от чумы. В слободу привез его кузен Голицына, пьяница Борис, не для поучительных бесед, а для балов и попойек, которые с тех пор и потянулись непрерывно, под руководством Лефорта "дебосана французского".

Пока Голицын мечтал о довольстве народном, Петр заботился о личной безопасности, укрепляя силу Преображенского и Семеновского полков. И когда он этого добился, то он обнаружил полное пренебрежение к общественному мнению и всячески издевался над ним, свалив все дела народные и общественные на плечи, преданного ему обер-лаца князя-кесаря Ромодановского и на его Тайную Канцелярию.

Петр мечтал только о флоте, пушках и всемирной славе, имея для этого определенно примитивный ум, абсолютно не понимая, что сила государства не в пушках только, а в народном благоденствии.

ДОНСКОЙ АТАМАН
 КОНДРАТИЙ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛАВИН.

Вышел на историческую сцену на рубеже усиления Московского государства и упадка былой духовной мощи доблестной Донской республики.

К.А.Булавин происходил из видной на Дону войсковой старшины. По своему уму и политическому самосознанию он был ярким поклонником свободной независимой Донской республики, был истинным демократом. Лозунг казаков: равенство и братство" был для него священным.

По этим признакам он приближался к свойствам Степана Разина, но с таким, однако, деопозом стратегической пироты. Он был избран на пост станичного Атамана городка Бахмута.

В эти времена, по-прежнему, крепостные и староверы продолжали бежать на вольный Дон от живодеров воевод и помещиков.

Петр I, как сто лет тому назад, воспринял идею Бориса Годунова-уничтожить преграду к южным морям, в лице Донской республики. Столкновение было неминуемо, и Петр принял меры взорвать вольную республику изнутри.

В 1703 году Петр послал на Дон двух стольников Пушкина и Кологривова для переписи казаков старожилов и "новоприходцев". Это было вторжением в Донскую республику.

Пока московская власть, путем указов, пыталась вмешаться во внутреннюю жизнь, агенты Московии вторгались на Донскую территорию, хватили людей без разбору, при содействии богатой войсковой старшины и отсылали в Москву. Майор Шанкеев даже стал разорять Богучарский казачий городок, а жителей высилать в распоряжение пограничных воевод.

Таким образом, Донская и Московская колонизация встретились лицом к лицу. На Западе Дона завязалась борьба, по внушению Петра, между Донцами и "слободскими казаками", из людей торского происхождения. Полковник Изюмского полка Шидловский, подкрепляя новых поселенцев-украинцев слободскими торками, стал теснить Донцов и разорять городки по речкам: Бахмуту, Красной и Жеребцу и занял казачьи солеварни Бахмута. Атаман Булавин вел неустанную борьбу с слободскими торками за соляные угодья.

Присланного в июне 1706 года от Административного Приказа Москвы дьяка Гончарова с отрядом, он арестовал и отослал в Москву. Он поступил в данном случае, как патриот Дона. В 1707 году Петр принял решительные меры. Был послан на Дон полк князь Юрий Долгоруков с отрядом. И столкновение разразилось. Карательная экспедиция Долгорукова взволновала весь Дон. Но Атаман Войска Лукьян Максимов-сторонник Москвы, послал в помощь Долгорукову Ефрема Петрова с четырьмя старшинами-предателями. Долгоруков не хотел разбираться кто и когда пришел на Дон, он хватал, бил, разорял без пощады. В восьми только городках по р. Айдару, он схватил свыше 3.000 казаков.

Булавин, защищавший вольность "Казачьего Присуду"-Закон Дона, немедленно стал действовать. Склонив на свою сторону Донецкие городки: Гундоров, Лугань, Митякин и Белую Калитву, он устроил С,езд на Хопре, на котором было решено начать восстание.

В ночь на 9 октября 1707 года, в Шульгинском городке, на р. Айдаре, князь Долгоруков и весь его отряд регулярных войск был окружен и поголовно перерублен. Премтупный Ефрем Петров с старшинами успели ускакать. На выручку Долгорукову прибыли низовые казаки во главе с самим войсковым атаманом Максимовым и разбили Булавина у городка Закотнова, на р. Айдаре. Булавин бежал к Запорожским казакам и звал их на помощь. Кошевой не соглашался с этим, но был скинут Радой с атаманства. Заместитель Сирко разрешил набирать окочих казаков, но пойти явно на Московию он может лишь тогда, когда Булавин призовет Белгородскую и Ногайскую орду и горских народов черкас.

В начале 1708 года Булавин разослал свои грамоты:

"Стоять им со всяким радением за Дом Пресвятой Богородицы и за истин-

Веру христианскую, за свои души и головы: сын за отца, брат за брата, друг за друга и умирать за одно; начальным добрым людям и всяким "черным" людям всем также стоять вкупе с казаками и не опасаться обид. А которым худым людям и князем и бояром и прибыльщикам и немцам, за их злое дело отнюдь бы не молчать и не слушать ради того, что они вводят всех в Еллинскую веру от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесен престестные. А по которым городам, по тюрьмам есть заключенные люди, и тех выпустить тотчас без задержания".

Центром Булавина был Пристанский городок на Хопре. Против Булавина был двинут из Азова т. наз. Азовский казачий полк полковника Васильева, из служилых на жалованьи казаков. Они вместе с атаманом Лукьяном Максимовым, встретили Булавина 7 апреля 1708 года выше Паншина городка, на р. Лисковатке. Казаки, верховых казаков из отряда Максимова, потребовали "пересылки с ворами" /вступить в переговоры/. Когда старшина Ефрем Петров собрал Войско в Круг и докладывал о своих переговорах с Булавиным, верховные казаки замитинговали, а Булавин внезапно атаковал Максимова и разгромил на голову. Васильев еле убежал в Азов, а Максимов с Петровым в Черкасск.

Тогда 26 городков по Хопру, 16-по Бузулуку, 12-по Сев. Донцу с Гундоровцами во главе, восстали и присоединились к Булавиному. В Тамбовском и Козловском уездах жители деревень уже выбирали атаманов и есаулов, по закону "Казачьего Присуда" и вешали на воротах своих помещиков.

28 апреля Булавин с 15.000 казаков подошел к Черкасску. 1 мая Атаман Максимов и 4 старшины были выданы Булавиному, который собрал Круг для суда над изменниками Донской республики. 6 мая Максимова и шести старшинам, в присутствии Круга, отрубили головы, а идейного московского поборника Ефрема Петрова повесили.

Булавин, избранный Донским Войсковым Атаманом, послал Петру грамоту, определяя обиды от старшин:

"И которое его великого государя, присылается к нам, войску годовое денежное жалованье и хлеб, также и за Астраханскую службу двадцать тысяч рублей, также и в нынешнем 1708 году присланные десять тысяч рублей и того жалованья нам они, старшины, в дубан/дележ/ничего не давали. Да они неправые старшины против указов новопришлым людям без войскового ведомья письма давали и многие взятки брали и работой их изнуряли."

Грамота пыталась оправдать убийство Долгорукова:

"Убил не один Кондратий Булавин, а с ведомья общего нашего со всех рек войскового совету за деяния вопреки указа царского".

Итак, Круг сменил негодных старшин, но Дон не помышлял о сепаратизме. Булавин говорил Правду, он хотел только сохранить автономию Дона и просил царя:

"Полководцев не ходить на Дон, если же пойдут и насильно поступят с Доном и в том воля великого государя, мы Войском Донским реку Дон со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдём".

Булавин также писал главе староверов на Кубани Савелию Пафомовичу:

"А есть ли царь не станет жаловать, как жаловали отцов наших, дедов и прадедов или станет нам на реке какие утеснения чинить и мы Войском от него отложимся, и будем милости просить у Вышняго Творца нашего Владыки, а также у Турского царя, чтобы Турский царь нас от себя не оторвал. А буде у Вас Савелий Пафомович на нашей стороне какие люди московские или украинские из Азова или из Троицкого и Вам бы пожаловать про се письмо отнюдь им не явить и не сказывать, только ведать милость ваша про себя с Ханом Пашею, да с Сарталом мурзою и с иными многими мурзами. А по совету с Пашею, мурзами будет милость ваша и сие письмо угодно будет и вы извольте будя мощно списав с сего письма список и оставив оставить у себя в Ачкееве, а подлинное письмо наше пошлите своему Салтану в Царьград. Письмо писано. Войсковой Атаман Кондратий Булавин и все Войско Донское у Тебя Турского Салтана милости прося и челом бьют. А нашему государю в мирном состоянии разорил и ныне разоряет".

Вместо того, чтобы непосредственно связаться с Турецким Султаном, послав своих уполномоченных из Черкаска, Булавин просит мало значащего Савелия Пахомовича быть передатчиком простого письма. И после этого он чего то выжидает, у него нет уже той энергии, какова была при начале восстания. Ведь обстановка была ясна, что Петр не откажется разгромить Донскую республику.

Правда, что на призыв Булавина Запорожцы не отозвались, чтобы при Екатерине быть почти что уничтоженными на две трети, а остаткам бежать на Дунай и впоследствии на Кубань.

Но это не значило, что нужно сидеть самому в Черкасках, только с сотней казаков и ждать, ждать без конца донесений от отрядов, которые он разослал по всему фронту.

Стратегическая обстановка была такова и она диктовала Булавину немедленно сосредоточить все силы в своих руках и взять штурмом крепость Азов, уже находящуюся в распоряжении московского воеводы Толстого и имея эту крепость в своих руках, как опору, действовать по обстоятельствам. Он же оставляет враждебную крепость в своем тылу, рассылая мелкие отряды на север. Правда корпус Атамана Игната Некрасова успешно разбивает царские войска по Волге. Достиг даже до Саратова по пути, которым шел когда то Степан Разин.

Но Петр, видя угрозу его левого фланга, лично отправляется к хану калмыков Аюку и просит у него помощи, предлагая ему, что будет отобрано у казаков Дона, а также у Кубанских жителей ногайцев, горцев, староверов разделить по полам. Аюк с радостью согласился, забыв торжественный договор, им же подписанный в 1666 году, от имени Калмыцкого народа и послом от народа Дона Степаном Разиным. Аюк выделил в распоряжение Петра 20.000 конницы.

А тем временем, за это продолжительное время, бригадир Шидловский, во главе "слободских казаков" 1 июля разбил отряд Атамана Драного и 1.500 Запорожцев в Бахмуте, и радостно сообщал царю: "конклюзию/разгром/учинил: Бахмут разорил и выжег".

И только тогда Булавин решил вопрос, что необходимо взять Азов. Но вместо того, чтобы войско повести лично, он посылает пехоту под командой Хохлача, а конницу повел казак Красильников. Походного Атамана для этого войска, чтобы его обединить не оказалось.

Штурм Азова не был предварительно обсужден этими двумя начальниками и начался без единодушного решения, вследствие чего атака была отбита. Толстой с гарнизоном даже выступил из крепости и отогнал войско спорщиков Хохлача и Красильникова.

А Булавин сидел в войсковом курене. Черкасские казаки, узнав о поражении под Азовом, избрали войсковым атаманом, не имея на то законного права, старшину Илью Зерщикова, действующего искусно на два фронта, и 11 июля осадили курень Булавина, уничтожив конвойную острию. И Булавин, видя свою гибель и сознав свою ошибку, не поняв во время стратегическую обстановку, застрелился на глазах своей дочери, прекрасной Галины, которая в тот момент, когда в разбитой тараном двери показался Зерщиков, то она выстрелила в него, но промахнулась. Тогда она крикнула: "за полность Дона и казачки умеют умирать!" и вонзила свой кинжал в чистое свое казачье сердце.

Века протекали, все к счастью стремилось, все в мире по несколько раз изменилось, но не изменилась Доля Казачек на Кресте! Алая кровь их неценная льется к Небу!

Корпус Некрасова, узнав о гибели Булавина, стал отходить с боями на Кубань, где он основал три станицы: Собелей, Кара Игнат и Контиге на Тамани, под покровительством Крымского хана. А затем, Некрасов с 26.000 казаков нашел убежище в Турции. Это возмолвало Петра Дикого и он вел переговоры с Турцией о выдаче Некрасовцев, и об, являя войну Турции в 1711 году, он ставил в вину султану политическое убежище Некрасовцев.

Но Судьбе было благоугодно встретиться знаменитому Атаману Некрасову

с Петром.

Особенно страдали от побегов крепостных помещики. От них неслись вопли не только требовать рабов с Дона, но и о том, чтобы не пускать казаков на "Св. Русь". Ничего им не продавать, а что принесут казаки брать и не отдавать. Помещики Московии подали коллективную жалобу: "бегает от нас люди и крестьяне с женами и детьми на Дон, на Хопер, на Медведицу беспорочно; многие села и деревни опустошили; дома, животы, лошадей и всякую рухлядь без нас, как мы бываем на службах, грабят, остальных людей и крестьян наших подговаривают жен и детей наших в избах и хоромах запаливать колодами, детей наших режут и побивают до смерти и в воду, ругаясь, сажают. Теперь мы от этого побегу разорены без остатка".

Царь внял просьбам помещиков и вместо того, чтобы улучшить жизнь крестьян, отправил на Дон князя В. Долгорукова, брата убитого казаками Булавина и дал ему письменное напутствие: "как казни дерзить". Ходить по тем городкам, которые пристаут к воровству и оные жечь без остатку, людей рубить, заводчиков на колеса и колья сажать, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанию к воровству, ибо сия сармь, кроме жесточи, не может унята быть. А когда пойдешь из Черкасского то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанский; по Бузулу, по Донцу, сверху по Лугани, по Медведице-все; по Айдару-все; по Деркулу-все; по Калитвам и другим задонным рекам-все; по Дону, до Паньлина городка-все".

Если к этому "все", к пожарам, растерзанной, до гла разграбленной половины Донской республики, прибавить 10.000 повешенных казаков и на плотках посланных в них по течению Дона, а бедных детисек сирот, бегущих по берегу с криком и плачем: "папаня, папаня!" - Преображенцы/московиты-"русские"/нанизывали на пьтки и сбрасывали в Дон, да прибавить еще один миллион десятин казачьей земли, отторгнутых к Екатеринославской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниям, то перед нами во весь рост выступает злобная фигура садиста сифилитика Петра I Дикого, значущагося в лживой русской истории, как "преобразователя России", с титулом "великого".

О действиях "христолюбивого" войска Петра I в союзе с калмыками, есть описание современного профессора Н. Палемова: "Очерк Калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России" / Астрахань, 1922 г., Краеведение СССР, Т. 1-1924 г. /.

Читаем: "Когда по указу Петра I, граф Апраксин повел свой войска на Кубань, Адж-хан Калмыцкого народа, поспешил присоединить к нему своих 20.000 воинов. Движение таких громадных сил навело панику на Кубанских татар и горских народов и они постепенно стали отходить в горы. Узнав о этом Апраксин дал калмыцким войскам "волю" идти на Кубанцев вперед, которые сколько их было по обеим берегам Кубани, найти могли, всех перерубить, а жен и детей в полон забрать. Сколько поживились калмыки, видно из донесений гр. Апраксина: в бою пало татар и горцев 11.640, в Кубани потоплено до 5.000, в плен взято мужчин 7.000, женщин и детей 21.400. Захвачено скота: верблюдов-2.000, лошадей 39.200, рогатого скота 190.000, овец-227.000."

Вся эта добыча перепла в руки "победителей", как дань за их верную службу России. Другую службу хан Адж сказал, когда мятежное движение, захватившее пирский район по Волге и Дону, грозило серьезными затруднениями русской окраинной власти, осажденный полчищами Донских казаков Булавина и Некрасова, город Саратов спасся от сожжения и разгрома благодаря своевременной помощи калмыков, и, наконец, когда в 1709 г. казаки Булавина перекинулись на Дон."

Доискиваясь, однако, цели какую преследовал хан Адж, помогая русским регулярным войскам расправляться с Донцами, следует иметь в виду, что кн. Хованский вынужден был отдать калмыкам не только все достояние "бунтовщиков", но даже жен и детей.

В 1705 г. деятельность калмыков ограничилась лишь грабежом Астраханских слобод, иными словами, что в обоих случаях калмыки искали возможность безнаказанно поживиться за счет Донских и Кубанских людей, а ограбив их,

получили еще сверх того и благодарность "за службу русскому царю".

Сам граф Апраксин утаил для себя богатейшую ризу, стоимостью в сто тысяч рублей, из ограбленного монастыря/Борцевского/.

Удивляться царям и их вельможам не приходится: это-их право на преступление узаконено с самого начала проклятой "Св. Руси".

Если в царствование Петра I Дикого методом государственного управления было: насилие над личностью, закрепощение крестьянства, использование духовенства в системе сыска и шпионажа, крутые полицейские меры, грабеж и массовые убийства Казачьего народа, за его республиканский строй, расширение границ империи, за счет поработенных народов, то естественно напирывается само собой сопоставление прошлого и настоящего, изменились ли методы управления Московии-России-СССР к лучшему-человеческому? Категорический ответ: НЕТ!

В жизни народа чисто этнически или состава из нескольких народов, превращенных в нацию, изолированных явлений, совершенно обособленных, не бывает, все ведет начало от прошлой жизни в своем историческом процессе в лучшую или в худшую сторону. В структуре современного русско-коммунистического государства СССР-ничего нового не произошло: все зиждется на старых дрожжах-рабства.

Научная теория Маркса с ее "равенством и братством" прошла мимо народа Московии/"русского"/. Также существует империализм для приобщения к владычеству Московии-России-СССР иных народов, в более обширном размере.

Коммунизм это-сущность духовной структуры Московии-СССР, принявший свой расцвет от Предтечи коммунизма царя Ивана IV Грозного, он через такового же коммуниста-безбожника на троне Петра I Дикого докатился, как снежный ком, до высшего осуществления рабства при Владимире Ленине-Ульянове.

Чем отличается империализм Ивана IV Грозного и Петра I Дикого от современных диктаторов?

Еще большим захватом Земель и народов, не только бывшей империи, но и Европы.

Чем отличаются казни и пожары, устраиваемые Петром I Диким на Казачьей Земле?

Они кажутся детской забавой перед страшными пожарами, грабежами, миллионными убийствами, совершенными тоже великим сифилитиком В. Лениным и зверем Иосифом Сталиным-Джугашвили с его помощниками-чекистами Кагановичем, Андреем Власовым и подобной им нечестью чекистов.

Петр I приказал, чтобы в челобитных подписывались полным именем/Иван, Петр/, а не полуименем/Иванка, Петрушка/ и чтобы не подписывались "холопами", а вместо этого употребляли бы слово "раб", и этим словом стали подписываться все, начиная с историков Татищева/сына/ и князя Щербатова. При русско-коммунистической власти не нужно этой подписи, ибо все там рабы.

Французский философ Вольтер, в своем "Философском словаре", по поводу слова "раб", писал: Г-н Перри-англичанин-говорит, что москвиты легко продаются и готовы носить всякое звание. Я-Вольтер хорошо знаю причину этого: это то, что их свобода ничего не стоит".

Флетчер-английский посол при Иване IV Грозном, писал о Московии:

"Образ правления у них очень похож на турецкий, которому они стараются подражать. Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгоде одного царя и сверх того самым явно-варварским образом и оба класса и дворяне и простые люди, в отношении к своему имуществу, суть ничто иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки.

Простой народ считается там не лучше рабов, которые должны повиноваться, а не издавать законы, и не имеют права ничего знать о делах общественных. Но унижение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиняться, имея еще некоторые средства, чтобы избежать их, или же от них освободиться. Это безнадежное сос-

только воей внутри государства заставляет народ большею частью желать вторжения какой либо внешней державы, которое одно только может его избавить от тяжелого ига такого тиранического правления. Это не правовое государство, причем, в сознании самого народа не было даже символа "независимости".

* * *

Петр I, объявляя войну Турции, всячески стал "ласковым" к казакам. Прислал удвоенное жалование и хлеб. При взятии Азова мешал сильный турецкий флот, снабжавший крепость всем необходимым.

Затея Петра построить флот у Воронежа, с треском провалилась, большие корабли не могли пройти в гирлах Дона. Тогда казаки-издревле опытные мореходы, на своем Донском флоте из будар, прорвались в Азовское море, численностью в 5.000 воинов с Атаманом Поздеевым во главе и в присутствии самого Петра и голландского адмирала Крюиса, разгромили турецкий флот и таким образом Азов был взят.

Эта победа окрылила Петра и он намерен был разгромить и Турок и продвинуть свою империю за Дунай.

Встреча турок и московитов произошла на р. Пруте. Сперва удача была на стороне Петра, турки стали отступать, возможно, что с заранее подготовленным тактическим маневром, но вслед за этим, когда Петр рванулся вперед, засадная казачья конница Атамана Некрасова, усиленная спагами, переправившись через Прут, на рассвете атаковала фланг и тыл Петра и была окружена. Сам Петр попал в плен.

В данном случае Атаману Некрасову сама судьба послала голову палача Петра I Дикого, но /глубоко у казаков/ чувство великодушия к поверженному в прах врагу, сдержало острую папку Атамана. Турецкий папа, войдя в старку Петра, где оставалась его жена Екатерина, поразило ее красотой и пал к ее ногам.

Опытная в делах свободной любви "императрица", бывшая любовница офицеров и Меншикова, еще около Нарвы так очаровала азиата Папу своим чувственным пылом, что он потеряв голову, всю ночь писал договор, по которому Петр должен был возвратить Азов, разрушались все крепости по Дону, должен быть уничтожен славный Казачий флот и урезывалась территория Дона вплоть до Черкаска, Ростовская и Таганрогская Земля отходила к Туркам. Расписавшись окончательно на "императрице", Папа освободил Петра, жалкого и опозоренного, мечтавшего о мировой славе, выше даже Александра Македонского, о котором он выразился: "Александр создал г. Дербент, а я его взял".

Турецкий султан, узнав об освобождении Петра I из плена, прислал папе шелковый пояс с приказом повеситься на нем.

О этом событии позорного похода Петра I на Прут, историки Московии почти что не говорят, ограничиваясь лишь выражением: "неудачный поход".

Если поход и был неудачным и позорным для Петра, то для "императрицы" он был удачным, что она своим прекрасным телом спасла не в меру зарвавшегося мужа игрока, которого историки и титуловали: "великий". К этому не присоединился лишь великий писатель, немецкого происхождения, Лев Толстой, презрительно назвавший Петра I в своем произведении "Божеское и человеческое", так: "На троне пьяный сифилитик".

Среди тревожной обстановки детства Петра, в нем выработалась замечательное умение притворяться, которому не раз удивлялись иностранцы, а вместе с тем и непобедимое недоверие в искренности его окружающих. За все время его жизни, у него было только два лица, к которым он относился с доверием, это- обер-палач Ромодоновский и "французский дебоп" Лефорт. Даже к таким старым слугам, как Меншиков и Апраксин, всецело не доверял, сказавши им: "что умри он, и они не прочь будут бросить завоеванные провинции и Петербург и оставить на произвол судьбы флот, который стоил ему много труда, крови и денег."

Особенно повлияла на него измена в дружбе с Монсом, в доме которого он и начал свою пьяную карьеру и от дочери коего он и получил высший

орден Сифилиса.

Его почти ежедневные попойки, по выражению дипломата Фокеродта, приводившие в такой ужас иностранных дипломатов и, не прекращавшиеся со времени первого въезда в Немецкую Слободу, до последнего месяца жизни, представлялись важным орудием государственной машины, как способ узнавать тайные мысли опьяневших собеседников. Привычка стралявить, при этом ближайших сотрудников, друг против друга, изобильно награждаящих плевками и пощечинами, когда они выводили на свежую воду взаимные грехи, казались могущественным средством "государственного контроля". И поклонники его из этой примитивности выводили суждение о Петре, как носителя сверхъестественной мудрости и называли его "земным богом" /Фокеродт/.

Датский посол Юль, однако, наталкивается на такие мелочи, которые никак нельзя уложить в систему государственной мудрости. Он видит, как царь по целым дням, запирается у себя в Преображенской избе, от всех государственных дел и точит на своем станке так усердно, как будто работает за деньги для своего пропитания или ловит его на бесконечных попойках, чтобы поговорить о важных делах, для которых не назначено никаких определенных дней, или находит его самолично сортирующего рекрутов кто годен, кто нет. Как будто у царя нет других дел, а в России дел гражданских, военных, церковных уйма и он ведаёт один без помощи других.

Более посвященный Фокеродт, чем Юль, знал, что об улучшении внутреннего государственного строя, Петр почти не заботился, лишь бы у флота и армии было довольно денег, леса, рекрут, матросов, провианта и аммуниция. А между тем, флот был никуда негоден:

- 1/ Во всем флоте не было человека, знакомого с фарватерами.
- 2/ Суда были построены из ели, непригодные для морского плавания.
- 3/ Управление карбасами было поручено крестьянам и солдатам, едва умевшим грести одним веслом.

Этот флот едва справился с погодой и кончил бы свою затею катастрофой, но шведский флот опоздал на два дня и высаженная пехота тем временем успела взять Выборг.

Ни русская современность, ни личный психический склад, ни условия воспитания, не любовь к книге, не могли создать у Петра I привычки государственно мыслить.

А поэтому, о какой либо социальной реформе и не могло быть и речи. Его примитивный ум направлен лишь на мечту о славе своей перед Западом, и все силы он направляет по этому руслу: военное искусство, потешные огни, пупечную стрельбу, кораблестроение, салюты и фейерверки. А что гибли миллионы людей в боях, от холода, голода и народная масса превратилась в ободранных нищих, это абсолютно не тревожило "реформатора и преобразователя России".

Желая доказать подданным необходимость войны в памфлете, написанном Шафировым, Петр упоминает, что в войне мы получили большие Славы, паче же безопаство; могу сказать, что никого так не боялся как нас, за что Господу сил да будет ныне слава!

И это говорит убежденный атеист-безбожник!!!

При этом нужно сказать, что никто на Россию тогда и не думал нападать.

Но стремление к "славе", к чемунибудь обязывало не только во внешней, но и во внутренней политике? Петр не раз говорил иностранцам: Корбу, Юлю, Фокеродту, что его миссия была и есть - превратить "скотов в людей". Но в своих обращениях к подданным он лицемерит и выражается мягче - превратить "детей во взрослых".

Не воспитанный сам, он уже просто потому не может быть воспитателем и педагогом своего народа, что не имеет представления ни о задачах, ни о приемах педагогики. Мы это видели на отношении первых петровских школ к учащимся. Своих детей Петр I трактовал как взрослых, и дело сводится совсем не к воспитанию, а к самообучению, к усвоению известных технических приемов. Но чего он, наверное, и не подозревал вовсе - это то, что настоящая культура, с ее условными и обязательными формами житейского общения,

с ее уважением к чужой личности, сделала бы его собственные приемы насаждения "своей" культуры совершенно неприемлемыми и невозможными.

Таким образом, в своих реформационных задачах, в самых даже крайностях и увлечениях европеизмом-Петр остался и во внешней политике человеком своего времени и примитивного общества. Он мог научить только тому, чему научился сам, а познал он очень немногое. Ввести можно было только внешность культуры/"Очерки русской культуры" историк Милеков/.

По этому поводу, дипломат Юль делает заметку: "хотя по внешности они и отесаны немного и одеты по французские платья, тем не менее внутри их сидит прежний мужик". Тот же Юль, чтобы показать наглядно чего не хватало этой новонасажденной культуре, рассказывает о пребывании еще не венчанной Екатерины в Турне в 1711 году.

"Я был пополудня в церкви и пел со остальной паствой, вдруг появилась супруга царя со свитой. Вне отделений для молящихся стояло много русских гвардейских офицеров: они говорили, кричали, пумели, точно в трактире. Когда священник, войдя на кафедру, начал говорить проповедь, женщины соскучившись вышли из отделений и стали обходить церковь, осматривая ее убранство и громко болтая... Так как проповедь продолжалась, то царица послала сказать пастору, чтобы он кончил проповедь. По окончании царица, услышавшая от кого то, будто в этой церкви похоронена Пресвятая Дева Мария, послала просить, чтобы останки/Божией Матери/ были выкопаны и переданы ей для перенесения в Россию".

Чтобы охватить реформу в ее целом, предварительно ее обдумать, распланировать и осуществлять в известной последовательности, для этого у Петра было слишком мало знаний, а главное-слишком неподходящая натура, она была непосредственна, которая не понимала более глубоких и тонких сторон европейской культуры. Задерживающие центры работают еще слишком слабо в этом мозговом аппарате и это повергает Петра в состояние внутреннего беспокойства. Известная болезнь Петра еще усиливает эту импульсивность, эту быстроту переходов от настроения к поступку и от настроения к настроению.

"В январе 1710 года, веселый и радостный он празднует в Москве триумфальным пествием Полтавскую победу. Вдруг, он оставил свое место в процессии и во весь опор проскакал мимо кареты канцлера." "Лицо его" продолжает Юль, было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо. Он делал страшные гримасы и движения головой, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями. Мы вышли из кареты и увидели, как царь, под, ехал к одному простому солдату, неспешу предское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом и осыпая ударами, быть может за то, что тот пел не так, как хотел царь. Затем царь остановил свою лопадь, но все время продолжал делать гримасы, вертел головой, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Никто не смел подойти к нему, так как видели, что царь сердит и чем то раздосадован".

Вот за такие то переходы от веселости, пьянки и кутежей до чрезвычайных жестокостей и надлежало бы наименовать Петра, оплошь и рядом невменяемого, не "великим", а "Диким".

У него было полное отсутствие интереса к государственным делам, а была большая склонность к разгулу, незнающего ни удержу, ни меры, доводящая пьяную кампанию до невероятных пределов цинизма, грубости и страшной жестокости, однако, в смысле обеспечения себя от попыток убийства со стороны, он оказался практичным, воспользовались умным и деловитым советом гетмана "Малороссии" Самойловича, который писал: "не надо держать в Москве много ратных людей, лучше разослать их по пограничным местностям для постройки крепостей, а в Москве держать один-два полка надежных людей, которых привлечь к себе милостями".

За эти советы, которым нельзя отказать ни в уме, ни в знании дела, Самойлович впоследствии был выслан в Соловки, а Петр обеспечив себя гвар-

дией Преображенского и Семеновского полков, делал, что забредет в его сплошь и рядом пьяную голову. Вот почему никакие надругательства Петра над тем, что только что считалось святым и неприкосновенным, не могло вызвать сколько нибудь сильного внутреннего сопротивления в окружающей среде.

Петр, как будто, нарочно переходил от одной циничной выдумки к другой, еще более циничной, еще более оскорбительной для чужого достоинства и совести, умышленно и систематически насилуял все вкусы, все убеждения и не испытывал даже удивления, как известный римский император Нерон или Калигула, что он все может.

Преображенский застенок наводил безумный страх, где "реформатор" развивал свое искусство сам и учил примером палачей, как нужно отрубать голову, чтоб она не осталась связанной какими либо сухожилиями с туловищем. Одним ударом так, чтобы она отскакивала и катилась как пар от эпафота. В особенности он возвеличил свою практику палача в казни взбунтовавшихся стрельцов, под начальством полк. Циклера и дворянина Сакорнина-брата боярине Морозовой.

Движение стрельцов было довольно сильное в защите крестьянских прав и веры христианской по старому обряду, над которой цинично глумился Петр I. Повидимому, разврат патриарха Никона-его крестного отца, и пожалуй и физического отца, дал ему "идею" издеваться над церковью. Так, он повел патриархом пьяного богослова-украинца Прокоповича, поручил ему "преобразовать" Московскую Церковь и создать "Священный Синод", который он и называл "Всеупутейный и Всепьянейший". Этот "Синод" являлся для Петра отрадным местом для его попойек и сквернословия по адресу православия вообще. Пьяная кампания издевалась над памятью Пресвятой Богородицы, признавая Ее случайной "Христородицей". Сам Петр появлялся в собрание Синода обычно с штофом водки, сделанным на подобие Евангелия. Патриарх благословлял паству молящихся трикирием со свечами, вкладываемыми в отверстия на подобие детородных членов мужчины и женщины. В конце концов патриарха обвенчали на уличной девке и "патриаршество" на варварской "Св. Руси" исчезло. Возродилось лишь в XIX веке, среди таких же, как Петр и Прокопович оголтелых русских коммунистов.

Духовенство при Петре I не имело у народа ни любви и никакого уважения абсолютно, а головы староверов, по раз уже принятой "традиции", установленной Никоном, при царе Алексее "типайшем", летели с плахи в изобилии.

Не меньшим удовольствием для Петра было и то, что находясь в Преображенском застенке, приказывал на вбитые колья насаживать отрубленные головы, сплошь и рядом жертв его самодержавия, и как только показывалась на колу новая голова, он поднимал большой бокал водки и с удовольствием выпивал, в знак ли своей победы или чтобы потопить мятущуюся совесть в крови и водке. Все эти дела "тайного" застенка были явны и описывая их историк Соловьев восклицает: "Какой же он царь!"

Казалось бы, если когда либо можно было ожидать, что старая вера делается знаменем широкого политического и социального протеста, то это именно в описываемое время. Не даром же иностранные резиденты при Петре, так напряженно ждали, что не сегодня-завтра, в России разразится что-нибудь такое, что положит конец всей этой адской кровавой стряпне. Не даром и в самой России, в кругах, сгруппировавшихся около царевича Алексея, из года в год возрастало нетерпеливое, нервное предчувствие развязки, казалось, что вот-вот потерпит царевич 2-3 года в монастыре или за границей, а там и можно будет кликнуть клич "от архиереев-священникам, от священников-прихожанам". Царевич за свою неясную мечту не то о смерти отца, не то о бунте-поплатился жизнью.

Религиозный протест, действительно, превратился в общенациональный, но социальным и политическим не сделался. Раскол действовал не активно, а пассивно, не наступательно, а оборонительно, а именно: самоубийство, само-

сожжение, мученичество за Веру, а не борьба за ее торжество. На Севере преследования вызывают эпидемию самосожжений, на Западной границе бегство в Польшу и Швецию, на Юге - на Дон. "Светлая Россия потемнела, а мрачный Дон россиял и преподобными отцами наполнился" / "Очерк русской культуры", стр. 174, историк Милков /.

На это нужно сказать, что никогда "Светлой" Россия не была, а Великий Дон всегда духовно был светел, а относительно "преподобных отцов", то они явились лишь лишними нахлебниками и никакой пользы для защиты независимости Дона, в эпоху Атамана К. Булавина, не сделали, а еще более ухудшили своей неспособностью к социальному протесту. Все самосознание было пронизано рабством. Можно ли было назвать народ Московии обществом с ее "общественным мнением"? Например, тзредка появлялось в Европе "русское" посольство. Они были озабочены лишь тем, как бы не сделать лишнего пага, который умалил бы честь государя и подвел бы их под служебное взыскание. Они не прочь были иной раз попользоваться непривычной свободой жизни, но то, как они понимали эту свободу, вызвало отвращение в невольных свидетелях их разгула. Это было, в глазах европейских наблюдателей, даже не варварство, а просто "скотство" и "свинство".

От настоящей культуры картин природы, памятников искусства отделяла их "Китайская стена", созданная их умственной и нравственной грубостью. Помещения, где они останавливались, приходилось проветривать и чистить чуть ли не целую неделю.

Датский посол Юль говорит: "на русских надо плить: лестью, водкой, взятками и страхом; все же другие средства, вроде справедливости, права на них не действуют".

Берхгольц рассказывает: "нам, иностранным резидентам, вселялся страх и ужас посещать увеселения царя по торжественным случаям, когда человек песть гвардейцев вносили на носилках большие ведра с самой прочтой сивухой, запах которой слышен был за сто пагов. За гренадерами шли майоры гвардии, которые приглашали всех, без исключения, пить из большого копа за здоровье их "полковника" - царя. Отказаться было невозможно, т.к. царь приказывает подавать это "вино" из любви к гвардии, и сам царь говорил, что среди гвардейцев нет ни одного, которому он не поручил бы свою жизнь".

На пирах, от многих опьяненных, Петр выведывал тайны против него и тогда он в особой комнате своего дворца, сажал около себя генерала-фискала Мякинина и на вопрос последнего "отсекать ли ветви, или рубить самый корень", отвечал: "искореняй все", и перед дворцом показывались на колья головы, вид которых доставлял царю неизъяснимое удовлетворение и бокал водки он пил при этом, как самый лучший нектар.

Фокердот-немец говорил: "горьким опытом мы убеждаемся, что такие слова, как: честь, достоинство, общественное мнение, долг для русских пустые звуки, они омертвев над тем, кто готов добиваться идейных благ ценой "реального ущерба" и поэтому они не признают никаких обязательств, раз последние вопреки их интересам. Никакими убеждениями нельзя их заставить поверить, что чужое мнение может определить их поступки, и что хорошая репутация нужна даже с точки зрения личной выгоды. Они действуют, как купец, который фальсифицирует товар, не думая, что за то у него никто не купит."

Эти наблюдения подтверждали и Француз Корб и Юль, а всем этим послам Петр I неоднократно заявлял, что миссия его есть - превратить "скотов в людей". Такое же определение своим подданным давал и царь Иван IV Грозный.

Но чего Петр, наверное, и не подозревал, что настоящая культура с ее условными и обязательными формами житейского общества, с ее уважением к чужой личности и морали, совсем неподходяща к его "реформам" бепабапного пьянства, рубки голов, издевательства над Верой, жестоких насилий и обратного рабства.

И Корб говорит: "хотя по внешности они и отесаны немного и одеты во французское платье, тем не менее внутри их сидит прежний мужик".

Изменилось ли лицо Московии/России-СССР/по сей день? Новые дворяне

одеты еще прекраснее французов с разноцветными галстуками на пелка, прическе их даже позавидуют французы, но внутренний мир пропорционально своим цинизмом, садизмом достиг совершенства, и Дух Петра I теперь спокоен за "работу" своих преемников.

Князь Куракин-современник Петра, в одно слово с жертвами Преображенского застенка, утверждает: "что с первых годов петровского царствования началось неправое правление от судей и мздоимство великое и кража государственная и доныне продолжается/1727 г./с умножением, и вывести сию язву трудно".

Так как карьера возводимых чинов обычно кончалась опалой, то каждый и старался красть про черный день!

Касаясь вопроса о военном деле, то тут Петр оказался полнейшим профаном и остался учеником самым непонятливым до конца своей страшной жизни.

Не говоря уже о Нарвском поражении, сам Петр говорил, что это было "младенческое игнание". Но когда та же ошибка, по вине лично Петра, повторилась на Пруте позором и, когда уже в предпоследний год жизни, совершил он бесплодный поход на Дербент, то всякий скажет: какой же это стратег?

А увлечение флотом? В Воронеже весь погнил. В Таганроге уничтожен. На Неве нельзя было пройти по фарватеру. Стали строить в Кронштадте, могут выйти корабли только при восточном ветре, половина года лед.

Перенесли верфи в Рогерик, близ Ревеля. Все леса Лифляндии и Эстляндии вырублены для ящиков, которые нагружали камнями для помостов морского дна. Буря при Петре и Екатерине разнесла эту затею.

А флот так и не мог ни разу продемонстрировать, а лишь маленькие галеры, свободно пробирались между шхерда. А миллионы орудий и людей гибли бессмысленно.

А Петербург на болотах? Построил ряд зданий на Петербургской стороне. Приказ-разваливай! Строит на Васильевском-низменном, прорыты каналы, чтобы показать Западу, что у нас-Венеция, но эта жалкая "Венеция" замерзла! Строит в Кронштадте. Построили дома, но никто в них не жил и они развалились... Опять в Петербург... и он повстал на миллионных костях.

Умный Фокеродт говорит: "За все труды и расходы" Россия обогатится лишь иностранной остротой: "в других странах время создает руины, а русские строят их нарочно. Ничего не было бы легче построить самый красивый город в Европе, если бы следовать архитектуре и разработанному плану, но дело было поставлено Петром так, как он делал вообще не с начала, а с конца".

Восстание стрельцов было стихийно и плохо организовано, как протест социальный. Петр не понимал его внутренний смысл и видел в нем лишь династическую интригу. Он не хочет знать, что весь народ его зовет "антихристом", что стрельцы уже мало интересуются царевной Софией, а готовят престол его законному сыну, конец его самодурству, страшным жестокостям и рабству. И все то бешенство, на которое он только способен, поднимается разом со дна его безумной дупи. Начинается страшная бойня.

Царевич Алексей был тем идейным центром, в котором соединялась народная оппозиция с аристократической.

"Мне только здорова была бы чернь. Я старых всех переvedу и выберу себе новых по своей воле; буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; кораблей держать не буду, войско только для обороны, а войны иметь ни с кем не хочу, буду довольствоваться старыми владениями. Наше государство так велико, что расширять его нет надобности, нужно его только заселить погуще, на нас никто не нападает, да и положение России таково, что чужеземное вторжение ей не страшно. Для обороны достаточно старой военной организации, а миллионы людей, которых стоили войны и постройка Петербурга, умнее было бы оставить дома за сохой, где недостаток их слишком тяжело чувствуется".

Программа царевича Алексея простая, ясная для каждого и вместе с тем

жизненная для нечесанной "Руси"-Московии. Вместе с этим она ярко рисует и светлый лик умного царевича.

Но горе в том было, что в числе своих друзей прекрасный юноша считал таких негодяев, как князь Василий Долгоруков, известный своей кровавой экспедицией на Дону и князь Яков Долгоруков, к которым царевич перед своим бегством за границу, говорил: "пожалуйста меня не оставьте!" и получил заверение: "всегда рады!"

И, действительно, не оставили и радостно подписали смертный приговор царевичу, совместно со "Всецарнейшим Синодом" и Преображенской канцелярией "как врагу трона и народа".

Обманным образом негодяи Преображенской канцелярии и "Всецарнейшего Синода", возвратили царевича в Петербург из заграницы, якобы к умирающему отцу, засадили его в крепость и устроили гнусный "народный" суд. Обвинителем был сам пьяный Петр I. Он вызвался быть и палачом своего родного сына, но не по "казенному" традиционному ритуалу отрубить голову или посадить на кол, а по более звериной обращенному. Царевича, сняв с него царскую одежду, положили связанного голым на голый каменный пол и настала страшная картина. Громадная фигура со страшной плетью с свинцовым наконечником, появляется в руках венценосного палача, рабаки врученная князем Яковом Долгоруковым.

Петр I, как зверь, тихо подходит к жертве: "Вот, тебе, изменник государству!" Со страшным свистом, разрезая воздух, удар плети разрывает грудь. Поток алой крови течет по телу и, вдруг, мученик громким голосом восклицает: "ты пролил царскую кровь, будь же ты трижды проклят, потомство твое исчезнет на веки." Охваченный яростью и бешенством Петр с налившимися кровью глазами, каким то звериным рычанием начинает наносить страшные удары. Куски мяса разлетаются в стороны, кости ребер лопаются, внутренности вываливаются...

И в таком ужасном зверином виде Петр I торжественно и обожествленно воспринят современными русскими коммунистами, как и всеми русскими, как истинный и достойный почитания Правитель рабского государства.

Покончивши по зверски с сыном, Петр I Дикий приказывает изуродованные останки прекрасного царевича выбросить на свалку в неизвестном месте, чтобы к могиле мученика не могли приходить тайные почитатели.

Но гнев и ярость, однако, не остывают в скалянной душе этого сифилитика. Он ищет новую жертву. Ему доносят фискалы, что запертая им под репетку царица Евдокия-мать мученика Алексея, сказала на исповеди про Петра: "Это не мой царь, мой-Выше" и что исповедывал ее, вопреки распоряжению, епископ Досифей. Жертва наплась и появился и новый мученик.

Епископа Досифея отдали под суд "Всецарнейшему Синоду", который спросил Досифея: "правду ли говорила царица против Петра?" Он ответил: "Послушайте Вы, как говорит про царя народ, и тогда Вы не будете обвинять царицу-мученицу!"

За эту "дерзость", Петр Дикий приказал епископа бросить на колеса и сам любовался и слушал как дивную музыку, когда кости мученика с треском лопались на колесах. А царица Евдокия, внезапно "скончалась"... Молва гласила: Задушили!

В истории Московии был единственный свет на протяжении многих веков, когда слишком мимолетный блеск поэтической молнии на одно мгновение вырвался в лице царевича Алексея и осветил красивую божественную линию попытки борьбы за свободу личности, но тем безнадежнее сейчас же наступила привычная тьма рабства. И чуть, чуть, как дыхание умирающего на мгновение, как бы остановило страшный поток, а затем он с ревом начал продолжать исторический и по своему "нормальный" процесс превращения людей в зверей, с их насилиями, пожарами, предательством и миллионами безвинных жертв.

Апостолом Зла, после царя Ивана IV Грозного, был царь Петр I Дикий!

ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР ДОНСКОЙ КАЗАК
ЕМЕЛЬЯН ИВАНОВИЧ ПУГАЧЕВ.

Прошло почти два века с той трагической поры, когда на широких пространствах, окаймляющих полноводные реки Урала и Волги с их притоками, разыгрались страшные бури народного движения, под водительством Донского казака Емельяна Ивановича Пугачева.

Имя этого вождя народных масс, не забыто народами, несмотря на то, что "русская" история всячески старается предать его забвению и даже очернить лик борца за волю поработенных Москвой народов.

И это понятно: для общественности Московии монархического толка, Пугачев даже мертвый страшен, как злобный призрак крушения трона, а передовая прогрессивная интеллигенция умалчивает о этой интересной исторической личности, не желая потерять своего кредо "политических двигателей" под, ярменого народа, якобы только этой интеллигенции удалось распатать трон дворян и помещиков. Но распатать, эти жалкие "передовики", оказались настолько дряблыми и бесхребетными, что моментально разбежались от крика пьяного матроса в Учредительном Собрании.

И мы констатируем, что на протяжении веков общественность Московии, не в силах была выдвинуть из своей среды, хотя бы одного, яркого общепризнанного народного героя, типа С. Разина, К. Булавина, И. Некрасова, героев Азова, Атаманов: Катаржного, Старого, Татарина, Васильева и наконец Е. Пугачева.

Также нужно признать, как аксиому, что интеллигенция Московии, так много постаравшаяся излить чувства зависти и даже злобы, в своей бессилии, по отношению к свободному Казачьему народу, без помощи казаков-носителей вековой Свободы, оказалась полнейшим политическим банкротом, и все ее жалкие потуги не привели к Свободе, а лишь к общему Равенству... рабов!

И как бы не хотелось этой петушиной интеллигенции затупевать, даже загрызнить, но имя "Казак" было и есть обаятельно во всеобщей Истории, и былую духовную красоту Казачьего народа не удастся чернильным дупам вычеркнуть славу Его.

Жизнь и действия Е. Пугачева очень поучительны, как пример, как нужно проводить в жизнь идею национального освобождения от гнета, не только диктаторов, но и от гниющего болота устаревших социальных форм бытия.

Действия Е. Пугачева правдиво описаны великим африканским поэтом А. С. Пушкиным, который будучи сам ярким борцом за Волю народов, пламенея своей арабской кровью, тонко понимал великие взмахи революционности Степана Разина и Емельяна Пугачева. Они для него не разбойники и не бунтари, а его духовные сподвижники и истинные народные герои. В своей "Истории Пугачевского бунта", он не мог излить того духовного восхищения перед образами этих героев-душила царская цензура, но все же поэт бросил в лицо "русскому обществу" знаменательную цитату: "Степан Разин-единственная поэтическая личность во всей русской истории". А его роман: "Капитанская дочка"- есть полное оправдание великой идеи свободы Емельяна Пугачева.

Как С. Разин, так и Е. Пугачев знали одну лишь мысль и власть, одну, но пламенную страсть, это страсть была Свобода! Они боролись в тяжелых условиях работа за Свободу, как за величайший Идеал. Когда этот идеал не помещается в человеческой душе, то носителя этого идеала можно назвать Человеком!

Е. И. Пугачев родился в станице Зимовейской/впоследствии переименованной Екатериной II" в честь" ее любовника в Потемкинскую/. Участвовал он во всех войнах так называемой "Семилетняя война", которая велась императрицей Елисаветой Петровной против немцев Фридриха Великого, а затем участвовал в войнах против Турции. За проявленную храбрость был произведен в офицеры-хорунжим.

В 1769 году он по болезни был отпущен на Дон. Порядки на родной Земле его возмутили. Войсковая старшина правила по диктаторски. Лучшие земель-

ные участки были захвачены этой старшиной. Народоправство считалось только на бумаге. Жалобы казаков оставались без последствий. Пугачев вступил в борьбу против всемогущей старшины, которая заселяла бегущими крестьянами из Украины земли и богатела.

О "бунтаре" Пугачеве старшина донесла войсковому атаману, с просьбой арестовать его и отослать вновь на фронт. И тогда Пугачев решил бежать. И дух его мятежный как бы пелтал напутствие: изгнанием из страны родной хвалясь повсюду, как Свободой!"

Е.И. Пугачев появился среди Яицких казаков. Зародилось Яицкое Войско от Дона. Казаки из Каспийского моря поднялись вверх по р. Яику/Уралу/и образовали Яицкий городок. Мирно жили с татарами и башкирами, женились на татарках. Собираясь в поход, оставляли жен и детей. Нарушил эту "традицию" Атаман Гугня, ему жаль стало красавицы жены. И впоследствии Уральцы шли за здоровьем Атаманыши Гугнихи.

При воцарении царя Михаила, Яицкие казаки получили грамоту "набираться на житье вольными людьми".

При Атамане Нечай, Яицкие казаки пытались завоевать Хиву, но постигла неудача. Жизнь восстановилась семейная и гражданская на основах народоправства. Измена, трусость, воровство жестоко преследовались. Обычный приговор: "в куль, да в воду!"

Жизнь казаков постепенно ухудшалась: богатейшая старшина теснила бедноту. В 1762 году произошли раздоры между Атаманом Меркуловым и Войсковым Старшиной Логвиновым-вожаком народной партии, которая притеснялась в правах рыбной ловли.

Петербургские резиденты ген. Потапов и Черепов прибегли к силе оружия и ужасам казней. Казаки возмутились: сожгли свой город и двинулись в Киргизские степи, но были жестоко усмирены полк. Захаровым. Петр I назначил атаманом Петра Тамбовцева. В правление Екатерины II казаки тайно посылали депутацию, но она была схвачена графом Чернышевым и расстреляна, и было решено военной коллегией составить из казаков гусарские эскадроны и повелеть брить бороды.

В 1771 году мятеж обнаружился во всей своей силе.

Калмыки, между Волгой и Яиком, верно служили царю, но царские пристава, пользуясь их простотой, угнетали их. Жалобы этого народа не доходили до высшего начальства, а если и доходили, то вместо облегчения, усиливался террор. И вот, 30.000 кибиток калмыков двинулись к прежнему отечеству Китаю. Приказано было казакам догнать калмыков, но казаки категорически отказались исполнить приказ.

- 13 января 1771 года, казаки собрались на площади, взяли из церкви иконы и под предводительством казака Кирпичникова, двинулись к дому гвардии капитана Дурново, находящегося там по делам следственной комиссии, с требованием выдачи жалованья, отмены нарушения прав рыбной ловли, прекращения казней.

А в это время, ген. Траубенберг пошел с войском и пушками на встречу казакам, которые пылая презрением и злобой на своих петербургских кровососов, бросились стихийной волной на пушки. Разгромили регулярное войско, ген. Траубенберг был убит, а Дурново был ранен, атаман Тамбовцев-доброхот царей был торжественно повешен.

Из Москвы был послан ген. Фрейман с войском и артиллерией. 3-4 июня произошло сражение. Казаки, не имея артиллерии, были разбиты и, переправившись через р. Чаган, стали отступать к Каспийскому морю. В тюрьмах не хватало мест. Прежнее казачье самоуправление было уничтожено. 140 "мятежников" расстреляно, остальных отдали в солдаты. Казачье население приведено к присяге. Восстановился временно наружный порядок, но спокойствия не было.

"Тоже еще будет", говорили казаки, "трехнем Москвой". Не доставало лишь Вождя, и он, вдруг, появился.

- Исследуя "Историю Пугачевского бунта", великого поэта бывшей империи, но не чисто "русского" гражданина рабской России, от которой он психически открепивался, мы как бы интуитивно чувствуем, что он быть может не доста-

точно осветил многострунную натуру Вождя, как будто пламенный поэт испытывал горчайшую муку невыразимости, которой он временами мучился. Не потому, что он не имел, как будто, достаточной эрудиции в четкой и художественной обрисовке своего героя Пугачева.

Нет, он был, как бы, в тенетах пошлой грубой, невежественной атмосферы, не только недалекой критики, за исключением Белинского, но главным образом, крепостнической цензуры. И тем не менее, полагаю, что в той, далекой теперь, туманности чарующего образа борца за общечеловеческую Свободу и питалось больше всего вдохновение поэта.

Реальная страсть, которая выливалась полно в битвах и сражениях гениального вождя народных масс, хотя и показана в полноте, но духовные эмоции затронуты слабо/опять цензура/и эти то маленькие колокольчики и их тихий звук и проникают в душу читателя, без них история только битвы, представляла бы только полицейский протокол событий.

Для пытливого ума, сухая история о лицах больших и малых, о их узких интересах, о власти или подчинении, о жестокостях стремящихся к власти, о кровавых боях, не дает душе пищу для глубоких исканий. Таковая история не только скучна и лицепна хотя бы единой гаммой вдохновения, что порой, читая ее тощие и бледные строки, хочется дремать. Если бы история касалась глубин народной толпы, если бы она освещала душу народа, его страдания, стремления, надежды, его "верую" и его божественный глагол, а не жалких, а иногда поплых правителей, этих подколотых змей с их войнами и интригами, то таковая история была бы глубоко научной и жизненно необходимой.

Из древней истории, с оттенком некоторой мифологии, еще можно делать некоторые выводы; из новой истории не можно вывести какой либо нравственный анализ: народы воевали, будем же и мы-жалкие потомки убивать и дупить друг друга...

И как будто "Альфа и Омега" истории и отражает только начало и конец легенды о том, что Каин убил Авеля и в кровавый след Каина пошло жалкое человечество.

А.С. Пушкин, мастерски обходя цензурные рогатки, с, умел, однако, показать глубины народных страданий, вблизи своего героя, воплотившего собой идеал народных упований, и перед нашими глазами Пугачев твердыми шагами с огненным сердцем, проходит как живой. При первой же встрече с Яицким казаком Пьяновым, Пугачев услышал: "Войску живется худо: мы разорены от старшин и доевод, и все наши привилегии нарушены".

Находясь еще на Таловом умете 16 сентября 1773 года, он объявлял казакам: "Я вам даю свое обещание жаловать вам войско, как Донское по 12 рублей жалованья и по 12 четвертей хлеба; жалую вас рекою Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями, землей и угодьями, санными покосами безданно, безпошлинно; распространю соль на все четыре стороны, вези, кто куда хочет, и буду вас жаловать свинцом и порохом. Знаю, что вы все обижены, лишили вас привилегиями и истребляют вашу вольность. Я вас не оставлю, а вы мне за то послужите верно и Правдой".

5 октября Пугачев расположил свое трехтысячное войско на "Казачьих Лугах", в пяти верстах от г. Оренбурга, поставив свои батареи на паперти Загородной церкви. Штаб расположился в Загородном губернаторском доме.

Чтобы вызвать какие-либо противодействия со стороны укрепленного города с его трехтысячным гарнизоном и семидестью орудиями, решено было предместье ожечь. Когда оно запылало, то из ворот выступило полторы тысячи гарнизона с майором Наумовым, с целью разогнать поджигателей, но артиллерией Пугачева этот отряд был сбит и отогнан к городу.

В самом Оренбурге настроение было пессимистическое: мнение военного совета, по главе с губернатором Рейндорпом почти было единогласным-пассивная оборона. И только один статский советник Мильков настаивал о необходимости: "идти против бунтовщиков, пока они еще не усилились".

8 октября Пугачев реквизирует Монетный двор, в трех верстах от Оренбурга, это был как бы сигнал перейти укреплению к активной обороне. 12 октября майор Наумов вывел свое войско. Сражение зарязалось между пехот-

ными частями с обеих сторон, и когда пехота опытного Пугачева, по заранее обдуманному плану, стала отходить, то конница Пугачева, в двух колоннах охватила фланги Наумова и взяла пехоту в пашки, при поддержке артиллерии, которая оказалась более превосходной и умелой, чем у Наумова, который, видя возможность полного поражения, построил пехоту в карре и, захватывая раненых, спешно отступил в город, оставив на поле боя 270 человек убитых.

Пугачев не намерен был взять Оренбург приступом, за отсутствием достаточных сил. "Не стану тратить людей, а выморю город мором", говорил он казакам, посылая "возмутительные" письма жителям.

Жители города начали голодать, и офицерские жены и дочери кричали со стен: "господа казаки! Пора вам одуматься!" И, наконец, чтобы уменьшить рты голодающих, всех женщин вывели за город и направили к Пугачеву.

В это время осадой заведывал первый по чину, казак Белобородов. Он выслушал женскую делегацию и, не причиняя ей никаких обид, сказал: "возвращайтесь обратно и приведите своих мужей, и я вас тогда приму и прикажу кормить вас".

Пугачев, выслушав доклад Белобородова, возмущенно произнес: "Какой же подлый трус этот Рейндорт, вместо того, чтобы во главе своего войска выступить и дать мне честный и открытый бой, он гнусно спрятался за бедных женщин, чтобы спасти свою негодную шкуру!"

С 14 октября наступили морозы. Военные операции с двух сторон почти прекратились. Действовали лишь отдельные отряды в окрестностях Оренбурга. К Пугачеву прибывали пополнения в огромных размерах. Насчитывалось до 25.000 добровольцев, но вся эта масса была почти безоружна, плохо одета, не подготовлена для боевых операций против регулярных войск. Наступал момент быстрой организации армии. Пугачев созвал военный совет, в котором приняли участие, главным образом, казаки, а затем бакирцы, черемисы, калмыки и крестьяне.

Пушкин, характеризуя Пугачева, писал, что он не был самовластен, а придерживался казачьего народоправства, образывая "майдан". На этом майдане был избран Походным Атаманом Белобородов, казак грамотный, обладающий большой силой воли, военно-подготовленный, прошедший много лет в российской армии, в артиллерии. Кадровый офицер Сотник-оренбуржец Падуров был назначен Начальником Штаба. В распоряжении Штаба были опытные казаки: Зарубин, Перфильев-гвардейский офицер, Овчинников-артиллерист, Шигаев, Лысов, Чумаков, Хлопуша, последний был назначен инспектором артиллерии, и с этой ролью он справился прекрасно, заняв с отрядом Уральские заводы, где отливали пушки и ядра, плавил спинец и производили порох.

Из числа птабных, Пугачев рассылал послов к Киргиз-Кайсацкому хану, к бакирам, калмыкам и другим народностям: татарам, черемисам, мордве. Были созданы курсы пропагандистов, под общим руководством Падурова и Перфильева.

Все войско Походный Атаман, произведенный в полковники, разделил на полки пятисотенного состава, ввел воинскую дисциплину, жестоко карая дезертиров.

С этой силой Пугачев взял бы Оренбург, что, как будто, и требовала тактика. Но вопреки ей, восставала стратегия с чисто политической и экономической точек зрения. Со всех огромных пространств Приуралья неслись мольбы поработенного дворянством народа-освободить его. Также содержать 25.000-ю армию не было возможности в одном месте, а подвоз с других губерний затруднялся плохими дорогами, заваленными снегом, да они и не были свободны, т.к. с Запада шли войска от Москвы и Казани.

Вот почему Пугачев посылая по разным направлениям сильные отряды для поднятия духа поработенных, для продовольствия за счет дворянских имений, для обмундирования, снаряжения, вооружения ружьями, пашками.

Пугачев завел мастерские для починок обуви, одежды, для производства веревок, которые требовались для ожерелья дворян, сооружены были кузницы и порная.

А тем временем, от Казани двинулось войско ген. Керна, с задачей отрезать Уральские заводы, снабжавшие Пугачева орудиями. На встречу Керну выступил сам инспектор артиллерии полк. Хлопуша с башкирцами. Произошел бой и, конечно, Хлопуша не устоял бы, несмотря на его отчаянную храбрость, против регулярного войска, но Пугачев, узнав от своих разведов об опасной обстановке для храброго Хлопуши, напал на Керна с тыла и войско почти поголовно было уничтожено.

По другому направлению, на помощь Оренбургу, шел отряд в 6.000 ген. Чернышева. Против него повел войско сам Начальник Штаба Падуров. Он выслал два оборванных передетых казака на встречу Чернышеву, с предложением пройти прямой дорогой в Оренбург. Эти проводники, ругая на чем свет стоит Пугачева, исполнили прекрасно роль "проводников, заведя в балку, где Падуров окружил отряд. Часть его была перебита, а часть одалась. Генерал был повешен. На предложение 38 офицерам служить во имя народа, они отказались и также поднялись в высь на веревках.

Главный штаб перешел в село Берда. По ближайшим направлениям все дворяне, в своих богатых поместьях, были перевешаны. Однако, Пугачевым строго было запрещено что-либо брать у крестьян.

Не лишено большого интереса качества военного искусства Пугачева использовать все то, что способствовало бы успеху. На случай внезапного нападения регулярных войск на незащищенную Берду, не имеющую укреплений, Пугачев приказал собирать снег, складывать его стеной, поливать его водой и в течении одной недели вся Берда была обнесена такой толстой стеной льда, что ее не могли пробить ни пули, ни ядра, а влезть на них скользко.

14 ноября из Оренбурга была произведена сильная вылазка против Берды, но войско гарнизона, потерпев жестокое поражение, бежало обратно. А из-за Волги неслись вопли и просьбы от крестьянского люда. Для поднятия духа, Пугачев послал два самых сильных отряда, под командой опытных военачальников Белобородова и Хлопуши, которые быстро передвигаясь, громили крепости, освобождали села, деревни между губерниями Уфимской и Казанской. Дворянство в панике бежало с востока. Бежало также духовенство, поборники новой веры. Губернии: Казанская, Нижегородская, Астраханская были полны мятежниками, под влиянием пропагандистов штаба Пугачева. Киргизы стали производить набеги на "русские" села, закубанские народы перелились, возбуждаемые Турцией. Глубокие снега покрыли дороги, заводы были разграблены и выжжены крестьянами.

Положение Российской империи было ужасное. Не было достойного полководца для усмирения восстания, а отозвать Суворова, ведущего войну с Турцией, означало бы совершенно потерять свой престиж военный и политический в глазах западных держав. Чтобы предотвратить выступление Польши "императрица" вынуждена была ублаживать своим телом Польского короля, влюбленного в нее. Екатерина II даже готова была сама стать во главе войска против "безграмотного" казака Пугачева.

Винавник этого ужасного всеобщего смятения, привлекал к себе общее внимание не только европейской России, но и всего Запада. Повелитель демократических умов Запада, великий француз Вольтер писал, что движение Пугачева не бунт, а истинное народное движение для уничтожения крепостного права.

Екатерина, с чувством раздражения, отвечала Вольтеру, что газеты Запада вводят его в заблуждение, что она согласна с идеей Вольтера и постарается применить ее в России.

Ясно, что это было самым лицемерным обманом философа.

Екатерина выпустила "манифест", что Пугачев вор и разбойник. За поимку его обещала 10.000 рублей золотом, дешево ценила царица голову знаменитого революционера.

Она трепетала от одной мысли, как бы казаки и народы Востока, в составе армии Пугачева, не вошли в сношения с Доном, где еще были светлые воспоминания о славном удаале Атамане Степане Тимофеевиче Разине, о котором казаки пели: "по над Доном, по над Тихим, думу думает Иван: где ты Стень-

ка, где ты Разин, где наш славный Атаман?"

И мы, среди записей А.С.Пушкина, как духовный отзвук тоски казака Ивана о свободе, находим строфу: "так буйную вольность законы теснят, так вольное племя под властью тоскует..."

Чтобы пресечь возможность сношений Пугачева, через своих посланцев, с Доном, были приняты меры: пожизненного Атамана Дона Степана Ефремова, слишком уж самоуверенного и вызывающего своими независимыми действиями, по отношению к центральному правительству и к самой Екатерине, отозвать в Петербург, а вместо него назначить подхалима Екатерины Семена Сулина. Также было повелено жене Пугачева-Софии с мальчиком и двумя девочками, "оказывая ей мягкосердечие" отправить в Казань для уличения Пугачева-самозванца. А перед этим жена Пугачева, очутившись в бедственном положении, продала свой дом и он был перевезен в другую станицу. Так было повелено "свыше", этот дом перевезти обратно на прежнее место и поставить его как он был прежде, и в присутствии сонма духовенства, состоящего из русских священников, а таковые были почти поголовно тайными агентами полиции, жителей станицы, и от Донского правительства старшины Туроверова, этот дом сжечь, место "как проклятое" предать анафеме на вечное запустение. Палачи сожгли дом, пепел развеяли по ветру.

Нужно сказать, что в те времена, полные пороков и насилий господствующего класса, которому охотно пло на помощь духовенство, воплощая в народную массу дух "смирения", провозглашение анафемы и проклятие, священником, якобы имеющим благодать Господа Бога, сильно воздействовала на самосознание не только рабов Московии, но даже на вольных казаков.

Войсковое начальство, в холопском усердии, хотело даже всю станицу перевести на другое урочище, подальше от "проклятого места", но Екатерина не согласилась "на столь убыточное доказательство усердия", как она писала Сулина и только переименовала станицу Зимовийскую-родину Пугачева, назвав ее "Потемкинской", в честь своего любовника князя Потемкина.

А.Пушкин с гордостью отмечал высокий интеллектуальный уровень Пугачева, но в условиях цензуры самого Николая I, он эти качества приурочивал "к русскому человеку", так: "взгляните на крестьянина, есть ли в нем тень рабского унижения в его поступи и речи /!/. О смелости /!/. и смелости и говорить нечего, проворство и ловкость удивительные". А в романе "Капитанская дочка" Пушкин уже смело говорит, что Пугачев являл собой "воплощение неиссякаемой творческой энергии и высоких интеллектуальных качеств: ясный ум, свободолюбие, великодушие и справедливость к рассказывшимся, бесстрашие, находчивость и пириота натуры".

Захваченный Пугачевым в Белогородской крепости офицер Гринев, так описывает Пугачева: "сметливость Пугачева и тонкость чутья поразительные; наружность его показалась мне замечательной: он был лет сорока, росту среднего, худощав, широкоплеч, но в талии узок, в черной бороде клином показывалась просесть, живые большие глаза так и бегали, лицо было чисто, слегка омуглое, имело выражение довольно приятное. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением насмешливости. Наконец, он засмеялся, и с такой непритворной веселостью, что и я, глядя на него, стал смеяться сам не зная чему".

Если Пугачев располагал к себе классового врага, приятно воздействуя на его психику, то как он обаятельно влиял на униженных, бичуемых, ограбляемых помещиками, а диким начальством на казаков, бакиров, киргизов, чувашей, калмыков, мордву, а также крестьян Московии.

Все действия Пугачева одухотворены его волей к победе и высоким сознанием правоты его исторической миссии. Он уверенно ждал своего часа!!!

Ген. Бибииков так описывает Пугачева: "Он ничто иное, как чучело, которым играют доры-яицкие казаки, не Пугачев важен, а важно общее негодование".

А Пушкин писал, после бегства его из Казани: "Пугачев бежал, но бегство его было настоящим нашествием, никогда успехи его не были ужасные, никогда мятеж не свирепствовал с такой силой. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции".

Правдивая душа поэта не может мириться с тем насилием высших властей. Но как это выразить в "истории", цензор которой сам Николай I-жандарм Европы? И Пушкин, из его гнетущего состояния, мастерски выходит, приведя реестр надворного советника Буткевича о понесенных убытках, пред, явленный дворовым человеком самому Пугачеву.

Обер-секретарь Пугачева читает: "Кобыла 65 и два человека дворовых; Спасителя образ в ризе и сена 38 стогов; Казанская Богоматерь и три пары суконных онуч...

-Это что еще, - вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

-Глупый старик! Их обобрали, какая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня за то, что ты вместе с баринном не висешь на веревке".

Этот реестр удивительный исторический документ не потому, что он ироничен и смел, но в нем теснятся тени: своекорыстия, мелочность, жадность правящего класса, приобретения богатства за счет мужика, насилие его не только физически, но и духовно образами Спасителя и Казанской Богоматери. Но этот реестр - есть духовный облик всей социально-политической сущности дикого рабовладельческого барства, против которого и двинул народные массы гениальный казак Тихого Дона Е.И. Пугачев.

1 января 1774 года, указом Екатерины II был назначен командующим восточным фронтом ген. Бибииков, который и прибыл в Казань. Сбежавшие с Востока дворяне организовали 3 конных отряда. Туда же подтягивались регулярные войска.

19 февраля Пугачев пытался взять приступом Оренбург, но сделанный подкоп, был завален рухнувшей колокольней. В ту же ночь Пугачев получив донесение о приближении князя Голицына, напал на передовые его части, но был страшен и отошел к крепости Татицево и стал ее укреплять. Произошло ужасное сражение. Корпус Голицына сперва понес большие потери, но имея за собой в четыре раза превосходные силы, продолжал энергично атаку. Пугачев потерял 1.300 убитыми и 3.000 пленными. Другие отряды были, как уже говорилось, в командировках. Хлопуна поскакал в Казань, чтобы спасти свою жену и детей. Но татары связали его и 1 июня 1774 года, "этот славный каторжник", как писал Пушкин, был привезен в Оренбург и ему отсекли голову.

24 февраля утром Пугачев прибыл в Сантовскую, захватил ее, пошел к Сокмарскому городку, но был разбит отрядом Бибиикова. Пугачев бежал на Уральские заводы. Под Магнитной крепостью он был ранен в руку.

24 мая, имея уже в своем распоряжении отряд Атамана Белобородова в 10.000 и 30 пушек, распорядился дать сражение, которое длилось 4 часа. Сам Пугачев лежал, страдая от ран, но вида, что отряд слабеет, сел на коня, бросаясь всюду в опасные места, но войско дрогнуло, но все же Пугачеву удалось восстановить порядок и он стал отступать.

Изнуренные войска ген. Михельсона, не были уже в состоянии его преследовать.

18 июня Пугачев появился перед Осой, на р. Каме и взял приступом крепость.

25 июня переправился через Каму, захватив винокуренные заводы Ижевский и Вотчинский.

10 июля, в 20 верстах от Казани, Пугачев напал на отряд полк. Толстого и разгромил его, при этом Толстой был убит. И Пугачев появился перед стенами Казани. На виду у всех казанцев, Пугачев ездил вокруг города, осматривая его укрепления. Через два дня были погружены возы с сеном и под прикрытием их, пехота с пушками бросилась в атаку и быстрым налетом сбита защитников, и город был взят. Местная чернь подожгла несколько строений и город запылал. Пугачев вынужден был отойти на долину. Туда же прибыл и корпус ген. Михельсона. Загорелся ожесточенный бой, но противники, однако, не имели ни победы, ни поражения и отошли на ранее занятые позиции, оставив тысячи убитых на поле боя.

Здесь, Пугачев об, явил манифест идти на Москву, но Судьба репила иначе. Вообще движения Пугачева были настолько быстры и непредвиденные, неуро-

имые, что не было возможности его лично преследовать, ибо отдельные отряды действовали в разных направлениях и у каждого был свой "Пугачев".

Пушкин говорит, что "редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым. Но когда в частых сражениях в поле и захватах приступом многих крепостей, он терял лучших людей, да еще с войском наполовину небооруженным и когда появился энергичный Михельсон с регулярным войском, вооруженным до зубов, то во втором сражении и нанес поражение походному войску. Атаман Белобородов был схвачен и отвезен в Москву, где был казнен по всем правилам московского искусства, через четвертование и с обязательным присутствием духовенства.

Все ждали гибели Пугачева.

И, вдруг, 18 июля Пугачев собрал остатки Походного Атамана 500 воинов, переправился через Волгу у Кокшайска. Вся западная сторона Волги передалась на его сторону. Крестьяне взбунтовались. Иноверцы и новокрепленцы стали убивать священников, уж не боясь их "анафемы", как царских шпионов. Воеводы и дворяне стали бежать из своих поместий. Не было такого имения, где бы на воротах усадьбы не висел бы помещик.

Пугачев, в своем манифесте, объявил волюность, право на землю, отпущение повинностей, безденежную раздачу соли, и... истребление дворянского рода.

20 июля он переправился через р. Суру, под Курмышем. Дворяне бежали. Крестьяне встретили его с хлебом-солью.

27 июля был взят с боем г. Саранск. Духовенство и купечество встретило его с иконами. В ласковой речи, он настаивал твердо держаться старой веры, защищать свою свободную жизнь, пользоваться землей общиной, искоренять паразитов-дворян. 300 дворян было повешено. Такая же картина последовала в г. Пензе. Воевода Всевожский с 12 дворянами заперся в доме, его подожгли и они погибли.

После этого, Пугачев двинулся на г. Саратов. К стенам которого под, ехал сам Пугачев и в горячей речи обратился к народу и гарнизону стать всем за всеобщее народное благо. 300 артиллеристов выхватили фитили из пушек, а тем временем с другой стороны уже входили в город пугачевцы. Дворяне все были повешены.

9 августа Пугачев выступил из Саратова, куда за ним прибыл и неутомимый Михельсон; его Пугачев знал еще по семилетней войне, когда он вместе с казаками ворвался в Берлин. Пугачев следовал по течению Волги. Здесьние иностранцы оставили гусарский полк, но долго не размышляя, передались Пугачеву. За этим полком последовали и Волжские казаки. У Пугачева опять уже было около 20.000 наполовину, однако, безоружные. Отдельные отряды наводнили Нижне-Новгородскую, Воронежскую и Астраханскую губернии и всюду барские ворота украшались повешенными помещиками.

15 августа, у р. Камышенки-историческом пункте, где Донцы братски встречали волиных сынов республики Великого -Новгорода, бежавших от казней царя Ивана IV Грозного, произошел бой с отрядом князя Дундукова и Дербетова. Калмыки, под напором конницы Пугачева, под его же командой, быстро разбежались, находящиеся с ними казаки, были отрезаны, прижаты к Волге и сдались. На другой день пала Дубовка и Пугачев двинулся на Царицын. На встречу ему вышел отряд Донских казаков, численностью в 1.500 человек, который не приняв боя, перешел на сторону своего же Донца Пугачева.

22 августа Михельсон вступил в Царицын. Пугачев поспешно отходил по берегу Волги, оказывая помещикам свое внимание. Так на вопрос одному из них: "кто ты?", он ответил: "Я-астроном Ловиц! Ну ка, ребята, повесьте его, повыше-ближе к звездам!" Даже видя кругом опасность, Пугачев не терял чувство юмора.

25 августа Михельсон настиг Пугачева в 150 верстах от Царицына, перерезав отход к Югу. Несмотря на безвыходное положение, Пугачев во главе своих утомленных непрерывными боями, плохо вооруженных воинов, гордо принял бой. Потеряв свыше 4.000 убитыми и много ранеными, войско дрогнуло.

Видя безнадежность положения, Пугачев с небольшой группой переправился на лодке через Волгу и углубился в бесконечные песчаные незаселенные степи. К этому времени в Царицын прибыл полководец Суворов, т.к. Екатерина II, в виду тягчайшего положения, созданного грандиозным восстанием, вынуждена была заключить мир с Турцией и назначить Суворова заняться полицейской службой, так не гармонирующей с его высоким званием полководца. Но он, не смутившись, принял командование и двинулся по заволжским степям. В одном перелеске он натолкнулся ночью на пугачевцев, которые обстреляли штаб, убив адъютанта Суворова капитана Максимовича.

14 сентября, в каком-то палатке, сидел в задумчивости Вождь восстания. Маленькая группа его сподвижников поговаривала о его предании властям, чтобы таким образом заслужить себе пощаду. Пугачев отлично понимал их план. Его прозорливый ум, а также самосознание подсказывали ему, что святу Идей восстановления Свободы в рабской России, он уже воплотить в жизнь не в состоянии, то он, обращаясь к казакам, грустно сказал: "я давно уже видел вашу измену" и, подзвав к себе своего любимца казака Творогова, протянул к нему обе руки и твердо, как команду, произнес: "вяжи!"

Казаки посадили его на коня и повезли его к Яицкому городку, послав уведомить коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский выехали на встречу, приняли Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, к гвардии капитану Мадрину, которому Емельян Иванович заявил: "Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство".

Прибыл вслед за этим и Суворов, который с большим любопытством расспрашивал Пугачева о его военных действиях. Два гениальных полководца встретились, один в славе империализма и удупения Свободы Польского народа, а другой в ореоле славы народных, придупенных гнетом, масс.

В Симбирске привезли Пугачева прямо на двор к графу Панину, принявшего командование над войсками. Панин стоял на крыльце со свитой.

-Кто ты таков? спросил граф.

-Емельян Иванович Пугачев! -ответил пленник.

-Как же ты смел, вор, назваться государем? -продолжал Панин.

-Я не ворон, -возразил Пугачев, играл словами и изясняясь иносказательно, -я-вороненок, а ворон то еще летает...

За эту дерзость Панин ударил Пугачева по лицу до крови и вырвал клочок бороды у беззащитного, со связанными руками.

-Плохо же ты, Панин, помнишь старую хлеб-соль, когда я тебя спас от неминуемого плена в семилетнюю войну, от конницы Зейдлица, давши тебе своего коня!

Пушкин приводит народное сказание о беседе Пугачева с его тюремщиком: "судил тут граф Панин"вора"Пугачева, -скажи, скажи Пугаченька, Емельян Иванович, много ли перевезал князей и боярей?"-"Перевезал вашей братии семьсот семь тысяч, спасибо тебе, Панин, что ты не попался: я бы чину тебе прибавил, спину то поправил, за твою то бы услугу повыше подвесил".

Пушкин явился первым собирателем и истолкователем устных документов народного творчества о Пугачеве, память о котором продолжает жить почти два века не только казаки Поволжья и Приуралья, но и крестьянство Московий. Он был воплощением их идеалов о Свободe и не в устном, а в живом действии и конкретной исторической борьбе за Свободу униженного человека.

Пушкин утверждал: "эта подчеркиваемая властями"безграмотность"Пугачева, несколько не мешала ему в его воззваниях к народу находить именно те слова, образы и формулировки, соперничать с которыми никак не могли ни правительственные манифесты, ни публикации высокообразованного начальства. Первое его воззвание к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, понятного и волнующего души казаков.

Являясь среди народа, Пугачев говорил просто, понятно, воодушевленно и ласково, и в каких бы местах он не появлялся, будучи бессребренником, всегда бросал в толпу бедных пригорпнями деньги, из мешка, который за ним но-

сил его обер-секретарь".

По поводу "Истории Пугачевского бунта" А.С. Пушкина, возникла полемика, в которой принял горячее участие министр просвещения Уваров. В адрес этого "просветителя", великий поэт писал: "он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Уваров-подлец!"

До самой Москвы Пугачева сопровождал Суворов, который охранял его днем и ночью, унижая свое достоинство до простого конвоира-тюремщика. Во всю дорогу до Москвы, Пугачев был спокоен и даже весел, подтрунивая над Суворовым и говорил ему, смеясь: "вот ты кукарекаешь славно, как крестьянский петух, славно ты и водишь крестьян в бой и они гибнут сотнями тысяч, а вот ты так и не догадался спросить их за что же они гибнут?"

- За матушку Россию они умирают, - отвечал полководец.

- Да, ведь, крестьяне то все не родные дети этой матушке, а рабы? - возразил Пугачев, - их то и нужно освободить" добавлял он.

В таких мирных беседах продолжалось путешествие двух полководцев, и уже перед самой Москвой, Пугачев обращаясь к Суворову, говорил:

- Вот везешь ты меня на казнь, я ее не боюсь и приму спокойно. Видел не раз тебя в боях, как ты смело против врага ходил. А вот то смелости то у тебя не станет сказать прямо в глаза царицы-освободи дескать народ от неволи?

Суворов ответил:

- Скажу!

На этом беседа кончилась. Послышался звон колоколов. В Москве Пугачева посадили в монетном дворе, где с утра до ночи, в течении двух месяцев любопытные могли его видеть прикованного к стене и еще страшного в своем бессилии.

Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса.

10 января 1775 года сани, с поставленным на них, амвоном двинулись от монетного двора по Московской улице, в сопровождении вооруженных войск к месту казни. На амвоне сидел Е.И. Пугачев, напротив него-духовник-священник/и тут не обошлось без "пастыря", способствующего рабству народа/.

Пугачев кланялся на обе стороны, громко говоря: "прости народ православный, отпусти с миром... в чем я согрубил перед тобой-прости!"

Свидетель казни, поэт Дмитриев, писал: "На высоте лобного места увидел я с отращением в первый раз исполнителей казни. Они с засученными руками, в красных рубахах, пили вино..."

Вдруг, в толпе раздался крик: "везут, везут!" Пугачев с непокрытой головой кланялся. Я не заметил в чертах его лица ничего свирепого. Он был совершенно спокоен, лицо даже приятное, одухотворенное. Поднявшись на лобное место также спокойно положил голову на плаху, и моментально сверкнул топор и голова оказалась над толпой..."

Пушкин пишет: "так кончилось восстание, начатое горстью непослушных казаков, усилившихся по непростительному нерадению начальства и поколебавшее государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов".

Екатерина II, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки Яик, назвав ее-Уралом, а Яицких казаков переименовала в Уральские. Но того зла, причиной которого было восстание, т.е. рабства, она не догадалась уничтожить.

А.С. Пушкина все же выслали в Псковскую губернию.

В феврале 1826 года на А.С. Пушкина был донос III отделению/жандармы/, чиновника Модзалевского: "прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы/!/ удостоверили, что известный по вольно-думным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин по получении горестного для всей России известия о кончине императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул адские слова: "наконец, не стало тирана, да и оставшийся род его не долго в живых останется". Слова пророческие. Не стало тирана, но стали новые. Не стало великого поэта, убитого

международным авантюристом, по наущению окружения Николая I.

Не стало также героя Пущкина, гениального казака Пугачева. Их не стало на грешной Земле, но Дух их останется бессмертным, навеяв великие мысли о Свободе и рано или поздно, воздействует на современный Мир и воплотится в самосознание бедного терзаемого человечества.

ЭПОХА ВОЛНЕНИЙ КАЗАЧЬЕГО НАРОДА В ЦАРСТВОВАНИИ ЕКАТЕРИНЫ.

Самосознание правительственной власти Петербурга, было в сущности таким же, как и при царях Иване III и Иване IV, воспринявших идею о самодержавности царской власти, о божественном ее установлении "царь Божьей милостью- помазанник Божий", и поэтому основой правления Екатерины II, несмотря на то, что она была немка и жена немца Петра III-Гольдштинского, тоже восприняла "обожествление и помазание Божие" для управления над порабощенным народом. Как от Москвы, так и от Петербурга двигались стихийные волны жестокого рабовладельчества.

Усилению царской власти и ее кровавому правлению, в сильной степени способствовало продажное необузданное дворянство и такое же духовенство. Религия обратилась в мощное средство и орудие государственной власти, духовенство давало религиозное обоснование и оправдание всем мерам власти, включительно до грабежей народов и жестоких насилий. Что же оно представляло во времена блистательной крепостницы Екатерины II?

Чтобы не быть голословным, приведем свидетельство князя П.В. Долгорукова, потомка тех, кои принесли так много страданий Казачьему народу, в эпоху Петра I Дикого. Повидимому, этот князь осознал грехи своих предков, и в книге: "Вокруг трона" дает характеристику одной из зол царственного правления:

"Все крепостные были превращены в холопы, владельцы стали продавать их по-душно. Эта продажа людей была узаконена при Анне Ивановне. То, что терпели крестьяне и дворяне было невообразимо. Дворянин и помещик, которому могли отрезать язык, уши и вырвать ноздри, не стеснялся со своими людьми. Нравственное чувство не существовало вовсе, а пример, подаваемый правительством, развращал еще больше.

Долготерпение в страдании то, что в древности называлось стоицизмом, лежит в характере русского человека. Долгие преследования и постоянная борьба за Веру, воспитали у старообрядцев чувство гражданского мужества, самообладание и здравый смысл. Они поняли, что деньги-Сила и что без них нет Свободы, и это сделало их трудолюбивыми, расчетливыми и воздержанными. Чтобы уметь вести споры с православием Никона, поразить его знаниями Св. Писания, старообрядцы стремились быть грамотными. Наряду с этим, жило невежественное православное духовенство, большая часть которого было безграмотно, не знало хорошенько даже службы: обедню служило, как попало, путая и перевертая молитвы. Суеверное, пьяное оно не было в состоянии бороться с староверами словом и убеждением и поэтому прибегало к силе. Архимандриты секли монахов, митрополиты пороли священников и архимандритов. Правительство не останавливалось перед ссылкой, пыткой и наказанием кнутом епископов. Это были батальоны в рясах. Духовенство, особенно черное, владело огромными имуществами. Монастырям принадлежало более 900.000 дуп рабов. Если причислить сюда еще мельницы, заливные луга, огромные леса-цифра получится громадная. Монахи жили в довольстве и изобилии, ели жирно, копили и богатели, настоятели плавали в роскоши, некоторые носили на башмаках бриллиантовые пряжки. Нравы духовенства были дики. В стране, где князья, графы и даже кавалерственные дамы могли быть наказаны кнутом-духовенство было подчинено общему правилу. Не говоря о "Тайной канцелярии" и ее пытках, простой донос подвергал священника и монаха самому постыдному унижению по произволу епископа или архимандрита. Часто священника, еще не успевшего дослужить обедню и совершить таинство Св. причастия, тащили на конюшню и секли нещадно. Такое положение стало при-

чиной полного развращения духовенства. Священники, диаконы и дьячки часто уходили в разбойничьи пайки.

Священники венчали кого угодно за целковый или педер водки, и двоеженство и троеженство были довольно обычным явлением. Одни лишь взятки могли оградить от произвола духовенства и правительства. Сверху давило рабство, снизу царил обман; моденничество совмещалось с самым высоким положением.

Жизнь помещиков была растительная, тупая, беспросветное невежество невообразимое. Осенью и зимой — охота; круглый год — водка, ни книг, ни газет.

Мой дед раз заехал на Петербургскую дачу к княгине Голицыной, жене Фельдмаршала, личного друга Екатерины II.

— Ах, князь, как я рада Вам, дождь, гулять нельзя, мужа нет, я умираю от скуки и собиралась уже, для развлечения, идти на конские пороть моих калмыков.

Граф Гендриков, двоюродный брат императрицы Елизаветы Петровны, выехал на охоту. Борзые его собаки загрызли несколько крестьянских овец. Крестьяне, обозлившись убили двух собак. Граф велел немедленно зажечь деревню со всех сторон и на следующий день прислал несколько сот рабочих, они срыли остатки деревни и перепахали землю.

Была подана жалоба губернатору, он отправил ее в Петербург. Императрица, при свидании с Гендриковым, погрозила ему пальцем и сказала: "Эй, Генрих, не пали!". Тем дело и кончилось. Крестьяне, оставшись без угла и кола, ушли в разбойничью пайку."

Некоторые религии угасают и кое-кто порывает с церковью, но религия иррационально остается в душе каждого человека, в особенности тогда, когда его покроет горе. Люди, по воле Божией, приходят и уходят в царство Теней своим духом, как резерв для создания будущих поколений/учение Будды и Христа/, но Человечество пребывает и остается. Люди давно истребили бы друг друга, будучи жертвами своего собственного безумия, если бы религиозный идеал человечества не захватывал бы их в тот самый период жизни, когда они устремлялись навстречу собственной гибели.

Казачий народ был всегда религиозным. И религия светится всегда в душе каждого казака в обыденной жизни, в бою ли за Правду или отходом в вечность.

Казак иррационально чувствует Тайну собственного происхождения от создания Мира и он, ощущая это, как бы несет в себе образ Божий. Все лучшее в нем: душевная теплота, любовь, дружба, верность в слове, стойкость и мужество в отраданиях — результат присутствия в Казаке высшего образа Божия. Все же зло, вражда, ненависть в области частных отношений людей, гнет, рабство, ужасы войны, грабежи являются для Казака свидетельством отрыва, забвения человеком Бога, отказ от выполнения своего назначения за кормилице Земле, как помощника Бога для ее украшения.

Как при царях Иванах чинились насилия, убийства и грабежи Великого-Норгорода, как при Петре I Диком на Тихом Дону дым пожаров высылся к Небу, а плоть с повешенными казаками плыла вниз по течению, так и "венценосной" распутнице Екатерине II Казачий народ лишился своей автономии независимого управления.

Правительство Екатерины II очень умно использовало рознь Донских и Запорожских казаков в их пограничных претензиях. К этим событиям приурочивалась довольно колючая эпиграмма, по случаю переписки Екатерины с Вольтером и Дидро; которые верили ей:

Мадам! При нас на диво порядок зацвете, — писали ей учтиво Вольтер и Дидрот, — лишь надобно народу, которому вы — мать, скорее дать Свободу, скорей Свободу дать".

Она отвечала:

— Господа! Вы мне доставили блаженство вашим приветствием.

И эта лицемерка поступила обратно. Так, например, правый берег р. Дона от Темрюка на Запад, равно, как и часть побережья Азовского моря, до устья

р. Ануша были во владении Донских казаков, но здесь встретились в 1737 году с передовыми отрядами "слободских" казаков.

Запорожское Войско от 1709 по 1739 г.г. жило в пределах т. наз. "Барьерной земли", в подданстве Турецкого султана. За это время Запорожцы, как подданные Турции и под ее защитой, безвозбранно ловили рыбу в Азовском море не только на северном его побережье, но и на Кубанском, близ г. Ачуера.

Вернувшись обратно из Турции, Запорожцы по прежней вольности, заняли те же места, вопреки прав Донских казаков и не только эти места, но стали свои претензии гред, являть на всю дельту Дона, вплоть до Темрюка и на все Кубанское побережье. Претензии эти были совершенно необоснованны. Захватнический пример Москвы оказался заразительным, создавая чувства империализма и у вольных когда-то братьев Запорожцев. Спор этот был ликвидирован еще Елизаветой Петровной, обаятельно относившейся к Казакам вообще, как ни один из Московских царей и цариц. Граница была установлена между Доном и Запорожьем по реке Кальмиусу.

1775 год был роковым для казачьих автономий и особенно для Запорожской. Она была единственной из Казачьих республик Юга Юго-Востока, сохранившей наиболее ясное политическое самосознание и понимание своих исторических прав, за этой с ней-Запорожской Сечью и расправилась Екатерина II, более решительно.

Излагая историю возникновения Сечи, Екатерина II писала, что это—"Часть малороссийских казаков, учрежденная, как военная стража, составила из себя мало по-малу совсем особливое и намерению самого Творца в размножении рода человеческого противоборствующее политическое сонмище. Не мог и не может быть полезен отечеству вредный состав членов Сечи, погруженных в разбойничество, праздность, гнуснейшее пьянство и презрительное невежество, распространение своевольных их претензий до Земель издревле принадлежащему Намему/!/ Войску Донскому/ все с большой буквы/, непоколебимому в верности/!/ , делая и оным Донским казакам запрещение пользоваться своими землями, которые уже долговременно в их обладании состоят".

По мнению Екатерины II: "заводя собственное хлебопашество расторгают Запорожцы тем самым основание зависимости их от Престола и помышляют составить из себя посреди отечества/!/ область под собственным своим неистовым управлением, в надежде, что склонность к развратной жизни/ а сама то?/ и к грабежу будет при внутреннем изобилии беспрестанно умножать их число. Событие сего злодейского умысла/ независимость/ была бы предосудительно и в рассуждении безопасности смежных жилищ и неминуемой убыли в людях из числа наших подданных, да и торговли с Портой Оттоманской не могли бы достигнуть совершенства при существовании предных скопиц Запорожских казаков на торговых путях Турции с Россией".

Даже Екатерина обвиняла Запорожцев в государственной измене:

"Запорожцы умышляли передаться Туркам, а поэтому, перед Богом, пред Империей своею/!/ , перед самым вообще человечеством/!/ решила разрушить Сечь Запорожскую и имя казаков от оной заимствованное".

По этому поводу, проф. Сватиков, в своей книге: "Россия и Дон", к этому добавляет: "нельзя не согласиться с Екатериной в том, что существование автономных окраинных Казачьих республик рядом с централистической империей, должно было искренне представляться ей политическим уродством.

Разнообразие окраинных автономий суждено было смениться единообразием губернского управления".

Но кто дал право Екатерине II и ее адвокату Сватикову, распоряжаться землями Москве и Петербургу издревле не принадлежащими, наследником коих от древности был Казачий народ? Если же эти земли захвачены силой, то ведь сила не есть Право. Отсюда полный простор: хватай смежные земли: Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Польшу, Австрию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Турцию, во имя завещания Петра I Дикого победить всю Европу.

Так или иначе, а 4 июня 1775 года, генерал Теккели с 40.000 пехоты и

20.000 конницы князя Волконского, возвращаясь "мирно" с Турецкого фронта, окружили Запорожскую Сечь и началась форменная мясорубка. Бежавших во все стороны Запорожцев, преследовали на протяжении 200 верст и беспощадно рубили.

Только 5.000 спасшихся обосновались на Дунае, под покровительством Турции, а затем переселились на Кубань, составивши Черноморское Войско.

Расправившись с Запорожской Сечью, Екатерина, на основании доклада Потемкина, 15 февраля 1776 года, положила конец автономии Войска Донского.

Указ гласил: "к восстановлению в пределах Войска Донского желаемого благоденствия/1/, учредить отныне для правления всех Земских дел, Войсковое Гражданское Правительство на генеральном во всем государстве установлении с соблюдением данных оному Войску привилегий и состоять оному под управлением князя Потемкина".

Односторонняя привилегия Донцов состояла в том, что казаки должны были нести военную службу 30 лет с собственным снаряжением, обмундированием, вооружением о дву-конь. Таким образом, эти "привилегии" были не что иное, как тяжелый гнет.

Вот такая была "милость матушки". Народовластие Дона исчезло. Настало беспардонное хаотическое управление старшии, произвольно грабящих земельные участки Дона, заселяя их приплывшими рабами. Власть Дона вручалась наказному атаману, назначаемому верховной властью за особые заслуги, но во вред интересам Казачьего народа.

Тогда же, пресмыкаясь у развратного трона, такой же развратной царицы, было пожаловано дворянство, оно то и погубило независимый Тихий Дон!

Все эти рабовладельческие реформы повели к возмущению. Так, три полка: Поздеева, Лукеркина и Копкина, взявши полковые знамена, без своих полковников и старшии, двинулись с Кавказской линии на Дон. Явились неожиданно в Черкасск и потребовали у любимца Екатерины атамана Иловайского отчет, за что он отдает их на поселение на Кавказе?

Иловайскому пришлось распустить восставшие полки по домам и спешно ехать в Петербург. Ему удалось уговорить Екатерину не настаивать на поселении о переселении. Казаки Белгородов и Сухоруков, ходатаи от трех полков, были арестованы в Петербурге. Суд постановил: Белгородова и Сухорукова наказывать на Дону в крепости Св. Димитрия", в присутствии делегатов от их родных станиц, кнутом, положить клеймы на лоб и отослать в г. Нарчинск на вечную каторгу". Что было и исполнено.

"Остальных, оставшихся на Дону, большую дерзость и разврат учинивших, подвергнуть к прогнанию сквозь строй прутьями или наказывать к "Кругу" публично плетями и послать без очереди в полки на службу".

Так рабовладельцы расправлялись с вольными сынами Дона, в присутствии холуйской продажной старшины, предающих своих же братьев казаков за звание "дворянства".

Самую крепость-место казней и истязаний, Петербургская власть наименовала: "Святого Димитрия". Какое лицемерие и козунство!

Все же вопрос о переселении казаков на Кавказскую линию не был центральной властью снят, а это дело предоставлено было разрешить Войсковому Правительству. Были разосланы чиновники по станицам для разъяснений с грамотами, в которых говорилось, что императрица "снисходя к древнему казачьему обряду" простила ослупников ее воли, за исключением нераскаявшихся зачинщиков зла наказанных по суду и что самим станицам предоставлено право назначить число казаков для переселения".

Чтобы уменьшить число переселяемых/а их требовалось 3.000/ Войсковое Правительство предназначило 800 семей из малороссиян, принятых в казаки.

Несмотря на деликатный подход к решению переселенческой проблемы, самая сущность требования, показала казакам грубым нарушением их права: вольные граждане Дона должны были покинуть родной край и родные могилы и превратиться в невольных колонистов, непринадлежавших им земель. И поэтому ряд станиц не приняли войсковых грамот и отказались

производить наряд для переселения. Станицы: Есауловская, Кобылянская, Верхняя и Нижняя Чирская, Пятиизбянская отрешили от должности своих Атаманов и Старшин, выбрали новых, дали клятву не выдавать друг друга и стали укреплять станицы, послали предложение другим станицам стоять за одно.

Восставшие станицы заявили, что "они о переселении и слышать не хотят: земли свои они заслужили кровью и кровью же защищать их будут. Что же нас гонят на Кавказ, чтобы мы своими головами стали завоевывать его? Пусть царца гонит туда своих крестьян, да дворян, если ей уж мало земли".

На весну станицы собирались идти на Черкасск, забрать все регалии и выбрать нового Войскового Атамана вместо Иловайского. Дух Булавина пронесся по Дону. Черкасск стал спешно укрепляться. Искры "бунта" перебросились на все Хоперские, Бузулуцкие и Медведицкие станицы.

Екатерина II, по примеру Петра I Дикого, двинула на Дон регулярные войска. Пять полков и четыре батальона пехоты, два эскадрона драгун с четырьмя орудиями под командой князя Щербатова, батальон пехоты из Таганрога, одну тысячу казаков ген. Мартынова и три тысячи чугуевских казаков под командой М.И. Платова, опозорившего свое имя для усмирения своих же родных Донцов.

После упорного боя Есауловская станица была занята, а затем и другие. Было заковано 48 старшин, поддерживавших восстание и 298 казаков, как "главных бунтовщиков", 1645 были наказаны плетью. Но этого было мало, Екатерина учредила следственную комиссию кн. Щербатова, стали хватать подозреваемых в сепаратизме.

По доносу Кавказского губернатора Гудовича, схватили полкового есаула Ивана Рубцова, как главного виновника, били палачи его плетью, дали 250 ударов, на 251 ударе мученик скончался. 13 казаков Рубцова тоже были биты нещадно кнутом, вырезали им ноздри/любимое занятие московитов-палачей/, положили раскаленным клеймом знаки и отправили в Сибирь. 146 казаков были биты "кошками". Из каждой станицы были выделены, по жребию, каждый десятый и сосланы в Сибирь. Священник Федотов и дьякон Донсков были лишены сана и сосланы.

И как будто все стихло. Сопротивление жестоко подавлено. Но в казачьи полки, стоящие в Крыму, дошли слухи, что на Дону разоряют их семейства, жгут дома, а детей берут в солдаты. Казаки стали уходить на Дон большими партиями. Князь Щербатов подверг наказанию 5.000 казаков. Во все станицы были назначены атаманы с двумя помощниками, выборное начало кончилось.

Часть регулярных войск была расставлена по станицам, в порядке карательном. Солдаты стали производить насилия над женщинами, показывая истинное лицо "Св. Руси!"

Из донских "черных героев", на крови казачьей, выдвинулись: ген. Иловайский сделал блестящую карьеру-правил Доном до самой смерти 22 года. Платов получил чин генерала, Луковкин-чин полковника и бессменную должность судьи Войсковой канцелярии.

ДОНСКОЙ АТАМАН СТЕПАН ЕФРЕМОВ.

На Яике события шли, расширяясь в 1660-1770 годах, вышедши из пределов маленькой казачьей песпублики и приняли грандиозные размеры настолько, что потрясли основы государства Московии, но не образумели развратных правителей, во главе с распутной немкой Екатериной II.

На Дону события разразились в 1772 году и главным действующим лицом оказался сам Донской Атаман Степан Ефремов. Он был сыном известного Донского Атамана Даниила Ефремова, участника в семилетней войне и против Фридриха Великого, и в войне Петра I Дикого со Шредожиим королем Карлом XII. Историки Московии приписывают победу над пведами под Полтавой Петру. Это не так. Петр, как полководец и стратег был никуда не годен. Он, от силы мог командовать батальоном, что он и делал в сражениях, иногда мепая Меншикову.

Известно, что во время Полтавского боя у Карла был недостаток в боевых

припасах. Снарядов было только на 4 орудия. А главные боевые припасы и продовольствие были при втором вспомогательном корпусе. Вот на этот то корпус и напал Походный Атаман Дона Данило Ефремов с Донскими казаками и разгромил его, взяв даже в плен командира корпуса ген. Геленгаута.

Сражение произошло у с. Лесной; в этом сражении принял участие и Семеновский пехотный полк.

Вот такова истина Полтавского боя, во время которого русские войска не могли сразу сбить с позиции шведов и только брошенная на их правый фланг из перелеска, конница Донских калмыков, способствовала расстройству шведов, на которых повлияло также то, что Карл был ранен и его возили на носилках. Вот почему, во время триумфального шествия по случаю победы, и бесился как сумасшедший Петр I и рубил своего же солдата, несшего шведское знамя потому, что оно взято не им, а казаками.

Когда Данило Ефремов устарел, то он должность Донского Атамана передал, с разрешения Екатерины, своему сыну Степану.

Послушаем, что говорит о нем профессор Сватиков, явный сторонник Москвы: "Ефремов был не выборным атаманом, а получил звание по наследству, милостью верховной власти. Сам он подавлял /! / не только остатки народоправства, в лице Круга, но и аристократическое правление Совета старшин. Ставши самодержцем /! / - / это при Круге то? /, он вступил в борьбу с царским самодержавием, не во имя народных прав, а во имя своего самодержавия, своей личной независимости от всероссийской власти. Это была борьба сатрапа, а не народа". Из всей этой писанины так и выглядывают белые нитки неприязни.

На кого же Ефремов мог опираться в стремлении "сатрапа", если он "подавлял не только народоправство, но и Совет старшин, а наемных войск у него не было, да при том под боком у него стояли крепости Св. Дмитрия и Азов, враждебные ему, занятые гарнизонами регулярных войск.

Несколько одумавшись, Сватиков продолжает: "Но Степан Ефремов с, умел использовать автономические стремления казачества и желание его отстаивать личную свободу от попыток введения на Дону "регулярства" и от закрепощения / это делает "сатрап" ? /.

Это выступление его в защиту казачества, едва не повело к восстанию Дона против России и создало ему славу "мученика" за свободу Дона, не только среди современников, но и среди позднейших донских историков. На самом же деле Степан Ефремов далеко не заслуживает этой славы".

Чтобы унижить эту "славу", Сватиков продолжает:

"Атаман Ефремов в 1762 г. 28 июня принял участие в дворцовом перевороте, возведшем Екатерину на престол и за это ему была пожалована сабля в серебряной оправе с именем императрицы; одарены были и казаки Ефремова деньгами и медалями, и выступать против Екатерины, обласкавшей его щедростями, являлось бы просто нелепостью".

Вот тут то и выступает ярко психология москвитя, что за деньги, за подаренную саблю можно купить честь и достоинство главы Казачьего народа, чтобы он был не отцом и даже не отчим, а просто катом своего народа, в угоду жадным правителям рабовладельцам.

Атаман Ефремов был по своему уму, не ниже Сватикова, и он отлично понимал, что вступая в борьбу с самодержавием, он рискует головой, значит, он руководился не личным, а общим интересом народа Дона, и выступал лишь против режима самодуров Петербурга, что видно из его действий: он восстановил дружеские отношения с кабардинскими князьями Кавказа, а также с Кумыцким князем Тимуром, с вождем татар Джаран-Мамбет-беем. В 1769 г. Ефремов, собравши войско, вскоре распустил его и не выступил против Крымских татар, жалея казачьи головы. А в 1770-1771 г.г. не выслал казаков во Вторую армию любовнику Екатерины Потемкину.

О всех этих "злостных" деяниях старшины, Сидор Кирсанов и Юдин-холуй Екатерины донесли в Петербург.

Военная коллегия послала на Дон комиссара ген. Черепова, того самого,

Черепов был вость лет тому назад, командирован на Яик, для разбора спора между старшиной и войсковою партией и, окруживши Войсковою Круг драгунами, приказал стрелять по казакам "за неповиновение". Этот предательский расстрел в спину участников Круга на Яике, был сочтен в Петербурге за проявление твердой власти и за особое умение вести разговор с народными собраниями окраинных республик.

Черепову было приказано зорко следить за действиями Атамана, чтобы тот исполнял требования Потемкина немедленно. Атаман неоднократно просил об отозвании Петербургских комиссаров, и не добившись, грозил: "Как уберусь в горы и таких дел России натрясу, что она будет век помнить, стоит только Джан-Махмет-беку сказать одно слово, так ни одной души на Дону не останется."

Когда было на Дону получено повеление на поселение в Азовскую и Таганрогскую крепость, Ефремов собрал Круг и обещал освободить казаков от переселения.

Военная коллегия вызвала Атамана под предлогом необходимости личных переговоров о безопасности границ, но он, поняв в чем дело, не поехал на дважды повторные указы. На новое требование Черепова, он ответил, что не ему-Черепову, поручено командование Доном.

1 октября 1772 года, на Покров Пресвятой Богородицы, собрался обычный Войсковою Круг. На нем был прочитан указ об отозвании Атамана Ефремова в Петербург и не велено никаких ордеров от него исполнять, а слушать Черепова. Казаки закричали: "По Войсковому Атаману стрелять не будем. Генерала же за командира почитать не будем. Генерал хочет нас "в регулярство" писать и реку разделять".

Толпа бросилась к дому Черепова и кричала:

"Ты хочешь нас писать в солдаты, но мы все помрем, а до того себя не допустим".

Черепов, пытавшийся бежать к Дону, а затем рекою, под прикрытием пупек крепости "Св. Дмитрия", был схвачен казаками и избит. По старому обычаю его хотели было "в куль да в воду", а потом поволокли его к Атаману на расправу. Ефремов с большой свитой выехал навстречу и принимая избитого представителя центральной власти, с усмешкой сказал: "это, тебе, Войско Донское, а не Яицкое". Но, объявив войну комиссару всероссийской власти, Атаман не поехал в Черкасск, а отправился в свой хутор "Зеленый Двор". И это была его роковая ошибка.

В ночь на 9 октября отряд драгун из крепости окружил хутор, арестовал Атамана и увез его в крепость. К утру старшина Василий Иловайский с 300 казаками подскочили к форпосту и потребовали выдать Атамана, угрожая:

"всем войском", но было уже поздно: "с волками жить, нужно по-волчьи выть!"

Военный суд в Петербурге приговорил Атамана Ефремова к смертной казни через повешение. В вину было поставлено: неисполнение требований главнокомандующих армиями, ослушание шести указов, возмущение казаков против Черепова и то, что публично пред старшинами с дерзостью и угрозами, забыв подданство к Ея Императорскому Величеству должности, выговаривал непристойные слова". Главное обвинение и заключалось в этих "непристойных делах". Как они буквально произносились, не сказано в приговоре/в смысле цензуры/, но, повидимому, Атаман по-казачьи назва "матупку" именно словом, соответствующим уличному, вполне определяющему ее развратного, почти публичного поведения, с той только разницей, что уличные девки своим телом зарабатывали кусок хлеба, а "императрица" имела для телесных утех целый штат здоровых, красивых паразитов, вроде, как бы, конюшенного ведомства, которых она щедро награждала княжескими, графскими и генеральскими званиями, в зависимости от их полового усердия. Раздавались громадные поместья. Вся почти земля Украины пошла по рукам этих паразитов.

Кроме чинов и поместий, были дорогие подарки: сабли, перстни и одеяния. Так, например, Григорию Орлову она подарила мундир, стоимостью в миллион рублей.

Чтобы избавиться от мужа Петра Гольцтинского, Екатерина приказала слугу Алексею Орлову задушить его.

Тот прекрасно справился с этой миссией, чтобы загладить свою вину перед венценосной Месалиной, выражавшаяся в том, что во время дикого пьянства во дворце и безобразной драки, он-Алексей, выбил глаз "вице-императору" Потемкину, любовнику распущенной немки, на утехи которой шли народные деньги, добываемые тяжелым трудом, кровью и потом.

То самое "главное обвинение" приговора Степана Ефремова не было обнародовано о том, что он "осмелился в союзе с горцами и татарами, угрожать провозглашением независимости Дона против России".

14 марта 1773 года смертная казнь была заменена печной ссылкой в г. Черновое. Однако, умер он в Таганроге в молодых еще годах, одновременно с казнью Е.И. Пугачева, повидимому, его прикончили палачи Екатерины II.

А в Черкасске осталась красавица жена Меланья, про которую весь Дон вспоминает: наготовили всего, как на Маланьину свадьбу".

После ареста мужа, она самостоятельно правила Доном в течении шести месяцев и не подчинялась комиссару, Екатерины, предателю Черепову, который был вскоре отозван.

На место Ефремова, был назначен Атаманом Василий Машлыкпа, и тогда Атаманья Меланья постриглась в монахини и вступила в Ефремовский монастырь, сказывая до самой смерти помощь несчастным казакам, казачкам и сиротам. И память о этой любимой казаками Атаманьпе останется в потомках светлым образом.

Екатерина II дала права Потемкину назначать и сменять Донских Атаманов по своему усмотрению. Относительно гибели автономий Донской и Запорожской уже было сказано выше. Что же касается автономии Яика, то там произошло следующее. На Яик был послан главой следственной комиссии капитан-поручик С. Маврин. Он начал с того, что собрал Войсковой Круг, искоренение которого и было главной причиной восстания. На Кругу Маврин объяснил, что царица в целях искоренения "всякие неправды положила в сердце своем сделать новое Уложение, призвала избранных из вас на объяснение каждой надобности". Таким образом, восстановление Мавриным Круга способствовало тому, что казаки Яика пошли на примирение с Петербургом, нежели жестокие усмирешил.

В секретной записке Екатерине Маврин обстоятельно обрисовал причины восстания угнетением рядовых казаков старшинами и так писал:

"Управляющие народом власти, желая себя обогатить, не только общественную сумму расхищали, но и вновь, под видом народных, общих нужд, неумеренные и необыкновенные на народ поборы валагали. Лихоимство же и бедным притеснение, тех властей обыкновенно было упражнено, для того, что их власть, не имея никаких законов, так без, известно, что не токмо народ, но и сам начальник границ ее не знает. Следствием чего было необузданный произвол казачьей аристократии. Сие все народ терпел, покуда ум властей народную глупость затмевал обманом, но затем у народной партии наплись вожди, которые попытались защитить рядовое казачество сперва путем обращения к центральной власти/делегаты были расстреляны графом Чернышевым/, а потом и восстаний".

Конечно, Маврин в записке не мог указать, что продажная старшина была поддержана центральной властью, во главе с Чернышевым.

Записка Маврина все же подействовала, и комендантское правление было упразднено, а во главе Войска были поставлены Войсковой Атаман и Войсковая канцелярия, и как будто стала звучать песня: "За Уралом, за рекой казаки гуляют..."

По поводу дел Дона, Потемкин писал: "много времени я начальствую над оным войском и испытал я неудовольствия от тамошнего правления, которое не соответствует положению в Государстве и все подтверждено неограниченной властью Атамана".

Но он не понимал, что неограниченная власть на Дону появилась, когда

упразднили традицию выбора Атамана "всенародной душой", а стали назначать из Петербурга дупителей Казачьего народа.

На основании доклада своего любовника Екатерина и уничтожила автономию Дона и народовластие исчезло. Но Потемкин сообщал Екатерине/еще до смерти Ефремова/: "что идея автономии жива на Дону и многие из старшин обольщают других возвращением Степана Ефремова к прежней его должности". Это то, по видимому, и ускорило "смерть" замученного Атамана, который в Пернове сидел в кандалах 2 года.

Все же происшедшие полнения на Дону в полках и по станицам, с выступлением даже многих старшин и подлая, но хитрая Екатерина почувствовала необходимость "милости". И вот она вынула из архива старую грамоту и написала вторую, в которой она "жаловала 26 мая 1793 г. землями на владение войском Донским со старинным заголовком: "В верхние и нижние юрты, атаманам и казакам с приложением карты границ Дона.

За этой грамотой была Кругом избрана делегация, которая и получила эту грамоту-фальшивку на владение своей же землей с XI века, когда и России то не было, из рук самой "императрицы" и целый воз "хлеб-соли".

К границе Дона, укороченной Петром I Диким на один миллион десятин, к Казанскому перевозу был выслан "почетный" караул для встречи даров "помазанницы Божией". В Черкасске палили из пушек. Собрали Круг, читали эту комедийную грамоту, разослали "хлеб-соль" по станицам, как социальную отраву казаков. "Дорого обошелся Дону хлеб Екатерины и солонка оказалась казачеству соль царицы", даже восклицает Сватиков.

В национальном вопросе Екатерина была великой комедийной патриоткой. В это время в Петербурге проживал историк Штригтор, который совершенно объективно писал, что "Московское государство произошло из сплава народностей финского и тюркского происхождения", то когда ее обер-палач Шипковский доставил эту историю для цензуры Екатерины, то она гневно начертала:

"Как "великий русский народ" произошел от финнов? - Это ложь! - Этим вся Россия была бы оскандалена!" И долго не думая, приказала этому историку забыть свою историю в... тюрьме.

По этому поводу, профессор Ламанский жалуется:

"С одной стороны не позволяют в России исследователю принимать то, что весьма само собой вероятно и даже необходимо, хотя письменно и не засвидетельствовано. С другой стороны поддерживают в нем мысль ограничиваться одними отечественными источниками, например летописями, тогда как они недостаточны. Исследователь в наше время ни на один миг не должен забывать, что есть факты двойного рода: явные и тайные и часто последние гораздо важнее".

В исследовании происхождения народа, прежде всего, следует определить его физический тип, т.е. к какой расе и к какому племени он принадлежит. Это один из наиболее объективных методов, прибегая к антропологии: цвет колен, глаз, волос, черты лица, череп. Придавать особое значение языку не приходится, он меняется часто в исторических обстоятельствах.

Даже Карамзин писал: "Если народ, оставаясь в одном и том же месте, не изменяет ни своего духовного облика, ни свойств своей природы, то у него есть свое собственное название, которое проходит через века неизменным, чужестранцы дают им прозвища, но они забываются и только имена национальные сохраняются".

Наряду с физическим типом, имеет значение глубокое подсознание самого народа, представляющее собой как бы архив всей прошлой жизни в веках. Эти переживания всплывают у народа и отдельного человека, независимо от его сознания, всякий раз, когда народ переживает трудные обстоятельства своей жизни. Также имеют значения: сказания, былины, легенды, традиции, песни, обычаи, речь и акцент. Как художнику к его творческой интуиции необходимы все краски для воспроизведения картины, так и для историка нужны все методы, источники, факты. Также необходимо чутье, такт, сильное жизненное историческое воображение и высшая напряженность интуиции, как бы

рассматривающего с высот все находящееся земное. Напряжение интуиции дается немногим, а только любимцам Аполлона и они видят духовным взором как бы ясновидением прошлое и из обрывков истории создают своим творчеством прошлое, как бы, живую жизнь.

Великий поэт Тарае Шевченко, для которого братская христианская любовь между людьми была Идеалом всей его жизни, касаясь порядков общественных и церковных, времен Екатерины, писал: "гмбнет слава, негде деться, места нет на свете; некрепкими казачьи вырастают дети, непопеченные пары-без пона хоронят, вера куплена жидами, вон из церкви гонят: как те вороны на поле с ляхами станицей, налетают униаты: некому вступиться..."

Это историческое свидетельство от лица народного Баяна, дает яркую картину жестокого бесправия сверху и рабского унижения снизу и до некоторой степени, как бы, усиливает свидетельство потомка бывшей власти князя Долгорукова в его показаниях о разграблении Московской церкви, описанного выше.

Так называемый "Св. Синод", учрежденный пьяным официтиком Петром I, расслоил церковников: вверху стояли митрополиты, епископы, купающиеся в роскоши и житейских благах, внизу были невежественные, темные, пьяные попы. В духовном смысле православной церкви в Московии не существовало, а лишь числилась на бумаге и то как придаток к тайной полицейской власти. И неужели в этой темной атмосфере недоверия, не было ни одного, кто бы чтит апостольскую церковь с ее Божественным Основоположником Христом? - зададут, вероятно, вопрос читатели.

Да, такой, пылающий верой, заступник чистоты Церкви был! Это - Митрополит Ростовский Арсений-мученик. Это был высокообразованный духовный пастырь, окончивший две академии: во Львове и 8 лет в Киеве. Оратор Божьей Милостью. Ему пришлось пройти тяжелый путь по Российским Стогнам, по монастырям, побывал во Флоте, в Сибири даже, был под судом, но в конце его светлая личность воссияла в эпоху императрицы Елизаветы Петровны, этой единственно обязательной правительницы из всех бывших и последующих царей и цариц. Она почитала величие души Арсения и из Сибири он был переведен на пост Митрополита Ростовского, с пребыванием в Петербурге, где императрица предполагала возвести его в Патриарха, но внезапная смерть ее помешала свершиться этому событию.

К власти пришла великая интригантка Екатерина II, которая в первую очередь постаралась избавиться от каких бы то не было претендентов на трон. Был убит в Шлиссельбургской крепости Иван У-Антонович, утопил Григорий Орлов дочь Елизаветы-княжну Тараканову / До сих пор невыяснено, почему граф Разумовский, хотя и некоронованный, но муж Елизаветы по церковному браку и сама Елизавета скрывали в тайне свою родную дочь? /

В порядке "чистки" претендентов, самого императора Петра III, по приказу Екатерины, задушил Алексей Орлов, получивший за эту блестящую операцию графское достоинство.

Став единой самодержавицей и "помазанницей Божией", Екатерина дала полную себе волю "володеть и править" над рабским народом. Заливши кровью самостоятельные республики Казачьего народа на Дону и Запорожью, она принялась за Церковь. Имея большую потребность в деньгах на свои прихоти, она решила отобрать земли и поместья монастырских владений. Всего монастырей было 1.000. Она приказала оставить только 200, и это в руках послушных власти митрополитов, а остальные 800 поступили в ее полное распоряжение. При чем, по "штатам" одну треть доходов она "обрекла" в пользу государства, а две трети исключительно в ее кассу, из которой она и заловила своих любовников за "усердие", при этом были эти паразиты постоянные и были временные, последним она платила за несколько сеансов 500 рублей. На одни только пильки для парикмахера она тратила 15.000 рублей, как пишет о этом историк Ключевский. Отобранные же монастырские земли в Московии и Украине, Екатерина раздала своим любовникам и вельможам, как удостоверяет о этом профессор П. Знаменский.

Вот против всех этих гнусных деяний и восстал Митрополит Арсений. Всех помещиков и дворян, кои были в Ростовской губернии, и кто притеснял крестьян, он отлучал от церкви, а одного, даже полковника, завлек в свою епархию и приказал пороть плетьюми.

На всех, способствующих притеснению Церкви и отобранию церковных имуществ, он произносил во время церковных служб Анафему. Молящийся народ так и понимал, что Анафема произносилась в первую очередь против царицы. Кроме того, он писал большие доклады об изъятии Церкви от светской власти. Народная молва о заступнике православия пирилась по России. Большинство народа считало Митрополита Арсения святым.

Эта "революционная" деятельность святителя, привела Екатерину в величайший гнев. Она считала, что главой Церкви в России должна быть только она. А поэтому, не долго думая, она отдала под суд Св. Синода "ослушника" Митрополита. Был послан в Ростов следователь капитан Дурново, который развязно пытался ворваться в Алтарь для производства обыска, но Арсений так на него закричал, что он не имеет права попираť Святая Святых, установленное Христом, и Дурново опомнился, но все же арестовал Митрополита Арсения и повез его экстренным маршем в Москву на "Суд Пилата".

Суд был составлен из членов Св. Синода из песты митрополитов, во главе митрополита Сеченова, явного агента Екатерины. Прибыла в Москву и сама "помазанница" и первым делом написала записку генерал-прокурору Глебову: "Сегодня ночью привезли Враль/Брежуна/, которого требуется исповедати".

Для "исповеди" прибыл страшный обер-палач Шишковский, Орлов и Глебов. Митрополита били, на "исповеди" присутствовала и сама Екатерина, которой мученик смело говорил правду в глаза.

Главной виной Митрополиту было поставлено оскорбление "Ее императорского Величества" через критику ее управления. Суд репил, на основании "Апостольского правила §84", в котором сказано: "если кто принесет досаду царю или князю не по правде - пусть понесет кару", лишить Митрополита его сана, оставив его простым монахом и отослать в вечную ссылку в Карельский монастырь, под именем "Андрей Враль"/Ничего умнее царица не выдумала, хотя князь Виземский говорил, что назвать нужно "Андрей Бродячий"/.

Как ни старались бывшие чекисты провести "Суд Пилата" тайно, но перед Судом, на площади, уже было полно народа, некоторые плакали, а большинство было безразлично, т.к. к казням и комедийным судам уже привыкли.

В Карельском монастыре поместили Митрополита Арсения под строжайшим надзором. Он должен был рубить дрова, топить печи, выносить сор, чистить помещения. Но вскоре все узнали Истину, и Митрополит стал править церковную службу. Строгая стража полюбила мученика за его ласковость, простоту и смирение и уже Сама выполняла обязанности его, согласно инструкции Екатерины.

Один монашек монастыря Лебедев, в чаянии высоких милостей от "матушки", послал донос, что бывший митрополит Арсений ведет в монастыре политическую агитацию и клеветет на царицу Екатерину.

Достаточно этого нелепого доноса, как Екатерина потребовала доставить в Москву Митрополита Арсения на вторичный суд, которому она и предварительно написала приговор:

"Лишить монашества, одеть в мужицкую одежду, переименовать а Андрея Вралья, выслать в безвыходное пребывание в тюрьме г. Ревеля, ни давать ни пера, ни бумаги, ни береста, никого к нему не допускать, сторожами должны быть не знающие русского языка".

В страшный холод 1768 года, везли мученика через Москву. Возок остановился около Головинского сада. Екатерина, движимая патологическим любопытством зверя, заранее прибыла в Москву, и когда Арсений сидел на лавочке, около сада, она подошла и стала наслаждаться своим извращенным чувством над побежденным "врагом".

Мученик был сильно утомлен простудой и дорогой, но когда он поднял голову и, увидя мучительницу, он сперва замурился. Екатерина долго наблюдала нагло за ним. Тогда Арсений сказал ей:

"И ты задупишься так, как ты задушила своего мужа".

Екатерина не могла выдержать огненного взгляда и его пророчества, вскрикнула и убежала.

Митрополит Арсений обладал большой силой ясновидения. Так, во время первого суда, когда глава суда Сеченов хотел снять с головы белый клубок, то сам Арсений снял его и сказал Сеченову:

"Твой язык был для меня острее меча и он задупит тебя и ты помрешь". Так и сбылось: Сеченова разбил паралич, язык выпалился и он помер.

Другому судье Амвросию он пророчил:

"Ты ножом будешь заколот", и так стало: во время бунта в Москве его закололи.

Третьему судье Афанасию Болжовскому было сказано:

"Язык твой был как у Ария и поэтому и помрешь как Арий".

Четвертому сказал:

"Ты забыл каким должен быть Архиерей. Твой соперник твоей любовницы, задупит тебя".

Пятому архимандриту Мисаилу он прорек:

"Ты спек свой хлеб скоро, приготовленный для меня, а это ты и спечешься сам в печи".

Все пророчества сбылись.

Какой же конец был злой немки Екатерины II безбожной?

Бог терпел ее 33 года. 6 сентября 1796 года она с утра была весела. Понежилась с Платоном Зубовым. Выпустила его. Позвала секретаря и пошла в уборную и не вернулась. Секретарь стал кричать в двери уборной: "Ваше Величество!" - Ни звука. Придворный Зотов ножом открыл замок. Стал отворять дверь, но она не поддавалась. Из уборной слышался сильный хрип задыхающейся царицы, своим телом захлопнула дверь. С большим усилием Зотов отворил дверь и с помощью постельника перенесли хрипящее тело на постель.

Лицо царицы было страшное, оно беспрестанно менялось в цвете, то становилось темное, то наливалось черной кровью и делалось багряным.

В соседней комнате собрались ближние, кто то из них тихо сказал о пророчестве "Андрея Врала", что царица сгинет скверной смертью. От злоупотреблений половыми наслаждениями, она внутренне гнила и от нее шел удупливый запах падали. Лекарь Роджерсон торжественно произнес:

"Часы Ее Величества закончились".

Так, без исповеди, без причастия сгинула страшной смертью та, что ограбила Церковь Божию и народную казну.

Но перед смертью, она еще раз отомстила Митрополиту Арсению. Узнав, что в Репале вскрыли Истину и что народ стал собираться перед маленьким окошком тюрьмы, где сидел мученик, Екатерина отдала последний приказ: замуровать абсолютно двери и окошко и убить Арсения голодом."

Перед самой смертью, он стал кричать, что желает исповедаться. Комендант разрешил отворить дверь и впустить священника, и когда тот вопел, то увидел видение мученика в полном одеянии архиерейском. Этот священник вскочил в корридор крича коменданту, что там не мужик, а архиерей. Но, когда вопел туда комендант, а за ним священник, то видение исчезло...

Митрополит Арсений исповедался, причастился и в тот же день мирно скончался, оставив по себе большую память в народе, как святого Заступника Православия.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕ-РОМАНОВЫХ НЕМЦЕВ.

В 1796 году вступил на престол сын Екатерины II - Павел I. Кто его отец - скрыто тайной. Если он сын Петра III Голытинского, то естественно он - "Петрович", но т.к. сама Екатерина имела много любовников всех наций, за исключением негров, то, вероятно, она сама не могла определить от какого "неизвестного солдата" произошел Павел. Что Петр III был задупен Алексеем Орловым, это было известно Павлу, и он естественно, считая себя сыном задупенного, по повелению Екатерины, должен был ненавидеть свою мать, однако, питать нежные чувства к Петру III у него не было тоже оснований, т.к. этот "император" был пьяница и развратник и жил отдельно от Екатерины.

Но Павла с малолетства злило царящее во дворце пьянство, разгул и разврат и каждый из чередующихся любовников-временщиков, своей наглостью возмущали молодую душу. Он рос в отравленной поплостью и развратом атмосфере и, безусловно, мечтал, вступив на престол, очистить дворец от все паразитов. Но так как мать упорно держалась за власть и абсолютно не хотела передать трон Павлу, которому уже было 28 лет, то его это упорство и все происходящее разврат матери бесило и Павел стал злым человеком.

Однако, семьянином он был примерным, имея трех сыновей: Александра, Константина и Николая. Екатерина, зная отлично, что Павел ее не только ненавидит, а даже презирает, имела намерение лишить его наследства и сделать завещание в пользу внука Александра, оставаясь при нем в качестве регентши.

И когда Павлу доложили, что мать внезапно скончалась, то он пошел в ее спальню, посмотрел на страшный труп и "на челе его высоком не отразилось ничего", и он повелительно сказал: "убрать поскорее" и вышел.

Первым его "государственным" жестом было то, что он приказал разрыть могилу Потемкина и труп выбросить на свалку нечистот, а затем начался разгон всех паразитов-окружение Екатерины. Некоторых сослал в Сибирь, других поставил в строй. Заниматься экзерциями военными он любил, принимая немецкий паблон муптры, при этом вместо замечаний он неадекватно бил не только солдат, но и офицеров своей палкой, особенно доставалось откормленным при Екатерине паразитам.

Так как казна государственная была пуста, то он уменьшил платы дворца и других учреждений. Распуценная и развратная Петербургская знать была покирована и недовольна новостями Павла. Все распоряжения и законы, выпущенные Потемкиным отменялись. Это коснулось и Земли Донских казаков.

Екатерина, по совету Потемкина, уничтожила автономные привилегии Дона, то Павел писал:

"Ктверждая совершенно и без изъятия все прежние постановления Войска Донского, намерен я сохранить их в целости для продолжения того правления, коим Войско Донское было всегда на пользу Государя и Отечества. Что же касается до вкрадшихся злоупотреблений и сделанных перемен князем Потемкиным, то вам надлежит первые искоренить, а Мне последних не апробовать, яко клонящихся всегда к истреблению общественного порядка вещей".

В то время Атаманом Дона был Илсвайский, но он умер в Москве во время коронационных торжеств. Вместо него Павел назначил Донского казака графа Ф.П. Денисова, соратника Суворова. О этом графе что-либо в российской истории трудно найти, поэтому я вкратце сообщу казакам о главном его подвиге во главе с походным войском во время похода Суворова через Альпы, для восстановления порядка в Италии, где революционная Французская армия, во главе с маршалом Массена свергали королевский режим.

Суворов совместно с ген. Денисовым репили внезапно появиться в Италии, в таком пункте, где их никто не ожидал ни Массена, ни итальянцы. И, вот, ими был выбран совершенно непроходимый путь через ущелье, внизу которого бурлила река. И когда "российское христоролюбивое войско" взобралось на вершину Альпийских гор, и увидело пропасть, то сразу же замитинговало и категорически отказалось исполнить приказ Суворова. Тогда Суворов, несмотря на

снег, разделся и приказал вырыть для себя могилу. Суворов был хороший полководец, но вместе с тем и хороший актер, хитро действующий на психологию солдат: то он кукурекует по петушину, то вместо мундира, появляется перед войском в холщевой крестьянской рубахе, подпоясанный учкуром, то присаживается к солдатам и ест с ними кашу, пытаясь из-за голяника деревянную ложку, то веселит солдат анекдотами или рассказами о военных действиях всех народов.

Атаман Ф.П. Денисов отлично знал все трюки Фельдмаршала-петуха, которого и колом не загнали бы в могилу, подошел к нему и сказал:

"А ну ка, Александр Васильевич, одевайся ка ты, а то простудился и идем к пропасти и ты посмотришь, что делает мои орлы-Донцы..."

Когда два генерала подошли к пропасти, то увидели такую картину: к громадным камням были привязаны канаты, а по ним скользили казаки с высокими кольями вниз в пропасть, глубиной в 36 метров; по дну пропасти бубежала река, через которую переплывали в ледяной воде казаки, но чтобы их не сносило течение, они держались за веревки, тоже привязанные к скалам. Постепенно на другом берегу сосредотачивалась группа бесстрашных Донцов; из них некоторые, как кошки, держа в зубах или вокруг поясов, веревку, карабкались по почти отвесной противоположной стене. Некоторые срывались и летели вниз. Ниже стоящие, упавшего в воду старались схватить, но когда не удавалось спасти, уже окровавленного от ушибов по скале, уносило бурным течением, казаки пептали: царство небесное родному Донцу Ивану Павловичу или Семену Григорьевичу и продолжали свое героическое дело.

Смотреть вниз на это зрелище было жутко... и вот, наконец, два казака, а за ними хорунжий Сазонов, появились на вершине противоположного берега с веревками в зубах. А по веревкам уже быстро поднимались и другие казаки. Протянув ряд канатов через пропасть, стали по ним протаскивать доски, бревна. Работа сапер пла быстро по устройству-переправы. Так был сооружен исторический "Чертов Мост". Около этого места и сейчас стоит памятник Суворову. Но о тех героях казаках, погибших в бурной реке и достигших противоположного берега, на памятнике... НИ СЛОВА!

И даже военная русская история не сочла нужным сказать о "каких то казачках"... Им важно воспеть только т. наз. "русских" и полководца Суворова, хотя он и скандинавского происхождения, но верный слуга царей рабовладельцев не только Московии, но и враг Польши, потопив в крови ее независимость.

Есть картина перехода через Альпы. С горы скатываются по снегу солдаты, в руках держат ружья со птыками. Тут же скатывается орудие с лошадей. Выше этих солдат, видна колонна со знаменем, а выше всего сам Суворов на коне, с непокрытой головой, в правой руке папка и он держит речь: "любезные друзья мои... Мы русские, с нами Бог! Восстановим по-прежнему /! / веру в Бога Милостивого! Очистим беззаконие /? / . Везде фронт... Равняться по передним... Неприятель от вас дрожит... Вы русские! Чудо-богатыри... Во зныцах оружьи Российскому вековечная Слава, Слава, Слава!"

О том, какая вера в Бога была у правителей России, достаточно освещено в предыдущем изложении. Какая законность в России существовала, тоже известно этим "чудо-богатырям", когда помещики насиловали дочерей и мучили братьев на борзых собаках.

И вот, эта варварская армия пришла в прекрасную Италию, чтобы "очистить беззаконие", стремление западных народов к свободе и установление свободных учреждений, а Суворов пришел "восстановить веру в Бога" и российскую законность-рабство. Что неприятель "дрожит", то это была правда в том, что как только появилась эта "освободительная российская армия", то у нее сразу же вспыхнул великий патриотизм и слава-грабить и насиловать.

Появившись в тылу армии маршала Массена, "чудо-богатыри" набросились на обозы и интенданство. Хватали все "по-хозяйски", голодные и наполовину босые. Массена, опытный полководец, искусным маневром, не давая сражения, отходил к границе Франции, а затем перегруппировались, дал Суворову бой.

Вся армия, бросая оружие, раненых, орудия, в страшной панике бросилась назад. Сам Суворов едва не попал в плен, ускакав на лошади со своим вестовым, казаком Прошкой. Но в этот трагический момент, конный корпус Донского походного войска, во главе с ген. Денисовым, пользуясь пересеченной местностью, вышел на левый фланг маршала Массены и грозной атакой врубился в пехоту противника. Было взято 2.000 пленных и 8 орудий. Атака Массены заглохнула, но он ловко свернул армию в каре и отступил. А в это время "христолюбивое воинство" со своей "Славой" неслось, перегоняя друг друга. И в этот момент Суворова не покинуло актерство: скача вместе с солдатами, он кричал: "заманывай, заманывай в ловушку", и когда он, обернувшись увидел, что Донцы Денисова врубились в левый фланг противника, то он крикнул: "ура! Мы-русские... с нами Бог!" Если бы не было Походного войска ген. Денисова, то едва ли бы Бог помог унести благополучно свои ноги "чистильщикам беззаконий" из пределов Италии.

Вот этот то "поход через Альпы" и доставил Суворову славу и по указу императора Павла, ему были оказаны царские почести, а про ген. Денисова забыли и отправили его на "покой" на Дон, лишь впоследствии имя его приурочили к одному из Донских полков: "7-й Донской казачий, графа Денисова, полк с лавровой посеребрянной лентой на папахах.

Но Денисов от должности Войскового Атамана отказался и попросил Павла назначить вместо него, зятя его с передачей ему и графского достоинства, и Атаманом на Дону появился "граф Орлов-Денисов", бывший флигель адъютант при императоре. Это был ловкий царедворец, который Донским казакам кроме вреда, ничего не принес.

Орлов вполне оправдал поговорку "что дарует царь, того не даст псарь". Указ Павла о даровании автономии он, конечно, обнародовал, что доставило удовлетворение казачьей массе, но через некоторое время, чтобы не укрепилось народоправство, он разослал по станицам свои постановления: "тех, кто будет критиковать мои постановления, не выходя со сбора, наказать на страх другим плетью". Таким образом, свободное голосование на станичных сборах было сведено к нулю. Сбор был обязан выполнять лишь повеление атамана-диктатора.

Особенное зло было проявлено при Орлове тем обстоятельством, что Донская старшина, наконец, получила жаждавшее право дворянства. Таким образом, казачья старшина одворянившись, создало сословие законных рабовладельцев. Донские же крестьяне из "малороссиян", были закрепощены при казачьих дворянах. И если до того, некоторые старшины производили злоупотребления не только к крестьянам, но и к казакам станиц, отхватывая у них земельные участки, то теперь появилось целое сословие паразитов, сплоченное жаждой наживы и почти безнаказанное за преступления, имея опору в лице Орлова и Войсковой Канцелярии, сплошь занятой дворянами.

Какие взаимоотношения новых дворян и рядовой казачьей массы, довольно обстоятельно описал академик Паллас, будучи на Дону в 1793 году. Он записал: "Преимущества и отличия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... Они основывают поселения, наполненные бродягами, привлекаемыми приманкой добычи на прекрасных землях. Они изыскивают все средства для угнетения бедного казачества, которое несет на себе тяжесть воинской службы, от коей богатые избавляются путем наемки. Казаки не получают того, что им причитается. Рождающееся отсюда неудовольствие, которое старшины рассматривают, как неповиновение и мятеж, служит для последних предлогом для еще большего сильного угнетения казачества.

Благодаря этому, народ этот, по природе своей добрый, доставляющий России великолепные легкие войска, несмотря на свою свободную конституцию, находится во все более возрастающем порабощении со стороны аристократии, своих вождей и высказывает все более отращивание к службе, в то время, как богатые и знатные живут в самой сладострастной лени и полнейшей распущенности нравов". /Pallas "Second voyage" Paris 1811, p. 217-218/.

Такое социальное положение, на когда-то свободном Дону, было очень полезно для самодержавия, которое, опираясь на дворян, да еще как бы бесплатных полицейских, проводило свои намерения использовать во всей мере Силы Казачьего народа на Дону, в смысле ограждения империи от внешних врагов, а с внутренними усердно справлялось продажное дворянство.

После разгрома Запорожья и закрепощения крестьян-украинцев, последние спасаясь от крепостного права, стали бежать с Украины на свободный Дон.

Правительство Павла зорко следило за Доном, ибо ему мерещились тени Степана Разина и Емельяна Пугачева. Так был заподозрен близкий к Павлу, полковник гвардии Евграф Осипович Грузинов. Он подвергся опале и сослан на Дон под присмотр дворянской Войсковой Канцелярии. Ему было поставлено в вину мечты о завоевании турецкого Стамбула и восстановления независимости Дона. Он был проникнут этой идеей и говорил: "почему я должен быть подданным императору? Все Донские казаки независимы от царского престола и не обязались пред ним вечной присягой, а только временной службой, т.к. казаки не подвластны царю, а потому и не подданные ему. Вступился было за отечество Пугач, но пропал. Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, то вся Россия затрясется".

В этой угрозе, конечно, не было ничего нового, это отзвук славного, но и трагического проплого Степана Тимофеевича и Емельяна Ивановича—"тряхнувших Москвой", Булавина, Степана Ефремова. Но от слов нужно было переходить к делу воплощения в жизнь своих мечтаний. Но размахнувшись то Евграфу Осиповичу и не удалось, ибо кругом его были верные холуи царя-Донские дворяне, расплодившиеся как клопы-паразиты на теле Казачьего народа.

Войсковая Канцелярия действовала чрезвычайно поспешно и холуйски угодливо. Е.О. Грузинов был отдан под суд-судей неправедных, да еще во главе Прокурора Правительства-не казака, и приговорен к наказанию кнутом нецарственно. Приговор был утвержден в форме указа Сенату:

"Исключенного из службы полковника Грузинова за измену против нас и государства повелеваем, лица чинов и дворянства, наказать нецарственно кнутом, а имение его отписать в казну".

5 сентября 1800 года, на Черкасском майдане, Грузинов "по лишению чинов и дворянства, был наказан кнутом и при том так нецарственно, что после одной изверг Грузинов через два часа лишился жизни", как сообщила во всеобщее сведение гнусная Войсковая Канцелярия дворян.

Дяде Грузинова Войсковому старшине Афанасьеву и трем казакам: Касьмину, Попову и Колесникову отрубили головы за... "недонсение". Брата Петра Грузинова-поручика гвардии, били кнутом, вырвали ноздри, положили знаки на лицо и отправили в Сибирь. Правители Дона-гнусные дворяне, превратились в обер-палачей "помазанника Божия"-царя.

Историк Сватиков в книге "Россия и Дон", писал: "нельзя не отметить безумного акта Павла I в отношении Войска: знаменитого "похода на Индию", в который он послал все мужское население Войска "о-двуконь" без плана, маршрутов, карт и провианта. Весть о смерти Павла и приказ о возвращении, застигли Донцов в верховьях р. Иргиза".

Мнение Сватикова о "безумном плане" похода на Индию, базировалось, повидимому, не на собственных исторических изысканиях, а он просто принял безоговорочно утверждение Петербургской клики, мало чему научившейся, и пустозвонной, что все, что предполагал и делал Павел, было безумно, чтобы таким образом предстать перед обществом и Западом в чистых ризах за свое кровавое преступление-убийство царя Павла.

Если бы Сватиков был объективен, то он в своих писаниях обязан был бы ярко подчеркнуть, что безумным актом был поход Петра I Дикого, который огнем и мечем покорял независимую республику Казачьего народа на Дону. Сватиков обязан был бы предать анафеме пенценосную распутницу Екатерину за ее кровавое уничтожение Запорожской республики.

Но вместо этих порицаний, Сватиков излагает свою историю, а не историю Казачьего народа, сладкими ручейками своих страниц, стараясь внушить

читателям, что Москва есть "исконная" метрополия, а казачьи республики-колонии, из переселившихся туда москвитов, а поэтому и методы, хотя порой и кровавые, управления метрополией, являются законными по отношению якобы ушедших московских людей и созданных "колоний". Какой обман в XX веке!

Лично я план Павла I похода на Индию, признаю вполне здравым для ослабления могущества Англии, захватившей богатую страну в свои цепкие руки, высасывая из нее все блага жизни. Но горе было в том, что для осуществления этого плана не оказалось надлежащих гениальных исполнителей. Сам Павел был вовсе не безумен, а стоял выше того общества, которое его окружало, в конце развращенное его "мамашей" Екатериной. Движение в светских кругах к власти, роскоши и разгулу, хотя и было еще в зародке, но уже десятком-другим высокопоставленных аферистов, хотя и осторожно, но выступали и Павел следил с брезгливым вниманием за этой внутренней нездоровой перестройкой власти правительства, сверху безнаказанной, а внизу безчеловечной по отношению к крестьянам и Павел уже знал, что от этих господ чего либо серьезного, мудрого ожидать уже нечего.

Неисмерное легкомыслие, полное отсутствие знаний или хотя бы интереса к знаниям, презрение ко всему научному, пренебрежение к литературе и искусству. Занятие большинства состояло в заглазном владении их огромными именами и разгуле и пьянству, за исключением немногих.

Отсюда начало тому "снобизму" чисто российскому, приторному, деланному с неуловимым налетом наглости и легкому в основу общего воспитания всего дворянства на протяжении всех лже-Романовских владык и появление в конце концов т. назыв. "Золотой молодежи", которую один из умных людей назвал "хамством сверху". Она и привела к собственной гибели этой "золотой", к полному духовному уродству империи.

Павел, будучи сам составной частью этого круга, решил порвать с этой порочностью, распространяя кругом себя меры наказания: увольнение от должностей, разжалования, ссылки в Сибирь и т. п., но те методы "вразумления", коими пользовались царь Иван IV Грозный и Петр I Дикий, когда головы провинившихся летели с плахи, как мыльные пузыри, уже применять было невозможно. Павел был связан духовно с лучшими людьми Запада.

В то время существовал так называемый "Мальтийский орден" общества выдающихся людей всех наций, как бы, цвет человечества по уму, дарованиям, знаниям, великим духовным подвигам, руководить упорно, ноуклонно людьми земного пара, выводя их из примитивности к высшему сознанию своего богоподобного назначения на свободной земле свободным, а не рабом.

Это общество не было то "масонство", которое в начале XIX века, восприняв некоторое влияние от "мальтийцев" - раз, единилось по государствам и стало, как бы, партийными организациями, этих отдельных государств, потеряв таким образом общий духовный ореол единой мировой организации.

Мальтийский орден, одним из высших членов которого был Павел, зорко следил за развитием народов Земного Шара и всеми мерами старался, чтобы между государствами сохранялся закон известного равновесия, не давая возможности сильным материально давить слабых. Но в эти времена Англия достигла, не в пример прочим, величайшего материального могущества, она была единственной владычицей морей и океанов, постепенно захватывая мировые порты и колонизируя народы Африки, Азии и даже Европы. Отсюда вытекало решение ослабить это могущество. Но как?

Большие люди Мальтийского ордена, беседуя с Павлом, указывали ему на созревающее нарушение закона равновесия мирового характера, также осведомляли его, что наряду с Англией, вырисовывается большая сила Немецкого народа, у которого есть то, что нет у других: упорная, почти звериная любовь к своей родине, которой нет в России, и готовность на все, ради ее будущего. Им тесно в Германии, они задыхаются в своей территории, и выход у них один, сдвинуться на новые земли, а Россия всех ближе. Остановить их может или договор или сила. Равных им по работе, упорству нет. Патриотизм у них железный и безжалостный. Чтобы остановить эту грозу, надо или открыто с ними идти и разделить с ними господство над миром или собраться с силой

и ударить. Они говорят у вас земли непочатый край, одни вы не справитесь. Вам уже привита еще от Барягов наша культура и вы перемешаны с нашей кровью в особенности в верхах и поэтому мы и вырабатываем план колонизации России. И это упорство среди студентов, мужиков, рабочих, буржуазии, профессором, учителей и императоров.

И чтобы уравновесить нарушенное уже мировое равновесие, мальтийцы рекомендовали Павлу иметь союз с Францией, но вместе с тем говорили, что Россия интересуется их сильно потому, что по их мнению, в ней лежит ключ для будущих событий мирового значения, главным образом потому, что ее пространства грандиозны, вызывающие зависть других народов, но что построение России велось и ведется не опытными руками, без надлежащей государственности, без закона, который определял бы права и обязанности граждан, а лишь чередующимися указами власти, опирающейся на силу. А власть уклоняется от основных законов строительства, которое требует сильный фундамент, состоящий из сильного народа на своей свободной коренной земле, а не на захваченной силой других земель.

Безвольный народ не может создать силу государству, а будет стремиться избавиться от опеки не мудрого правительства, разраченного предыдущим правлением.

Таким образом, для Павла вполне ярко вырисовывалась программа будущего:

1/Ослабление Англии.

2/Союз с Францией.

3/Мирные взаимоотношения с Германией, предоставив ей небольшие концессии.

4/Самое главное и требуемое громадных духовных сил-наделение крестьян землей.

Вся эта программа-мечта вынашивалась в душе Павла и выжидала своего благожелательного осуществления и он шел на это, но он был абсолютно одинок. Программа эта была против развратного окружения и была в сущности смертным приговором для мечтающего Павла, даже собственный сын Александр, под влиянием своего воспитателя графа Панина, был против "новшеств".

Составился заговор штатских и военных, во главе с Паниным и Беннгсеном и Павел зверски был убит, в своей спальне.

Скажу о походе на Индию. Павел назначил Походным Атаманом Донских 80 полков генерала Матвея Ивановича Платова, безусловно с искрой бога Марса, но всем уже известно, что носители истинной храбрости, каковым и был Платов, они думают и мечтают только о битвах и желаемых результатах, но все такие храбрецы обычно никуда негодные организаторы.

Вызванный во дворец Платов, на вопрос царя: "Знаешь ли ты дорогу к Индии", отвечал: "так точно, Ваше Величество!" И этим просто обманул царя. Правительство было против похода. Я полагаю, что для похода Павел дал Платову и соответствующие средства для совершения похода, а это в сущности было главным.

Появившись на Дону, Платов не озаботился даже о том, чтобы собрать образованных казаков, окончивших университет, во главе с историком В. Сухоруковым, чтобы изучить возможные пути следования, по имеющейся в Военной части Войсковой Канцелярии географической карте.

Сам он, в смысле географических познаний, был просто невежественным, а показать свое невежество было снижением своего достоинства признанного героя и в сущности свелось к трагикомедии. Платов командовал: "по коням" и 80 полков двинулись. Но о том, что будут есть эти кони и их всадники, он, по видимому, совершенно не думал, вероятно, уверенный в том, что "свет не без добрых людей", и куда он ведет красу Дона тоже не думал, полагаясь на то, что "язык до Киева доведет" и до Индии тоже выручит тот же примитивный, липенный знаний, язык.

И мы видим, забытые уже картины времен Батия, как величественные конные массы 80-ти казачьих полков, переправившись через Волгу, углубились в обширные пространства сплошных песков, липенных народонаселения и достаточ-

ных кормов для лошадей. Что было захвачено с собой—было съедено. А что же дальше? "Да Бог не без милости, казак—не без счастья!" успокаивал герой. А этого героя за этот только путь нужно было бы наказывать плетью, как он наказывал простых казаков за неособенно важные проступки. Если взял это направление в обход не только Каспийского моря, но и Аральского с Севера, то имея у себя "указ Российского императора" содействовать походу, то в голову этого, превратившегося в Дон-Кихота, Платова должно же было проникнуть решение еще до выступления, мобилизовать имеющийся флот на северных берегах Каспийского моря для подвоза продовольствия, а главное сушеной рыбы, от которой ломились склады, в городе Гурьев, при устье Урала. Этого не было сделано. "Вперед, родные Донцы" только и раздавалось спереди, а у этих "родных" от бескормицы падали кони, от голодания казаки болели цингой, терпели от холода, умирали, но все же шли, шли без ропота. Что же их влекло, что давало силы, какая им рисовалась чарующая перспектива?

Казаки только спрашивали: "есть ли в Индии большая река? И Платов, сам того не зная, не моргнув глазом, отвечал: "есть да еще побольше Дона!" Вот эту то "новую реку", вот эту то "иррвую землю" для "своей власти", по примеру Ермака и жаждали Донцы, которым до отращения осточертела рабочладельческая власть Москвы и Петербурга и стала презренна жадная власть продажного Донского дворянства. Чем не дальше от этих паразитов—тем лучше. "Хоть к черту на рога, но дальше от лкаянных пластей", пептали меж собой казаки.

Направление самого пути было вовсе не на Индию, а на Китай, через Киргизские степи. Ясно, что невежда в географии Платов запутался. По "распросу" местных жителей надлежало, обогнув Аральское море, повернуть на Юг, пройти Туркестан, Афганистан, а затем уже и Индия.

Но как примут эти страны: Хива, Бухара, Туркестан, Афганистан? Никто не мог разяснить беспутному Платову. А казаки все умирали, кони падали... Кое-как добрались до р. Иргиз. Напились на тоцак водички. Расположились станом. Кое-что принесли киргизы, а также в особенности Казахи—древняя ветвь древнего Казачьего народа от Кавказских гор. И, вдруг, увидели скачущих с Запада казаков с белыми значками.

"Повелеваю походному войску повернуть назад на Дон—Александр I".

Сколько погубил казаков, сколько измучились остальные по вине самоуперенного, но безграмотного географически и исторически Платова. Если он не изучал исторических походов полководца татар Сугедея, а особенно Тамерлана, который трижды прошел через Кавказские ворота, то по этому пути, прихватив Терцев, и надлежало бы идти и Платову, имея в виду, что Персия не оказала бы никакого препятствия, главным образом, потому, что казаки Донские были историческими врагами Турции, а Турция была всегдашним врагом Персии.

Идя по восточной границе Персии на юг, уже была близко южная граница Индии, непосредственно минуя и Туркестан и Афганистан, прямо к реке Инд.

Еще важно и то обстоятельство, что Англия, заняв флотом Персидский залив, высасывала соки из самой Персии. В Индии, разгромив небольшие гарнизоны Англии по Югу, восстановить дружеский, по примеру Ермака, протекторат над независимой, но уязвленной паразитарной Англией, Индией, Казачьей конной армией было бы легко. И вопрос? Пошли бы обратно с берегов громадной реки Инда и близ лежащего моря Донцы, опять под власть обр-палачей Петербурга и продавшимся ему рабски презренным дворянам? Лично я, зная дух Казачьего народа, глубоко сомневаюсь. Они остались бы на "новой земле", избавившись бы от немногочисленных при войске дворянчиков и постепенно восстановили бы свое мудрое народоправство, свой древний Казачий "Присуд"—всяк равен всякому, постепенно перевозив оставшихся жен и детей с Дона. Настала бы новая эра для Казачьего народа, куда бы потянулись по зову крови и древние Казахи.

Я люблю Платова за его безусловную храбрость, снисходительно отношусь

к его тоже историческому пьянству по пословице: "быль молодцу не в укор", но за его безмозглую гибель многих казаков, этой исторической красоты, неповторяемой ни одним народом, а также за нерассуждающую его рабскую привязанность к гнилому трону, любить Платова и прикрывать его явные грехи только храбростью, нельзя.

Мы все казаки, осуждая всех, кто делал зло Казачьему народу на протяжении его истории, должны исходить только из интересов самого народа и не останавливаться перед осуждением и своих казаков, делающих тоже зло народу, отбрасывая в сторону пословицу "свой своему поневоле друг". Только тогда посторжествует Правда!

Судьбе было благоутодно поставить царя Павла на грани двух эпох развития России. Та эпоха яркого радикального самодержавия с рубкой голов, созданная царями Иваном IV Грозным и Петром I Диким отходила на время, как бы, в вечность. Эта эпоха постепенного привития варварской стране некоего подобия законности, была понятна всему народу, что для управления народом, необходимо временами "людодержство". Эта эпоха, с приходом к власти немки женщины стала заменяться иной окраской лицемерной "оттепелью", привитии иных чужеземных влияний, что высшей задачей человека считают наслаждение и что человек создан Богом для того, чтобы пользоваться мирскими удовольствиями и таким образом Евангелие Христа, они превращают в евангелие наслаждения; бывшую же простоту жизни они считают варварством. Путеводительница этой новой линии жизни вдохнула в души высшего сословия: своеволие, праздность, жажду наживы за счет поработенного народа, разгул и разврат.

И таким образом, весь тот фундамент, который еще держался при Иване Грозном и Петре Диком постепенно выветривался, укрепить его путем предоставления крестьянству земли в личное его пользование уже было некому. И государственный дом стал строиться не только на зыбкой почве, но просто на болоте. И мы видим, как при последующих Лже-Романовых-немцах, этот Дом колебался по вине развращенного высшего класса и наконец к 1917 году рухнул в... болото!

Павел попытался было искоренить пороки общества, но пал жертвой. Пытался он также улучшить положение Казачьего народа на Дону. До него дошли слухи большого ропота простой казачьей массы о том, что в эпоху усмирения восстаний Емельяна Ивановича Пугачева, все эти "усмирители": Платов, Иловайские, Кутейниковы и прочая войсковая старшина, заняв на Дону первые места, развили громадную, колоссальную деятельность по захвату войсковых земель и заселению их крепостными соседних губерний. Екатерина оставила эту хищную старшину в полнейшем покое.

Во время атаманства Платова, дворянством было захвачено не только войсковых земель, но даже и станичных, самых лучших, свыше трех миллионов десятин.

В 1800 году Павел послал для ревизии генерала Кнорринга. О этом писал военный инженер француз де-Романо, тоже командированный Павлом для поднятия уровня столицы Дона Черкаска, ежегодно заливаемого наводнениями, так: "на встречу посланному Павлом Кноррингу, выходили толпы казаков с прошениями. Изверившись в дворянах простой казак искал защиты в царе. Кнорринг был встречен казаками, как если бы он был спасителем казачьей нации".

Все благие начинания Павла, в том же году воследним на престол Александром I, соучастником гнусного убийства своего отца, были аннулированы, к радости и удовлетворению жадных дворян.

В эпоху "лежащего" царя Алексея, в Московии жил один из высокообразованных людей Запада, великий славянин Крижанич, оставивший после себя выдающиеся труды советов, как возродить эту "Св. Русь". Он писал:

"Спроси всех королей на свете, как они понимают свои обязанности и ты много найдешь таких, которые не смогут объяснить отчетливо, зачем Бог создал на свет королей и зачем дал им власть над народами. Имят короли, что

не они созданы ради королевств и народов, а королевства для них. Они мнят, что их дело только господствовать, повелевать и пользоваться удовольствиями, а не промышлять день и ночь о народном благе. В действительности, каково бы ни было происхождение власти, она ограничена или Божьей волей или волей народа. Эти две цепи связывают короля и напоминают о его долге. Кто не заботится ни о страхе Божием, ни о сраме людском, ни о славе грядущих времен, тот есть настоящий полный тиран. Для короля имранство-такой же позор, как для воина трусость, для женщины неверность, для дворянина ложь и для богача-кража.

Наипершая причина силы государства-множество народа. Слабость государства: дурные законы и тиранство, тяжелые поборы, плохо развитое земледелие, ремесла и торговля. Богат народ-богат и король; бедный народ-беден и король. Всякий приписан к своему делу и не может оставаться праздным. Только для именитых бояр сделано исключение: после трехлетней непрерывной службы при дворе или в войске, боярин освобождается до самой смерти от придворной службы и не обязан ни приезжать ко двору, ни даже жить в Москве, если не будет вызван специально."

Разве могли вразуметь эти пожелания цари лже-романовы и все их развращенное окружение?

Решение Павла заключить оборонительный союз с Францией, тоже было аннулировано, что повело впоследствии к войне 1812-1814 г.г. и разгрому России в Крымскую войну при Николае I.

Александр I, по примеру Екатерины, ввел такой же этикет при дворе: пышность, роскошь и удовольствия в жизни. Про Индию было забыто. По совету окружения Александр спешно послал указ Платору возвратиться на Дон, так как царившая банда убийц Павла была в страхе, что уход главных сил Дона повлечет за собой агрессию Турции на беззащитный Юг.

Предназначение Павла, по совету Мальтийского ордена, было известно императору Франции Наполеону, тоже члену ордена и он напомнил о этом Александру, предлагая братский союз Франции и России. Во исполнение этого, эти два императора с, ехались на свидание в г. Тильзите на р. Немане и подписали временный договор, в котором значилось непременно условием всячески содействовать ослаблению могущества Англии, нарушавшей закон равновесия.

После этого "братского" свидания, что же делает лицемерный Александр I? Он посылает своего доверенного в Америку и предлагает одному из видных генералов генерального штаба Франции Моро, прибыть на службу в Российскую Армию. Этот ген. Моро был главой заговора на жизнь Наполеона. Впоследствии этот генерал, обласканный Александром, служил в армии, содействовал всячески ослаблению престижа Наполеона и был убит в сражении у Аустерлица.

Чем же ознаменовалось царствование Александра на Дону? Казаки добивались от каждого нового монарха подтверждение своих исторических прав.

30 августа 1811 года, только на одиннадцатом году Александр удостоил Дон "грамотой": "на Дон, в нижние и верхние юрты нашим /1/ атаманам и казакам, войсковому атаману ген. Платору, правительству Войска Донского и всему оному знаменитому войску, нам верноподданному /1/ в довершение Всемилостивейшего благоволения /1/ своего к Донскому Войску. Мы подтверждаем все права /1/ и преимущества, в Бозе почитающими /1/ в том числе убитого Павла, прим. мое /1/ Высочайшими Предками Нашими ему дарованные /1/, утверждая Императорским словом /1/ нашим не нарушимость настоящего образа его служения, толикого славою покрытого, неприкосновенность всей окружности его владений /1/, со всеми выгодами и угодьями. Грамотой 27 мая 1793 года утвержденною и кровью отцов его приобретенною".

Грамота блещет лицемерием. Автономия Дона, возрожденная Павлом, была аннулирована. Земли "кровью отцов приобретенные", как то Приазовье и отторгнутые Петром I Диким: Бахмутский уезд, Богучарский, Ново-Хоперский, Царицынский не были возвращены. А 27 августа 1810 года, было повеление таково:

"Войско Донское, в воспоминание высокомонарших милостей /1/, ему дарованных, продолжало делать по древним своим обычаям церемонию единожды в год,

в день св. Александра Невского/1/составлением воинского Круга с выносом регалий и вычетом в оном Круге Высочайших грамот-привилегий/1/Войска, за отличную службу оному дарованных".

Это "повеление" ни что иное, как грубое издевательство над великим достоинством Казачьего народа. Какое отношение имени любимца татар Александра Невского к празднеству казаков 10 октября по случаю разгрома Турецкой армии под Азовом, в честь Пресвятой Богородицы и ставить прислужника татар Александра Невского выше Богоматери лишь за то, что он, при помощи татарских войск, поработал финские племена, было просто кощунством. А снижение древнего Круга до какого то "воинского круга", лишенного абсолютно народовластия, было грубое оскорбление.

В 1812 году Дон был подчинен "по монаршей милости" военному министру. Чтобы иметь представление о положении дел на Дону, приведем воспоминания инженера-француза А.А. де-Романо:

"У казаков Войсковой Атаман имеет все преимущества. Он-военный и гражданский правитель. Резиденция его почти в 2.000 перст от метрополии. На подобном расстоянии деспотизм развивается, голос Истины подавляется или отклоняется от должного пути так, чтобы он не достиг цели. Недовольство казаков атаманом не могло достигнуть трона/да и трон то порочен-мое/. Атаман мог послать на военную службу вне очереди, отнять землю. Бедные рядовые казаки, составляющие истинную основу этой нации, выпрашивали оружие и снаряжение по станице, не имея ничего этого, в то время, как все имущество, скот, земли были поглощены весьма ограниченным числом старшин. В массе Казачий народ подавлен нуждой, в которой он находится, в то время, как несколько десятков богачей все поглотили и присвоили себе крестьян, лучшие земли, самые выгодные берега рек и притоков, одним словом, все возможности и всю власть. Полная невозможность довести до трона о недовольстве казачьей массы: этому способствуют отдаленность края от имперской столицы и боязнь бессильного атамана, который мог сделать каждого Донца несчастным на всю его жизнь, даже людей из лучших фамилий.

Несмотря на все затруднения, чтобы уведомить Государя о недовольстве этой нации, горечь продолжает нарастать, чтобы пролиться в удобном случае, каковым явился бы проезд ревизора, всегда ожидаемого. Голос казаков должен был дойти до царя, иначе возможен взрыв, который разрушит то, что кажется наиболее непоколебимым".

Проспеционный де-Романо недостаточно, однако, исследовал верхи то трона и если бы и возник "взрыв", то тот же царь прислал бы регулярные войска для подавления этого возмущения. А покровительствующее Платовым дворянство усиленно покупало на Уршпинской ярмарке крестьян по 160 рублей "за штуку" и заселяло их на захваченных землях.

Сенатор Екнич доносил Александру: "помещики Рязанской и Тамбовской губерний, забыв священный долг свой и правила чести, отправляли на Уршпинскую ярмарку крестьян и крестьянок, часто в оковах, где и продавали их по одиночке Донским казакам/чиновникам/, ибо они одни имели право покупать людей, продавали вместе с товаром, подобно бессловесным скотам: прибыток постыдной сей торговли столь сильно погасил в сердцах помещиков всякое чувство человеколюбия, что дети, лишаясь отцов и матерей, влекутся на жертву покупателей, а последние остаются стенающими у прежних помещиков".

"За такой торг, нетерлимый в благоустроенном/1/государстве", писал Александр, помещику Головину "объявить высочайший выговор в присутствии дворянства" и только!

Да, собственно, какое дело царственному "помазаннику Божьему", немецкого происхождения, до каких то потных, донских крестьян-мужиков, коих должно резать или отручь, наследство их из рода в род-ярмо с гремушками и бич", как писал Пушкин. Тогда, как кругом, во дворце пышность, роскошь, балы, рауты, яства, вина, цветы, бриллианты, музыка, порхают полные прелести и очарования фрейлины, во главе солнечной красотой молоденькой обаятельной Нарышкиной, прелести которой так услаждают тело венценосного развратника. Другое де-

до, если бы на ярмарках продавали немцев, то Александр по зову крови, как немец, вознес бы свой царственный голос и даже заговорил бы о "культуре и цивилизации", а разбирать дела о каких то немых мужиках это дело не царя, а урядников.

При Александре началась эра, воплощенная его "бабушкой", когда под видом начинавшегося равноправия и свободы любви, были сорваны с женщины все поэтические покровы невинности и стыда и пироким грубым жестом, пырнули современную даму и барышню, надупенную, обнаженную или раздражающе полуодетую на постель, обрекли их отдаваться за туалеты, за бриллианты, за веселую жизнь.

О самоуправстве на Дону Платова, рассказывает виднейший из Донских генералов А.К. Денисов:

"В 1805-1806 г.г. Платов, уезжая в Петербург, назначил его "начальствующим над Войском Донским наказным атаманом, вопреки его протестам. Пришлось в 1807 г. просить высочайшего разрешения уйти в действующую армию, чтобы избавиться от "наказного атаманства".

Проект инженера де-Романо о повышении уровня Черкаска не встретил поддержки в Платове. Он решил перенести столицу на высокий голый бугор на Куричьей балке, обуреваемой со всех сторон сильными ветрами, но поближе от своего имени. Тогда как логика сама указывала перевести столицу Дона в станицу Аксайскую, на слиянии Дона с Аксаем и на торговом прямом тракте, соединяющем Москву с Кавказом через Ростов.

В 1805 году на бугре возник чахлый во всех отношениях Новочеркасск, жители города не призывались на Бойковой Круг и таким образом воспоминание о былом Казачьем народоправстве теряло свой обаятельный образ.

Борьба с расколом при Александре продолжалась: "ослушников с Дона высылали в Финляндскую и Олонецкую губернии, дети от них отбирались и мальчиков отправляли в гарнизонные школы, а девочек - в монастыри. Священники староверы лишились священства; есаул Котельников был лишен чина, а за его порицание священников-никонцев предан суду и сидел 4 года в тюрьме, а затем заточен в Шлиссельбургскую крепость, вместе с замужней дочерью, а затем в Соловецкий монастырь, где сошел с ума от тюремной жизни и умер. Это был образованный офицер, оставивший после себя труды по статистическим описаниям.

Экономическое положение Казачьего народа резко ухудшилось. Снаряжение за собственный счет на военную службу отягощало бюджет казака. Население Дона вследствие войн на всех фронтах, сильно уменьшилось.

Участие в так называемой "Отечественной войне", совсем обескровило Казачий народ на Дону. С Платовым ушло 82 полка, из них 60 полков погибло на полях сражений, а возвратившиеся 22 полка перераненные, ослабевшие застали на Тихом Дону плач и смятение, лучшие земли были разграблены дворянами, которые не шли на военную службу, нанимая за себя бедных казаков.

Война между Францией и Россией возникла исключительно по вине Александра. Он нарушил Тильзитский договор; заранее продал Англии кровь русской "серой скотины" для продолжения роскошной жизни Петербурга, спровоцировал против Франции родственник ему по крови Немецкий народ, а также Австрийский народ, что заставило Наполеона занять своими войсками эти государства Германию и Австро-Венгрию. На стороне Франции осталась лишь верная Польша, хотя и управляемая великим князем Константином, который был против авантюры Александра. Попытка Наполеона склонить Александра на путь, предначертанный Мальтийским орденом и постараться ослабить Англию, т.к. она причиняла большой вред Франции, ни к чему не привела. Эвения английским золотом, Александр возмечтал о всемирной славе. Наполеон вовсе не мечтал завоевывать Россию, но решил наказать лицемера и предателя Александра, и Европейская война началась.

О героических подвигах Донского походного войска, во главе с Платовым, в русской повинистической истории умалчивается, как будто казаков в войне не было. Громадную роль Казачья армия выполнила прикрытием восточной русской

армии, начиная от берегов р. Немана у гор. Ковно, способствуя соединению 1-й армии Барклай де Толли и 2-й армии князя Багратиона. Впервые силу казаков Наполеон почувствовал у местечка Мир, где Платов, применив древний рассыпной строй, т. назыв. "вентерь", с обхватом флангов противника и одновременным ударом с фронта. Под Миром была разгромлена конница поляков и конная дивизия маршала Мюрата, с захватом знамени и пупка. Русские армии все время отступали, давая лишь арьергардные бои. Платов, спасая арьергарды, мотался по всему фронту; наконец, видя неспособность руководить армиями Барклай-де-Толли, наговорил ему дерзости и с горя запил, и был отрешен от командования Казачьей армией. Уезжая с фронта, он по дороге встретил князя Кутузова, который ехал принимать должность главнокомандующего. Увидя Платова, князь крикнул: "куда ты едешь Матвей Иванович? - В отставку - грустно ответил Платов. - За что же тебя отрешили? - За пьянство! - Ну, садись со мной в коляску, пьян да умен, два угодыя в нем! Поедем исправлять ошибки Барклая."

Кутузов дал генеральное сражение Наполеону на полях Бородино. Войска, воодушевленные приездом Кутузова, оказали серьезное сопротивление, но все редуты были разгромлены французами. Дело обороны склонилось к катастрофе и окончательного разгрома русской армии. Но в этот трагический момент, Платов, стоя на правом фланге, применив пересеченную местность, скрытно ударил на левый фланг Наполеона с обхватом тыла. Казаки, увидя обозы, ринулись на них. Клубы пыли, крики понеслись по полю. Наполеон, был в то время на левом фланге и, увидя несущуюся казачью конницу, со своим штабом ускочил к середине своей армии, отдал приказ прекратить дальнейшее наступление. Наступала ночь. С утра Наполеон предполагал начать снова атаку, но Бородинские позиции оказались пустыми. Кутузов узнав о больших потерях, под покровом ночи, приказал смело отступить к Москве.

Как же ура-патриоты списывают эти жуткие моменты последних Бородинских схваток. Во первых, они совершенно умалчивают о атаке Платова на левый фланг Наполеона и на обозы, где попал даже в плен к казакам повар Наполеона и некоторые чины интенданства. Умалчивают и о том, что Наполеон приказал остановить наступление до следующего утра. И рисуют для прославления "христоролюбивого воинства" так: "когда редут генерала Раевского был разрушен и взят маршалом Коленкурром, то, видя трагическое положение, начальник штаба ген. Ермолов остановил отступающих солдат, крикнул им: вперед! и стал бросать в толпу солдат пригоршней георгиевские кресты; солдаты воодушевившись ринулись в птыки и отбросили Коленкура".

Где, когда, во всех армиях Мира, начальники штабов во время птыковых атак, таскали за собой мешки орденов, чтобы их пригоршнями бросать в толпу солдат, это просто высосанный из пальца ложный вымысел, обычная "клевка" похвальбы, недостойная серьезного внимания.

Русские коммунисты, следуя примеру своих предков, московских лжецов историков, в учебнике истории СССР, предназначенной для их молодежи, будущих граждан, говорят о Донских казаках, что они в войну 1812 года, выставили только 7.000 казаков и дали еще 150 человек партизан, больше о них ничего не сказано. Но Платову, Казачьему вождю, прославившемуся на весь Мир, места в учебнике СССР не оказалось. Перечислены лишь герои: Кутузов, Барклай, Багратион, Давыдов, Дохтуров, Раевский и партизаны: Фигнер, Сеславин и даже старостиха Василиса Кожина. А о казаках опасных совершенно разгромленную армию Кутузова при Бородино, оставшуюся без снарядов и орудий, потому что они были захвачены французами 25 и 26 августа, абсолютно умалчивается, сказывается историческая казачофобия "великороссов".

Какое же количество воинов дала вся страна Россия? 300.000, из них участвовало в сражении при Бородино 112.000. А сколько же участвовало Казаков в этом сражении? - 45.000, - это от одной лишь "губернии". Такой колоссальный процент - ясный показатель величайшей напряженности сил Дона.

А по имя чего? Чтобы от Правителей России получить черную неблагодарность!

Перейдем к цифрам. Казаки ген. Платона за кампанию 1812 года взяли трофеи: 10 генералов, более 1.000 офицеров, 90.000 солдат, 546 пушек, 30 знамен, свыше 60 пудов серебра/пожертвовано Казанскому Собору в Петербурге/, 11 пудов пожертвовано Донскому монастырю Платовым, а для Донского Собора-нуль!

Проводить дискуссию с "великоросскими" повинистами бесполезно, а поэтому приведем мнения самой же тогдашней власти: - выдержка из письма царя: "8.1.1813 г. Граф Матвей Иванович! Вы собственным Вашим лицом и вообще все Донское войнство многоучаствуете в славе истребления врагов и в спасении от них отечества. Заслуги Ваши и подвиги подначальствованных Вами казачьих войск пребудут незабвенны/!/. Имя их сделалось страшно неприятелю Александру".

Письмо главнокомандующего Барклая де Толли к ген. М.И. Платову:

"Милостивый Государь мой, в сие достопамятное время не было ни одного случая, где бы герои Донские не блеснули и подвигами военными и подвигами патристическими; не было битвы, где бы они не восторжествовали; не было трудов, которых бы не преодолели; не было нужд, кои бы они не перенесли, и почитаю лестным в память потомства, что я имел честь быть свидетелем достопамятной службы их на пользу своего и чужих народов. Брюссель 24.6.1814 г. граф Барклай де-Толли".

Граф Бенкендорф писал: "Когда изучают кампанию 1812-1814 г.г., то беспристрастная справедливость заставляет признать, что непрерывные услуги, оказанные Казаками, много превосходят то, что могли ждать от них. Вследствие трехлетних сражений и злоупотреблений/подч. авт. письма/, о которых было уже отмечено, самое большое 12.000 из этих воинов увидело свою родину, это были остатки от 82 полков".

Интересно отметить и то обстоятельство, что для собственной охраны Александра было поручено Донским казакам охранять, в лице лейб-казацкого полка, - "великороссам" сам царь не доверял.

Переводчик-француз докладной записки графа Бенкендорфа на имя Александра, изданной на французском языке, под названием: "Des Cosaques et de leur utilite a la guerre"/Казаки и их использование в войне/: "пытались внушить презрение к Казакам, но тем не менее принуждены были признать, что Казаки мощно содействовали разрушению самой грозной и самой опытной в войне Армии. Достаточно только прочесть военные сводки за 1812, 1813 и 1814 г.г., чтобы убедиться в этом, даже не считаясь с тем, что сводки эти часть правды замалчивали. Я всегда испытывал желание", пишет Бенкендорф, "отдать справедливость, которую это неоценимое войско заслуживает. Великороссийское же офицерство распространяло про Казаков, что они способны только к грабежу и к преследованию неприятеля и что они даже рождены без храбрости/!/. Эти офицеры достойны презрения, как "декламаторы".

Разрушение армии Наполеона производилось главным образом Казаками, т.к. русская армия шла только следом, не вступая в бой с французами.

Начальник Штаба Наполеона, генерал Моран говорит, что "Казаки для защиты России сделали больше, чем вся ее армия". /Приходится пожалеть/.

Это подтвердил и сам великий полководец Наполеон, сказавши:

"Дайте мне Казаков и я завоею весь Мир".

И от этого, безусловно, ничего бы Мир не потерял, ибо Наполеон был сыном революционной Франции с идеей возродить народы к просвещению и искоренению рабства. Судьбе было благоугодно, чтобы этот "Мир" погубил гениального человека, а вручил продажным развращенным пепкам гасителям свободы народов Запада и Востока.

В библиотеке в Париже, во Франции, существует книга, написанная виднейшим французским кавалерийским генералом де Брак. Этот доблестный генерал писал:

"Упоминая о Казаках, я указывал вам на них, как на совершенный образец. Я снова подтверждаю то, что было сказано мною раньше. Некоторые офицеры, не участвовавшие в войне или участвовавшие в ней на аванпостах, считают

своей обязанностью презрительно отзываться об этой кавалерии, — не верьте им! Неоправданность к своему противнику есть всегда дурная и ложная политика, и лучший способ для обогащения себя боевыми знаниями заключается не в злословии, а в наблюдении. Спросите мнение, составленное о Казаках нашими военными знаменитостями, каковыми являются маршалы: Моран, Ляллеманг, Писсол, Кольберг, Ламарк. Спросите наших неустрашимых командиров: д'Омения, Фаринс, спросите настоящего боевого офицера, и они скажут вам, что легкие кавалеристы, подобно казакам, окружают свою армию бдителей и непроницаемой сетью и, защищая ее, вместе с тем утомляют неприятеля, постоянно нанося удары и лишь редко сами подвергаются им.

Ла-Валетт писал: "Казаки были оружием, которое делало войну чрезвычайно опасной, в особенности для офицеров, назначенных на рекогносцировки."

Многие из них и преимущественно офицеры генерального штаба, предпочитали доставлять свои рапорты, основывая их на показаниях крестьян, чем подвергаться вдали нападениям казаков. Таким образом, император уже не мог знать Иотини.

Вы видите, что гений императора парализуется деятельностью Казаков.

Генерал Морат говорит: "но эти конные народы, не знают ни правильных подразделений на части, ни равнения, не знают вообще столь высоко ценимого порядка и стройности. Они/Казаки/вздят, прижав колени к лошади, ногами упираются в стремя, как опору при рубке так, что они могут наклонять корпус вперед для нанесения удара и отшатываться назад для избежания последнего. Лопади их, приученные так, что могут с места броситься в карьер и сразу же остановиться на карьере, углубляя их лопкость и как бы составляют с ними одно целое. Люди эти казаки постоянно бодрствуют, двигаются с замечательной быстротой, имеют ограниченные потребности, а в их умах зарождаются одни лишь воинственные мысли."

Казаки, нашествие которых обозначалось страшными опустошениями и которые, быть может, в скором времени изменят участь многих народов".

Погубили эту красоту цари, их развратное окружение и казачье дворянство.

Ген. де-Брак продолжает: "движение великой французской армии было замедлено Казаками; отрезав ее от всякой помощи, они беспрестанно с остервенением нападали на ее фланги, подобно рассерепершим пчелам, бесчисленные уколы коих замучивают и обессиливают льва."

Какое чудное зрелище представляла наша европейская кавалерия, раскинутая свои линии на берегах Немана, блистающая сталью и золотом на солнечных лучах июньского солнца и сияющая пылом и храбростью! Какое горькое воспоминание оставили по себе те бесполезные, истощавшие ее маневрирования, которые она употребляла против Казаков, прежде презираемых, но сделавших для спасения России/а для своей гибели/больше, чем вся армия этой империи. Ежедневно показывались казаки на горизонте, растянув свою линию на громадном пространстве, а их лопкие наездники смело подскакивали чуть ли не к самым нашим перенгам; мы строились, шли на эту линию, но когда уже совсем подходили к ней, она исчезала, и на горизонте снова виднелись одни лишь березы да сосны, но час спустя, когда лошадям уже дан был корм, атаки Казаков начинались снова. И таким образом, самая лучшая, самая храбрая кавалерия наша была замучена и изнурена людьми, которых они не считали недостойным для себя противником, но которые между тем одни могли спасти государство, напередке в них истинную опору и единственных освободителей. К довершению нашего огорчения нужно прибавить, что наша кавалерия была многочисленнее Казачьей, она была поддержана самой легкой и доблестной артиллерией, составлявшей ужаснейшее из когда либо существовавших орудий смерти, кроме того, следует заметить, что ее начальник-образец храбрости — поддерживает каждое свое движение самой неустрашимой пехотой. И, несмотря на это, Казаки возвратились, покрытые Славой, с богатой добычей на плодородные берега Дона, между тем, как поля России были усеяны трупами и оружием наших воинов, столь доблестных, неустрашимых и столь преданных славе

нашего отечества; вот что значит организация, вот в чем заключается тайна побед Чингис-Хана и Казаков! Генерал де-Брак."

Когда читаешь кристально-прозрачные строки благородного и доблестного "врага", то невольно проникаешься к нему чувством братского уважения, и в свете его рыцарского благородства душа проникается человеческой любовью к окровавленной прекрасной Франции-светочу великих идеалов, и вместе с тем растет чувство негодования и презрения к "великорусскому" офицерству за его гнусную ложь в адрес красоты Дона Казачьему народу.

Конечно, просвещенный генерал де-Брак все же не углубился в изыскание Истины о том, что двадцать два полка из 82-х возвратились без всякой богатой добычи потому, что ген. Платов передал ее жадному Петербургу и что Казаки возвратились на свои самые худшие участки земли, а лучшие были расхищены дворянами, и что за великие подвиги лицемерный царь Александр лишил Казаков Дона прав древнего самоуправления, приолав своих комиссаров расхищать вместе с дворянами Казачье добро.

А если и бились казаки с достойными французами, то только, чтобы не помрачить свою древнюю Славу. Казачья слава была идеалом всей трехтысячной жизни Казачьего народа, который не создавал себе богатых дворцов, музеев, предметов искусств и пр., но честь и славу ставил выше всего.

Кто же остался в выигрыше из этой мировой бойни?

В громадном выигрыше оказалась, не пролив ни единой капли крови, богатая владычица морей Англия, кровью казачьей, проданной за золото Александром, достигшей апогея могущества.

Выиграли ли что либо Казаки из этой войны? Нет, они только проиграли, погубив массу своего Казачьего народа с Дона.

А царь Александр I, набив карманы английским золотом, живет в свое удовольствие, забыв совершенно о нуждах своего народа. Красота Нарышкиной и других, после недолгой разлуки, еще более обольстительнее стала, пиры, танцы, музыка, вино, разврат... пока не наступит скорая мифическая смерть в Таганроге.

До некоторой степени, по окончании войны с Наполеоном, достаточно посеялся и граф М.И. Платов. "Благодарная" лицемерная Англия пригласила его воина всемирной славы быть гостем великой Англии. Поехал Платов вместе с неразлучным во время всех походов урядником Землянухиным, а этот действительно герой-богатырь, никогда не разлучался со своей пикой, на коей было немало зазубрин от папечных ударов французских кавалеристов.

Так и стоял Землянухин на палубе английского корабля со своей пикой, время от времени, потягивая виски, подносимых стаканов дежурным по кораблю.

Высадившись на берег нашим героям была подана королевская карета, запряженная цугом белыми лошадьми. Карета была крытая. Внутри уселись Платов с Премьер-министром, а для Землянухина, который обязан быть неотлучно от "Матвея Ивановича", как он величал полук генерала, с пикой, являлось затруднительным, но сметливый урядник вышел быстро из положения: наклонив пику в открытые дверцы, он проткнул пикой верх кареты и дажно уселся сзади высоких господ. Английская публика, собравшаяся на берегу, разразилась громом рукоплесканий и криками "окей Казак!"

Были торжественные обеды, ликования многочисленных толп народа, беседы с высокими людьми Лондона. На одном из пиров, подпив "маленько" Землянухин, сочным баритоном, знаток пения, затянул: "Поехал казак во чужбину далекую, на своем верном коне верном". Англичане в восторге прили в такой азарт, что рукоплесканием и овациям не было конца. В общем казуня не ударила лицом в грязь, а стала выше толпы.

Провожали гостей многочисленные толпы народа. Героям были подарены две коляски на рессорах, запряженных прекрасными лошадьми. В коляску к Платову села, влюбившаяся в него одна "лэди", а к Землянухину - другая. И так наши герои, не спеша ехали по всей Европе, попивая заморские вина, но больше их тянуло к... водке; в расходах не скупились, получили от Английского каз-

начейства "начай" за пролитую алую кровь Казачьего народа.

Платов привез, к своему стыду, "лади" в столицу Дона Новочеркасск, омрачив патриархальный образ жизни народа. Землянухин тоже привез свои "кравы" в станицу, но жена, увидев "срамоту" мужа и позор своих детей, не растерялась, схватила кочергу и с криком: "вон из моего куреня, шкура барабанная", выгнала ее за ворота. Пытавшийся Землянухин защитить "несчастную", получил такой удар Палагеи Филипповны кочергой по голове, что сразу выскочила шишка в гусиное яйцо величиною и, похмелье разом исчезло, страсть утихла и он почувствовал, что в станице не исчез "Донской Присуд".

Впрочем, Дон простил Землянухину его неверность супружеского обета за его храбрость и за его любовь к своей пике. Эта пика для назидания военным поколениям, хранилась на видном месте в Новочеркасском военном училище. Многие Дон простил и Атаману Платову, способствующему всемирной Славе Казачьего народа, но расхищение народной, густо политой Казачьей кровью земли, простить не мог ни при жизни, ни после смерти. Обогащать и без того разжиревших дворян, в то время, как народная масса, доведенная военной службой за собственный счет до крайней бедности, было просто преступлением.

Все же, не только казачьим офицерам, но и неказачьим, за исключением "великороссов" - повинистов, при изучении войны 1812 года, ярко бросается в глаза то обстоятельство, что князь Кутузов, отступив от Бородино, абсолютно не стал защищать Москву и даже запретил оставлять в ней какие-либо воинские части. А повернув от Москвы на Юг, в течении долгого времени не проявлял никаких военных действий, жестоко осуждая горе-патриота пьяного градоначальника Растропчина за его гнусный приказ сжечь Москву.

Больше того, когда ему досаждал Платов атаковать Наполеона около Москвы, Кутузов оставил его не у дел и отослал его на отдых на Дон. А когда Наполеон двинулся на Запад, то Кутузов не спеша, двигался вслед, не давши ни одного сражения до самого Вильно. Чем это объяснить такое, казалось преступное бездействие, тем более, что неслись повсюду слухи об "измене" Кутузова?

Князь Кутузов был одним из просвещенных людей того времени, он был видным членом тайного Мальтийского ордена, таковым же членом был и Наполеон. И они оба ясно понимали, что для политического закона равновесия, нарушенного богатой Англией, надлежал прочный союз Франции с Россией, и договор Наполеона с Александром в Тильзите, Кутузов приветствовал.

Когда же Александра охватила мания величия стать победителем гениального полководца и заслужить перед толпой всемирную Славу, то он провокационно развязал войну, продавшись Англии, то Кутузов безуспешно пытался отвести эту преступную авантюру. И когда армия стояла в бездействии, прикрывая Южные дороги на Тулу и Калугу, то в переписке с Александром, Кутузов вновь напоминал, что разгром Франции приведет к еще большему могуществу Англии и что отразится губительными последствиями для самой России, ибо поставив на колени Францию, гордый Альбион все свои сильные денежные средства направит на полное обезсиление России, подкупая Польшу, Венгрию, Турцию и Кавказ. Это предвидение Кутузова вполне оправдалось, когда русские войска в Крымскую войну были разгромлены союзниками во главе с Францией при Николае I. И поэтому Кутузов советовал Александру не идти на поводу Англии, а предложив Наполеону отойти без боев до Ковно, заключить почетный мир, т.е. вернуться к эпохе Тильзита.

На этот благой Совет, Александр ответил чрезвычайно глупым мальчишески задорным манифестом о том, что он, "Самодержец Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский и пр. и пр. отпустит бороду, отступит даже с армией в Сибирь, но не заключит мир с Наполеоном".

Таким образом, для русской армии была поставлена альтернатива: или идти в Сибирь за царской бородой или бесплодно, претерпевая жестокие морозы, превратиться в царскую парикмахерскую.

Наполеон, безусловно, знал о мыслях Кутузова и решил спешно идти к западным границам России, надеясь на мир для обезсиления предательской Англии.

Александр принял командование над армией. С ген. Орловым-Денисовым он прислал Платову инструкцию "денно и ночью преодолеть раненого льва Наполеона".

В г. Вильно произошло свидание Александра с Кутузовым, при котором заввавшийся Александр оскорбил умнейшего фельдмаршала. Хроника говорила, что Кутузов якобы, простудившись-умер в Вильно, но та же хроника указывала на присутствие у постели простудившегося обер-медика царя...

Уже, будучи в Париже, Александр понял свою роковую ошибку, продавшись Англии, после своих бесед с мальтийцами, членом которых был также Александр, и поэтому он приказал все захваченное оружие вернуть Франции и никакой контрибуции на французский народ не налагать. Мрак души охватил Александра. Тень убитого с его соучастия отца Павла, тень оскорбленного им Кутузова, умирающая его жена от скорби за его распутство, все это наложило свою печать на его красивое лицо. Последний его жест был поехать на воды в Таганрог и утепить там находящуюся жену, чтобы мифически исчезнуть со страниц истории.

ДОНСКОЙ АТАМАН АНДРИАН КАРПОВИЧ ДЕНИСОВ.

Генерал-лейтенант А.К. Денисов-соратник походов Суворова, являл собой полную противоположность неугомонному и порой несправедливому Платову. Поскольку последний старался подвести Дон под обще-имперскую политику и ее законы гражданского управления, Денисов по своему образованию, уму, демократическому самосознанию и любви к историческому прошлому своего Казачьего народа, стоял несравненно выше Платова.

Он болел душой при созерцании постепенного ухудшения положения Дона. И когда 70.000 казаков с Платовым ушли к Ковно, то он, чтобы утепить народ, стал объезжать грустные, осиротевшие станицы и как он в своих записках писал: "дабы в оных поселить хотя бы некоторое утепление, потому что оставшиеся-сущие старики, жены и дети-наполняли воздух стенанием и плачем".

В 1818 году граф М.И. Платов умер. На место него Александр I назначил А.К. Денисова Атаманом Дона.

Перед Денисовым стояла жгучая нетерпящая проволочки задача создания твердой правовой организации, восстановления расхищенной земельной собственности народной земли дворянами, с которыми у казачьей массы стали отношения обостренные.

Нужно было размежевать земли казачьих станиц с населенным крепостным крестьянством, упорядочить наряды на службу. Каждый начальник делал по своему. Некоторые старались вводить даже армейские построения и обмундирование, возникал армейский "цук" на вытяжку, поворот на 180, узкие мундиры. Казаки роптали, что их учат "не по древнему"... Имея все это в виду, Денисов послал доклад о создании Комитета из 4-х членов, для выработки правовых законных норм.

Александр дал свое согласие, но прислал на Дон своего генерал-адъютанта Чернышева и в помощь ему гражданского чиновника статского советника Болгарского. И действительно Чернышев громил донских дворян и доносил царю, что "Донской народ/он называл казаков народом/угнетен беззакониями всякого рода и что этот народ полагает всю свою надежду только на нас" /т.е. на Чернышева и Болгарского/.

И в то время, как Чернышев выступал в роли защитника рядовых казаков, член Государственного Совета генерал-адъютант Васильчиков писал:

"Несогласие, ныне между донскими дворянами и казаками существующее, по мнению моему, полезно для правительства; напротив, как единодушие в войске, столь многочисленном, необразованном/и/и отдаленном от должного/и/наблюдения, может иметь невыгодные последствия..."

Среди Казачьего народа создалось расслоение социальное в смысле землепользования и сословное на дворян и простых, некогда единого. Самодержавие, умело пользуясь этой рознью, парализовало стремление к единству, которое

могло бы стать опасным для рабовладельческой России. Даже казакофоб поляк Броневский, в своей "Истории Донского Войска", назвал дворян "даровыми полицеймейстерами".

Учреждение Комитета Атаманом А.К.Денисовым, вызвало страшное негодование всего донского дворянства, которое начало искать поводов к уничтожению Атамана Денисова. Посред напли. Так как войсковая казна, после опеки ее дворянством во главе с Платовым, оказалась пустой, то чтобы ее пополнить, Атаман Денисов сдал на откуп винную монополию, существовавшую от 1775 до 1800 годов и понеслись грязные доносы в Петербург на честнейшего и чистейшего дупей Атамана А.К.Денисова, со стороны гнусных дворян. По поводу этих доносов, царь писал: "Уверен в том, что Вы, как начальник в Войске, не позволите распускать неправых толков людям неблагонамеренным внушениям об истинной цели занятия Комитета, Вами учрежденного и мною утвержденного".

И Александр продолжал: "Я не могу не поставить Вам на вид множество жалоб об постоянном управлении Войска Донского, доходящих к Правительству от крестьян, поселенных на войсковых землях. Жалобы сии, вероятно, происходят от жестокого обращения с ними помещиков и непомерного их изнурения работами. Я надеюсь, что Вы искорените это зло и займетесь в Комитете рассмотрением оного".

Какое же, однако, лицемерие царя: он же учредил дворянство, он же дал право этому дворянству покупать крепостных по 160 рублей "за штуку", он же разрешил поселять этих крепостных на похищенных войсковых землях. А Денисову, не имеющему прав разогнать эту дворянскую банду или даже лишить их дворянского сословия, глава государства указывает "искоренить это зло", т.е. превратить злодеев в ангелов. Атаман произвел следствие и донес, "что крестьяне не изобилуют хлебом, но бедности нет, и что крестьяне впали в бедность от лености и пьянства: на господ же они работают только три дня".

Получив рескрипт от Александра о доносах и крестьянах, Атаман А.К.Денисов, повидимому, чтобы вскрыть всю лицемерность правительства, разослал копии этого рескрипта по станицам, как и полагалось это по древним обычаям. И восстание крестьян, поверивших, что о них беспокоится сам "царь-батюшка", поднялось почти во всех местах их расселения по дворянским именьям.

Чернышев ввел регулярные войска в пределы Дона и жестоко подавил восстание, ему чрезвычайно усердно оказывали помощь донские дворяне.

В своем последнем рескрипте, на имя Атамана А.К.Денисова, этот "Маккиавели" обвинял Атамана: "огласка в непристойном пиде Указа моего от 10 декабря 1819 года, было главною причиною столь необычайного развития духа неповиновения и своеволия между помещиками и крестьянами и слабости мер против сего зла падают на Вашу ответственность, а также Вашу борьбу в Комитете за простое казачество".

Итак, для Петербурга напелся "козел отпущения".

Усленный от должности А.К.Денисов был отдан под надзор полиции, имущество его было описано в казну и еле был отпущен на некоторое время в свой хутор и в 1837 г. тщетно ходатайствовал о прекращении его "дела".

А, ведь, всю свою жизнь, командуя дивизией в составе войск Суворова, продел для величия России и как эта развратная власть лже-рзмаковых отплатила ему черной неблагодарностью!

СЛАВНЕЙШИЙ КАЗАК ТИХОГО ДОНА
ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ СУХОРУКОВ.

В.Д.Сухоруков родился в семье зажиточного старшины. Это был один из высокообразованнейших и талантливых донцов своего времени. Окончил блестяще Московский университет, он по правилам военной службы той эпохи, вступил в ряды, был произведен в офицеры. Будучи сотником в "Отечественную войну", он был ранен и на излечении оставлен в Германии, где прослушал в тогдашнем знаменитом Гейдельбергском университете, долгие месяцы много знаменитых людей, полный курс. Все творчество известных мировых людей было ему известно. Пришлось побывать ему и в революционной Франции, и сравнить жизнь Запада с жизнью России.

Прибыв на Дон, В.Д.Сухоруков был привлечен в 1819 году Донским Атаманом А.К.Денисовым, духовным защитником Казачьего народа, к делу всестороннего описания "Земли Войска Донского". Им было составлено: "Статистическое описание Бескрайнего Войска Донского" с 1821 по 1827 г.г.. Он работал над "Историей Земли Донской", основанной на первоисточниках. До него была написана история Дона директором народных училищ Донской области Алексеем Поповым в 1812 году, который называл, преемственно от древних времен пребывания Казачьего народа в пределах Северного Кавказа, территорию Дона "Казакией".

Для написания истории, В.Д.Сухоруков использовал дела: турецкие, Крымские, ногайские, персидские, малороссийские, Донского музея и архивов Москвы, помощниками его были молодые офицеры: Кучеров, Купцарев, Попов и др., совершившие обезд архивов, Астрахани, Царицына, Дубовки, Ростова, Ново-Хоперска.

Когда эта святая казачья молодежь, окончившая университет, собрала материалы, то читая их, перед ними открылся неведомый мир былой казачьей красоты вольности, свободы, независимой Казачьей республики, о которой в памяти Донцов оставались лишь предания.

1825 год был овеян революционным выступлением в первый раз в рабской России "декабристов" - главным образом иностранного происхождения, которые узнали о республиканском прошлом Дона от В.Д.Сухорукова.

После того, как правительство "благословенного" угробило, обаятельного Донского Атамана А.К.Денисова, В.Д.Сухоруков работал при его заместителе А.В.Иловайском, для которого он составил записку на имя царя Николая I следующего содержания: "осмеливаюсь повторить, что Донскому Комитету, присутствуя к сочинению закона, необходимо надлежало иметь в виду полный свод постановлений и обычаев, ибо тогда только он ясно мог бы видеть, что именно в существующем порядке вещей нужно дополнить, изменить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и нравов народа. Но он с первого его ошибки соединил другое, а именно: об обычаях, имевших на Дону силу закона, он не сделал даже вопроса и вовсе не имел их в виду. Единственно от сего произошли погрешности, допущенные в правилах о станичном правлении и об управлении калмыками, ибо оные основаны доныне исключительно на обычаях, освященных временем. Не охранить их - значит потрепать права и привилегии Донских обитателей, наиболее сего неминуемо ожидать надлежит от допущенных изменений в станичном управлении. А поэтому, приготовленное положение для Донского Края еще рассмотреть с большим вниманием, членам, избранным всем войсковым обществом".

Иловайский в записке Сухорукова обвинял также ген.Чернышева, председателя "Комитета" в неисполнении высочайшей воли и это было начало конца Иловайского. Записка его, особенно после жестокого разгрома Николаем I декабристов, звучала особенно сильно. Царь передал эту записку Чернышеву для отзыва.

И вот что писал зазнавшийся Чернышев, к стыду сказать казачьего происхождения, и он писал: "Атаман, осуждая состав и порядок занятий Комитета, бывший, по словам его, главной причиной недостатков в самом порядке положения, и испрашивая дозволения пересмотреть оный на Дону, явно присвоает

небывалое в России право избрания доверенных членов общества или народных представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились в непосредственном отношении к Государственному Совету; себе же лично присваивает наименование "правительствующего".

В государстве, где всякий закон и всякое начальство проистекает от единой самодержавной власти Государя, подобные присвоения и даже самые мысли об оных, не должны быть терпимы, наипаче в лице начальника военной/!/ области, где безмолвное/!/ повиновение есть существенная основа/!/ всех действий. Доселе, в России ни одна область не имела права/!/ избирать представителей. Нигде/!/ и ни в какое время/!/ не было допускаемо у нас право избрания представителей, как бы сами для себя составляли законы и находились в непосредственных сношениях с государственным советом".

"Между донскими чиновниками", продолжал Чернышев, "особенно зажиточными и имевшими власть, кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучавшихся в университетах всегда замечались мечтательные мысли насчет самостоятельности их отчины, но сие частное и чуждое/!/ для общества, заблуждение должно было исчезнуть. Если же сам начальник начинает говорить в сем духе, то мнение его делается опасным и не может быть допущено и современом превратились бы в дольнотумные".

7 июня 1827 года Иловайский был уволен. Назначено следствие, во главе графа Гурьева и жандармского полковника Шамина.

По решению суда Иловайский, Шумков, Егоров уволены со службы, а Баладин лишен чинов. Это была расправа Чернышева, за что он удостоился графского достоинства. После этого предстояло расправиться с "обучавшимися в университетах".

Правительство не доискалось о связи Донского кружка с декабристами, но Чернышев был уверен, что источник о автономии Дона исходил от В.Д. Сухорукова.

В январе 1827 года от В.Д. Сухорукова потребовали представить опись всех находящихся у него актов, а также чистосердечно и откровенно обяснить не было ли когда нибудь с актов, относящихся до привилегий Дона выдано кому либо копий по службе.

В феврале 1827 года, наказный атаман Андрианов предписал, под страхом строжайшей ответственности, сдать все дела и бумаги.

27 июля В.Д. Сухоруков сдал все акты, материалы, беловые и черновые тетради, составленной уже статистики и Истории и все без исключения записки. Немедленно, вслед за тем, он был отправлен на службу в отдельный Кавказский корпус. Через три года его послали в Финляндию, на три года, после чего он с трудом был выпущен на льготу с 1836 по 1839 г.г., а затем снова на Кавказ и лишь через год, по расстроенному здоровью, вышел в отставку.

Чернышев, до самой смерти Донского историка, зорко следил через своих шпионов, из донских дворянчиков, не давая ему долго пробыть в одном месте и получить какую либо службу при штабах, кроме строевой/авось в сражениях и погибнет политический враг/.

Историю В.Д. Сухорукова передали на пересоставление поляку Броневскому, изменившему своей родине Польше и продавшему свое перо историка рабовладельческой лже-романовской династии и этот лжец так "пересоставил" историю, что от нее несло гниль и поплотью: в этой "Истории Войска Донского", он вывел Казачий народ на Дону из... "беглых русских холопов!" И этот "труд" - истинная халтура, была перепечатана и преподнесена гр. Чернышеву, Николаю I и наследнику Александру, за что удостоился великих милостей, орденов и поместье с "великороссийскими" рабами.

К сожалению о этом замечательном казаке в исторических изысканиях Донцов, нет об емлящих биографических данных, а каждый читатель, ведь, кроме "учености" своего героя, старается заглянуть в его святая святых, окунуться в глубины его души.

А посему, л вношу маленькую частицу о жизни нашего бессмертного историка из тех рассказов, которые я слышал от своего родного деда Андриана

Петровича Коноводова.

Вот этот пересказ:

"Одно время Василий Дмитриевич Сухоруков командовал нашей сотней, в которой я был вахмистром. Мы знали о нем, что он по повелению царя Николая I - "ссылный" как бы "по полчьему билету", знали и причину ссылки, это написанная им История о вольности Дона. И поэтому, мы льнули к нему, окружали его душевной теплотой, охраняли в сражениях с черкессами и старались создать для него душевный покой своей снисходительной и братской любовью. Мы замечали неоднократно, что он тоскует и когда не было военных действий, то он скукачал, грустно напевал им же написанную песенку:

"Ай! Загоралася во поле ковыль травушка,
Да не знаю, братцы, отчего?
Ай! Да не от тучи, братцы, не от грома,
А от казачьего ружья..."

Обычно он выходил из палатки, садился на стул и по-долгу любовался на красоты долин и гор Кавказа. Иногда брал карандаш и лист бумаги, зарисовывал пейзаж, а иногда, вдруг, не окончив начатой картины, вскакивал, обращал взоры на Север, вздрагивал и часами ходил вокруг стоянки сотни.

Что бродило в его душе? Как глубины моря не видны, так и глубины души необъятны для постороннего глаза. Мучило ли его сердце затаенная мечта, рисовались ли ему прелестные картины родной ароматной Степи, болела ли его скорбная душа о людях, которые не понимают друг друга, убивают, проливают кровь, как и эта бесконечная преступная война рабов против свободных детей прелестного Кавказа?

Когда я, как вахмистр сотни/других офицеров не было/замечал, что родной командир охвачен грустью и тоской, то подходил к нему и говорил: "два казаченка ризируют Вас, В.Д. на бой! Он, вдруг, как бы перерождался: грусть покидала его одухотворенное лицо, глаза принимали цвет вспыхнувшей зари, в зрачках появлялась затаенная усмешка.

В.Д. Сухоруков был прекрасный фехтовальщик. Он шел в палатку, брал кизилорук палочку и выходил в одной рубашке с засученными рукавами, как полубог на "битву".

Он был высок, строен, с узкой талией, широкой грудью, легкий в движениях, как барс; лицо чистое, слегка смуглое; нос с горбинкой, волосы черноватого цвета, слегка выдвигаясь, немного уже посеребрились, носил он и красивый казачий чуб; а глаза? - какие то бархатные с поволокой, с какой-то как бы женской ласковостью, окаймленные длинными ресницами. Глянешь на эти глаза и оторваться не хочется, так бы и смотрел и вил бы из них и ласку и глубину... грусти!

"На бой скорее!" - кричали задорные казачата, и начинался бой-потеха. Приняв надломанную позу на слегка согнутых ногах, вытянув правую руку с палочкой, он выхватывал двух "врагов", тоже вооруженных палочками. Соперники подходили тоже на подобие молодых барсов, стараясь нанести удар сильному барсу. А он влив в их глаза, как будто читал в них решение куда взмахнуть палочку, по голове или бокам и отражал удары молниеносно, то отскакивая назад, то вновь наступая на своих ногах, как пружинах, иногда выбивая палочки из рук "врага".

Очень редко получал Василий Дмитриевич "пишку", но казачата часто, но эти "пишки", на голове или плечах, они носили с гордостью, как ордена чести в открытом бою с командиром.

Этим делом не кончалось: разгоряченные виденным, другие казачата кричали: "давай настоящий бой. И тогда сотня в пешем строю или конном, разделившись на две партии, вступали в настоящее сражение. В особенности представляло замечательное зрелище конного боя, где требовалось не только фехтовальное искусство, но выучка коня в налетах, поворотах, заездах; нападать сзади запрещалось: благородные бойцы должны "рубиться" с открытым забралом!

Безвольный В.Д. обскакивал сражение, указывал промахи иных, хвалил выдающихся, поддерживал упавших духом и удовлетворенный, с отрадой в душе

командовал, "по коновязям"-дать корм коням!

Стдохнули после обеда, слышалась команда: "Казачки лихие, воины Донские -на песок! Шли казаки пепим строем в двух шеренгах: одни неграмотные, другие полуграмотные, и на песке располагались. Первой группой, самой трудной занимался сам командир. Лежа же на песке выводили палочками буквы алфавита/бумаги и карандашей в русской армии не полагалось-считая это легкомыслием/. Второй группой руководил я-вахинстр и казаки чертили под диктовку. "Академия на пузе"-часто говорил наш любимый командир, но через год в сотне уже не было ни одного неграмотного казака. Других занятий: марш-проходки, отдавание чести, втяжки, а еще глазами начальство, как проделывалось в русской пехоте с мордобойством, как в барабан, у нас не было. Бмезжали иногда конно, изучали рассыльные строи, лаву, вентерь и только. Занятия шли охотно, бодро, с под, емом и были рады, когда командир был радостен и весел. Любили джигитовку, выделявая выкрутасы на седле, хватали с земли платки, палахи, моментально соскакивали с коня перед барьером, делали толчек и вздыпались на седло в воздушном полете коня.

Не раз, не два в боях случалось, что храбрые уздеки налетали на стан сотни. Василий Дмитриевич вскакивал легким прыжком на коня и с места в карьер несся навстречу врагам. Сотня, как оглашенная, летела за ним и лишь иногда нагоняла его/конь был резвый/, чтобы охранить его. А он, как орел, спойный и досторженный несся бурей навстречу смерти, и несколько раз я видел, как у первого несущегося на него горца, он или отводил удар шапкой или выбивал ее из рук, а без шапки горец уже слаб и по инерции коня попадался к нам в плен. Но я никогда не видел, чтобы В.Д. рубил горца.

-Зачем рубить благородного горца, который нам никакого зла не причинил и борется за свою святую Свободу!-отвечал, обычно, по дружески он, мне своему вахинстру.

Иногда мне приходилось, опередив линию сотни, гнаться за командиром и спасать его от окружения. Только мой конь крылатый, из собственного табуна, мог догнать командирского. Обычно я схватывал за уздечку и останавливал коня, который был так приучен, что с места брал в карьер и также на карьере останавливался, иногда на карьере ложился даже для принятия раненого казака.

Раненых черкесов, обычно, перевязав, командир отсылал в мирные аулы, особенно храбрым раненым отдавал захваченных коней, утешая их дружески добрым словом.

Черкесский язык он знал прекрасно, т.к. его мать была черкешенка. Знал он татарский, французский и немецкий языки.

"Земля слухом полнится!"

Горцы, узнав о благородстве нашего командира, уже не нападали на нас, а на свой священный праздник "байрам", приглашали нас и мы охотно ездили к "врагу". Возможно ли было казаку ездить в гости, на праздник Пасхи к "христианам" русским, времен Петра I Дикого? Да, возможно: или лигиться головы или стать на веки крепостным!

Было у горцев народно-военное веселье: стрельба, борьба, джигитовка, пляски, песни. Наш командир отличался стрельбой на скаку в цель и взятием на коне высоких барьеров, а я своей джигитовкой перед барьером и пролазить под брюхом коня на скаку или прыжком через горящий костер.

"Якпи, казак, якпи!"-кричали горцы и их жены и дети. А после сцен-пирушка. "Чихирь" лился рекой, неслись грустные песни черкешенок; некоторые из них любовались изящной фигурой Василия Дмитриевича и его неотразимо пленяющим лицом. На одном из таких веселий В.Д. сосватал мне черноскую Зару. Долго упрямылся отец, но его уговорили, что же станет с Зарой, когда придут русские солдаты? Я привел своего завидного коня, как "выкуп" за невесту. Радости горца не было конца, когда он получил в свои руки донского скакуна, а ведь конь для горца дороже жизни, он гладил его по шее, обнимал, целовал и уже не молодой, вдруг, вскочил в седло и как выпущенная стрела, исчез вдали. Долго он не возвращался, но прибыл с блаженным лицом,

благодарил "зятя". Что думал горец-джигит во время бепеной скачки? Чужая душа-потемки!

Иногда Василий Дмитриевич говорил: "не женитесь, казаки на русачках, - погибнет, погибнет Казачий род, а женитесь на дочерях свободных народов, но не рабских, как делали это наши древние предки. Русачка всегда будет тянуть казака за чуб за... Рас...се...в, растягивал слово иронически он Россию.

Действительно, он был провидец. Когда вспыхнула "бескровная", то некоторые казаки верхних округов Дона, женившиеся на русачках или слобожанках, поселенных дворянами крепостных на расхищенных казачьих землях, не стали проливать "братской русской крови" и оказались в коннице корпуса Буденного, способствующего разгрому Донской армии. Правда, эти казаки после "победы" были или расстреляны, или сосланы в Сибирь, но Дон они отдали на грабеж, насилия и уничтожение родных же казаков.

Был еще и такой случай, рассказывал дедунка, о котором когда вспоминаю после многих десятков лет, то дрожь пробегает по телу.

Согласно приказа князя Еристова/начальник отряда/сотня наша должна осветить всю местность на правом фланге отдельного отряда, продвинувшись по возможности верст на двадцать на юг к горам. Сотня 150 казаков, прихватив одну пупку, двинулась на рассвете. Во встречавшихся аулах военных не было, оставались старики, женщины и дети, в страхе прижимали руки к сердцу, в знак покорности. Больно было смотреть на их лица и разоренные брошенные хозяйства. Прошли мы уже и 22 версты-никого, и только что готовились, после отдыха, повернуть назад, как дозорные донесли, что от гор движется конница, человек свыше ста. Мы стояли на открытой долине и, держа лошадей в поводу, подкармливали их травой. И действительно, часа через полтора конница показалась, идя развернутым фронтом шагом.

На пригорке, впереди сотни, стоял наш командир, рассматривая противника в бинокль, около него пасся его верный конь, который ходил за ним следом. Горцы приближались, знака нам от командира садиться на коней не последовало. Не доходя до нас, приблизительно полторы версты, они остановились. Слышался какой то шум, затем от фронта отделился один всадник. От конской сбруи и оружия его искрились солнечные огоньки. Проскакав на половину расстояния между нами и своим фронтом, он остановился, выхватил папку и, держа ее перед собой в позе, как бы, "на карсул"-замер.

Ясно было, что он ожидает охотника на поединок. Я услышал голоса казака Симонова-красавца и Недикова-удальца: "я", "я"-и, вдруг, я опешил. Наш командир вскочил в седло с папкой на голо и помчался навстречу к горцу. Тот тоже рванулся. Расстояние между ними быстро таяло. Вот, вот-роковой удар. Невольно я вскрикнул: "Господи!" и закрыл глаза. И когда открыл, то увидел, что наш командир стоял на месте, повернув лишь коня в нашу сторону, а горец бепено проскакал мимо.

Сказалось, что когда горец совсем приблизился, пытаюсь нанести вперед удар, то привычный конь командира, от толчка левой ноги, отпрыгнул в сторону и горец проскакал мимо, не сумев повернуть корпус налево в седле и нанести горизонтальный удар, как привычно это делали казаки. Быстро догнать горца и рубануть его сзади, не позволяла этика благородного командира. Тем временем горец, сделав вольт, снова понесся на командира. Я было рванулся, чтобы прекратить состязание, но командир дал знак не двигаться с места. Вновь настал жуткий момент смертельной схватки. Командир стоял на месте, спокойный, как скала. Горец несся на него карьером. Как и в первый раз, конь от толчка правой ноги, отскочил влево. Горец пытался рубануть, повернувшись корпусом направо и, вдруг, сверкнула папка командира; послышался лязг по папке горца, в протянутой рукой горизонтально и она покатилась по земле. Ошеломленный горец оказался безоружным.

Василий Дмитриевич крикнул ему на чистейшем языке черкесов: "подними папку и поезжай с Богом к своим". На что тот, прикладывая руку к сердцу, крикнул: "ты храбрый джигит и благородный, возьми эту папку себе на па-

мать, она была в руках моего деда Ахмет-бека, славного на весь Кавказ; я недостойн теперь держать эту папку в своей слабой руке".

Противники раз, ехались. Конница горцев кричала: "якши, казак, якши", а наша сотня гремела: "слава командиру!"

Голубь мира тихо пролетал между фронтами. Подскакав к командиру с горяча говорил ему: в следующий раз я, от имени сотни, запрещаю Вам играть со смертью.

- Не дай Бог, когда скатилась бы Бапа голова с могучих плеч?

- Так что же? прервал Василий Дмитриевич.

- Да это был бы для меня вечный позор, что, как вахмистр, не полетел на горца, как трус, а предал своего командира.

Василий Дмитриевич, как то, нежно посмотрел на меня, а затем, устремив взор к небу, грустно ответил:

- Я знаю свою судьбу, дорогой Андриан Петрович, меня ни пуля, ни папка не возьмут до самой смерти, а я умру от болезни и тоски...

Горло мое схватила какая то спазма...

- А теперь, Петрович, пиши донесение:

- Князю Еристову. Сотня обследовала все аулы и местность, согласно Ваших указаний. Никаких войск обнаружено не было. На 21-й версте к горам, встретилась конница черкесов, которая, не приняв нашей атаки, быстро скрылась в горах.

Вы, как то, жаловались мне, что Ваши драгуны никак не могут достать в бою старинную черкесскую папку. Моя сотня преподносит Вашему Сиятельству эту папку. Она - настоящая "Гурда", Дамасского булата, да и насечка чудная из золота, принадлежала известному Ахмету-беку. Носите эту папку и не забывайте доблестных казаков-сынов, когда то, вольного Тихого Дона.

Князь Еристов принадлежал к древнему роду Грузинских князей и тонко понимал свободную казачью душу и любил казаков. Несколько раз он приезжал в расположение сотни. Был всегда весел и приветлив. Радовался, когда казаки в конном строю производили фехтовальное, не бывалое в других сотнях и эскадронах, событие-искусство на "палочках" и говорил нашему командиру: "вот это настоящая выучка кавалерии, а Ваши маневры рассыпанным строем и Ваш исторический "вентерь" - прекрасны. Благодарил сотню и никогда не забывал угостить нас "чаркой водки".

Несколько раз он представлял нашего командира к чинам и орденам, но всякий раз сидящий в Петербурге "черный ворон" Чернышев не утверждал представления.

Настал мой отпуск, и я с молодой женой Зарой, которую я перекрестил в Матрону Ивановну, поехал на Тихий Дон, в свою родную Гундоровскую станицу. Когда же я возвратился, то застал свою сотню горестной и печальной: любимого командира Василия Дмитриевича потребовали к графу Паскевичу, команду ему войсками на должность офицера генерального штаба, для описания сводок военных действий и реляций. Паскевич был в восторге иметь у себя блестящего знатока описаний в литературном стиле.

Как то, из штаба князя Еристова, мне приказано было немедленно явиться. Когда я вошел в палатку, то застал князя на коленях, истово молящегося. Помолвившись, он встал и с доброй улыбкой, спросил меня:

- Хочешь увидеть своего командира?

Я радостно гаркнул:

- Так точно, Ваше Сиятельство!

Так вот, возьми этот секретный пакет и мчись к графу Паскевичу. Там увидишь и командира своего любимца.

Когда дежурный при ставке доложил, вышел Василий Дмитриевич, обрадовался, обнял меня. А когда я взглянул на его одухотворенное лицо, то вспышки радости сменялись быстро в его прекрасных глазах грустью. Он мне рассказал, что Паскевич получил грозное предписание за неисполнение его указаний, держать Сухорукова только на строевых должностях, но ни в коем случае при штабах, и немедленно отправить его на три года в Финляндию.

-А теперь, родной Андриан Петрович, скачи к своей сотне, храни ее, передай мое ей благословение и... здесь в горле его что-то замялось, - скачи, но не оглядывайся, чтобы лишний раз не мучить себя.

Мы расцеловались на... веки. Я понесся от старки, как угорелый, но не вытерпел и обернулся. На крыльце стояла порога Фигура, освещенная лучами заходящего солнца: яркая, изящная, солнечная...

В груди моей бушевала буря ненависти, презрения к власти Петербурга, проклятие к своей вынужденной присяге и бесконечное терзание за мучимого самого лучшего Казака на свете, а из глаз невольно капали на гриву моего крылатого коня горячие слезы, который как бы чуя мою боль душевную, несся стрелой, чтобы в свисте ветра рассеять ягучую тоску безисходную.

Все мне опротивело... Грабежи, насилия русских солдат над доблестным Черкесским народом, так родственным по Духу и Адаму нам казакам, жестокость русских офицеров, бьющих по лицам своих солдат, как в барабан, подхалимство наших донских дворянчиков.

Будучи хорошо грамотным, окончив Варшавскую школу урядников и с достатком средств, я мог бы составить себе карьеру офицером. Но повидав зло, творимое начальством, не хотел никаких чинов и орденов.

Прослужив 20 лет, я на 10 остальных нанял охотника казака, и поехал к своей ненаглядной Матрене Ивановне.

После узнал, что Василий Дмитриевич, по расстроенному здоровью, был отпущен в отставку и, как сам предсказывал, умер.

18 августа 1846 года, в день преподобного Иоанна Многострадального, яркая, благоуханная Донская свеча, подобно Вербной, догорела... А великие его труды по истории Казачьего народа были раскрадены "великоросскими" лживыми историками.

Исходя из рассказа моего деда, я делаю вывод, что В.Д. Сухоруков, как и другие казаки, воспринимал на свои плечи, эту живую наковальню, от века принимающую на себя удары тяжелого московского молота, для которого свобода людей было зло.

Но Василий Дмитриевич Сухоруков понимал также, что в груди "великоросского" народа, на протяжении веков, была красная отравка мака-цветка зла. И это зло не могло быть вынесено куда-нибудь наружу, ибо оно растет в собственной душе москвитяка, оттого и нельзя вырвать его и избыть красное.

И когда вокруг казаков совершалось что-нибудь злое и несправедливое, что это болезненным эхом отзовется в душе нашего блистательного историка и казака, и вызовет его осуждение и его сильное вмешательство. Он был, как бы, неписанной Казачьей Конституцией. По самой своей духовной натуре он был заступником и защитником и, будучи выше головы всего "русского", поднимал в защиту казаков свой голос. Он умел различать невинных от разбойников, и эти "великаны"-казнокрады и демагоги существовали для него реально. Его обаятельная сила коренилась в том, что на каждую отдельную несправедливость, которых он много встречал на своем жизненном пути, он обрушивался, во вред себе, с такой убежденностью, словно в ней сосредотачивалось все мировое зло и от победы которой, как бы, зависела дальнейшая судьба человечества.

Все, даже гордецы своим невежеством "русские", чувствовали в нем большую совесть, которая не застывает ни от которого мороза и которую ничем нельзя уснуть.

Мороза и холода, а также гонений от полицейской "николаевщины", в изобилии послала ему Судьба, но под снежной пеленой жизни В.Д. Сухоруков сохранил до самой своей смерти сердечную любовь к страждущим людям потому, что душу его не покидали пленительные картины цветов, широкой ковыльной родной Казачьей Степи с ее грустными песнями и голубым небом. Все это жило в его обильной душе и не рассеивалось, как дымное марево иллюзий.

И этот психологический пейзаж с его ласковостью и умиротворенностью родной Степи, навсегда спас его от роковых действий ожесточенной невзгоды и непогоды жандармского режима. И шел он по жизни по широким и проселочным

дорогам, по ледным и пустынным местам, перекрепивая их по всем направлениям и крутизнам всех фронтов Кавказа, Грузии, Турции, Польши, Германии, Финляндии и всюду замечал бедных путников, обиженные души, печальное разнообразие русского исторического рабства, но рабом не стал и закончил жизнь свою изгнанником вдали от любимого Дона!

И вот передо мною, вызванный из глубин Вселенной, бессмертный наш славнейший Казак: "яркий, изящный, солнечный и грустный, с бархатными, как бы, женскими глазами", а за ним мнится такая же яркая фигура великого певца М. Ю. Лермонтова, так же предсказавшего свою смерть. Ему еще большей сжимала грудь и грусть и тоска и окружающая грязь развращенной столицы. Перед ним не было той родной картины пленительного пейзажа, который жил в душе В. Д. Сухорукова. Он был сыном шотландца, служившего офицером в русской армии и родная по крови страна Шотландия, рисовалась ему только далеким непонятным миром, отрезанным от европейского континента водами Ламанпа.

Русская природа была воспринята не с обычным пылом юной души, а жители ее вызвали порой чувства озлобленности и невольно рождалось стремление перехода в иной мир Вселенной. Он также был гоним до смерти жандармом Николаем I и, покидая пределы своей "второй родины по отцу", писал:

"Прощай, немая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ. Быть может, за хребтом Кавказа укроюсь от твоих папей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей".

Не укрылся: шпионом Николая I Мартыновым был убит.

И Лермонтов писал: "изгнанным из страны родной, хвались повсюду, как свободой, высокой мыслью и душой ты рано одарен природой; ты видел зло и перед злом ты гордым не поник челом. Ты пел о вольности, когда тиран гремел, грозили казни; боясь лишь вечного суда и чуждый на земле боязни, ты пел, и в этом есть краю один, кто понял песнь твою".

Как Сухоруков, так и Лермонтов достаточно насмотрелись на полицейский строй лже-Романовской династии, когда чиновники, стоящие на низких ступенях бюрократической лестницы, каким страшным бичом для народа были эти грабители, кровопийцы, мздоимцы, мучившие население, видевшие в народе только источник своих преступных доходов, изощрявшихся в гнусных проделках, мошенничествах, вымогательствах и отвратительно нагло хваставшие ими. Глубоким сочувствием народу проникнуты были эти два выдающихся рыцарей "Николаевщины". Они знали разницу между трудом рабским, беспросветным, отупляющим и трудом свободным, творческим, сознательным, вдохновляющим, служащим великим прогрессивным целям. А поэтому анализируя "Николаевщину", они приходили к выводам, что империя идет хотя и на тормозах, но к обреченности и возможному хаосу.

Они войну против свобододолюбивых народов Кавказа, никакго зла России не сделавших, считали по своей жестокости и превентивным грабежам, великим преступлением, имея в своем распоряжении одну пеструю часть Земного Шара, прихватывать еще Кавказ. Жадности Лже-Романовых не было пределов, и никакого оправдания. Если бы эти захваты шли на благо народа, то еще был бы какой то экономический смысл. Но этот народ не только не благоденствовал, но был низведен на степень рабочего скота. О духовных переживаниях народов Кавказа, Лермонтов, устами его героя в повести "Измаил-бека", говорит:

"Но что могло заставить их/черкесов/покинуть прах отцов своих и добровольное изгнание искать среди пустынь чужих? Гнев Магомета? Прорицанье? О, нет! Примчалась как то весть, что к ним подходит враг опасный, неутомимый и ужасный, что все громам его подвластно, что сил его нельзя и счесть, черкес удалый в битве правой, умеет умереть со Славой, и у жены его молодой спаситель есть-кинжал двойной; и страх насильства и могилы не мог бы на родных степей их удалить, но позор цепей несли к ним вражеские силы! Мила черкесу тишина, мила родная сторона, но вольность, вольность для героя милой отчины и покая.

В насмешку русским и в укор, оставим мы утасы гор; пусть на тебя, Бепту

суровый, попробуют надеть оковы, так думал каждый: и Бешту теперь их мысли пеняет, на русских злобно он взирает, или облаками одевает вершин кудрявых красоту.

Куда черкес направил путь? Где отдохнет младая грудь и усмирится дум волнение? Черкес не хочет отдохнуть, ужели отдыхает мщенье? Аул, где детство он провел, мечети, кровы мирных сел, — все уничтожил русский раб, нет, нет, не будет он так слаб, пока из белых их костей, скам грядущим в поученье, он не воздвигнет мавзолеей, и так отмстит за унижение любимой родины своей. Я знаю вас, он лепчет, знаю, и вы узнаете меня; давно уж вас я презираю, но вашу кровь пролить желаю я только с нынешнего дня".

Николай I, отлично изучил историю царей Ивана IV Грозного и Петра I Дикого и был убежден, что только методом этих двух извергов можно будет управлять огромной империей, удерживая племена и народы в состоянии рабства. Метод же Германии с ее просвещением, когда там выходили из рядов народа великие философы, ученые, поэты, он считал неприемлемым для России и поэтому был враг всем "мечтателям" о польности и преследовал их. В. Д. Сухоруков он довел до физического изнурения, а Лермонтова он убил рукой своего шпиона Мартынова, и когда узнал о этом, то гнусно произнес: "собаке-собачья смерть!" Но он не знал, что участь его самого тоже под тенью Немизиды...

Он не только преследовал просвещение в России, но заключив так называемый "Священный Союз" императорами Германии и Австро-Венгрии, потопил в крови Свободу Польши и Венгрии, заслужив этим "почетный" титул "жандарма Европы".

Он скакал, подобно Петру I Дикому, по Европейской России, насаждая жандармский метод управления; когда же возвращался в сознание своей мощи и "величия", то погружался в физический разврат. Смольный институт "благородных девиц", был как бы негласным гаремом. Он часто посещал его и выбирал жертву. И развращенные мамы, изнасилованных невинных девиц, считали их не как жертв заклятия, а воплотивших "святость" от "помазанника Божьяго". И эти "освященные" делали большую карьеру для себя то фрейлинами, то выходя за знатных вельможей замуж, а познав сладость свободной любви, теряли скромность, стыдливость и полуобнаженные увеличивали толпу "высшего общества", которое в разврате стремилось к будущей пропасти.

Николай I совратил также красавицу, жену Пушкина, а чтобы муж не мешал, убил великого поэта-потомка Эфиопа Ибрагима, рукой наемника Дантеса.

Но, вот, вспыхнула "Крымская война", предвидимая Мальтийским орденом, Наполеоном и Кутузовым. Русская армия была разгромлена, и Николаю I пришлось уйти из Мира "собачьей" смертью: не то от разрыва сердца, не то от отравления, без исповеди в грехах и причастия.

Что же происходило на Дону, когда Сухоруков и Лермонтов переживали дуперную драму на Кавказе?

Николай трижды появлялся в Новочеркасске и выступал на Кругу со своими лицемерными похвалами и "дарованными" милостями Донской земли, ему или его в "Бозе почивших монархов" непринадлежащей. Привозил наследника Александра II, назначив его "атаманом всех Казачьих Войск".

Не лицею интереса выявление продажным дворянством, в лице наказного атамана Кутейникова, раболепие в следующем словоблудии: "преклоним с умилением сердечное благодарение Вашему Императорскому Величеству за толикие щедроты и милости к Войску Донскому, милости по истине неизреченные и все донные бывшие превосходящие".

Самая же "высочайшая" милость царя-жандарма, выразилась в том, что срок полевой службы был назначен для офицеров 25 лет, а для казаков — 30 лет.

По этому поводу В. Д. Сухоруков грустно говорил моему деду, что безропотная служба казаков только и спасает Казачий народ от превращения его в крестьянство и рабство, по примеру Московии и что после покорения

настанет очередь правительству Петербурга уничтожить окончательно не только волю нашего народа, но даже искоренить и мысль о Свободе.

Дай Бог, чтобы мои мысли были далеки от жизни родного народа, но нашим внукам придется или бежать на Аму-Дарью, как говорил когда-то Донской Атаман Иван Дмитриевич Катаржинский или в Персию, или отдаться на произвол Судьбы.

Гнусная политика Петербурга втянула, благодаря донским дворянам, в войну против народов Кавказа, которые когда-то, еще до Р.Х. составляли с черкесами единое племя. Сенаторы Николай I раз, ездая по станицам Дона, пропагандируя о будущих "милостях" и глава сенаторов Болгарский писал донесение: "смотря на казаков в домашнем их бытии, мы видели сто тысяч кротких и послушных агнцев. По собственным словам стариков их, не было примера, чтобы донские казаки когда-нибудь столько были взысканы милостями государей, дабы в местах своих жилища видеть доверенных государя лиц, и потому везде нас принимали как ангелов //, посланных с неба // и выслушивали с полной уверенностью в справедливости всего нами оказанного".

И бедные обманутые казаки лили братскую кровь черкесов, а дворянчики даже составили пошлую песенку: "гремит слава трубой, мы дралися за Лабой, по горам твоим, Кавказ, разнеслась слава об нас!"

Английский путешественник того времени, посетивший Дон, писал скорбя о гибели демократической конституции: "Донской казак в родном своем Краю будет тем же, что сегодня 1844 год представляют из себя москвиты. Стойкое и радостное довольство вольных поколений исчезнет, и мы увидим казака согбенным под игом всех этих притеснительных учреждений, которые составляют удел "русского раба" и действительно формально вольный казак стал военно-крепостным российского государства, слугой самодержавной власти, охранителем социального строя рабской "Руси".

В 1830 году, известная поэтесса Растопчина, проезжая на Кавказ, написала стихотворение "К Дону", начинающееся словами:

"Ты ль это Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!"

В.Д. Сухоруков, бывший в ссылке на Кавказе, откликнулся стихами "Ответ Дона", в которых напоминал о бурном и свободном прошлом Донского народа. Стихи эти были встречены донской молодежью с небывалым восторгом. Мысль об автономии не умирала.

В 1847 году в Новочеркасске, перед этой молодежью, выступил донецкий писатель Нестор Кукольник /псевдоним писателя/:

"Здорово Дон седой! Здорово Дон унылый! Как родина моя ты стал мне свят и мил. Я полюбил Тебя со всей Казачьей силой, печали все Твои в душе своей принял. Казачья была страшна когда-то сила: Донскими лодками ты перенес Черный Порт, и кланялись Тебе Азов и Трапезонт..."

Но ты разбогател и зависть страх сменила... Воплеси же, старый Дон, могучей волной, благоволенье дай казачества обломкам. Ведь Ты пред смертью-твоей час последний бьет, и Твой свершается предел, его никто же не прейдет..."

На эти стихи Кукольника ответил длинным стихотворением /которого мне не удалось разыскать/ полковник гвардейского генерального штаба Иван Васильевич Турчанинов, один из выдающихся Донцов. Он протестовал в своих стихах против подавления Донской Свободы императорской Россией. Эти стихи заучивались и переписывались. Режим "Николаевщины" был противен демократическому самосознанию И.В. Турчанинова и он, воспользовавшись командировкой во Францию, служил во французской армии, а затем эмигрировал в США, где во время междоусобной войны, спровоцированной Англией, командовал отдельным отрядом в армии генерала Гранта. Был другом Президента А. Линкольна.

Америка похоронила великого героя и в благодарность ему, на военном кладбище в штате Чикаго, где и был поставлен хороший памятник. Там же похоронена, около его могилы и жена генерала И.В. Турчанинова.

Поставила ли немтая Россия лже-романовской династии памятники:

1/Князю Сибирскому Ермаку, давшему колоссальные богатства Сибири?
2/Атамана Межакову, спасшему "Св. Русь" от страшной междоусобной войны "Смутного времени"?

3/Графу М.И.Платову, кровью Донских казаков спасшему от полного поражения русской при Бородино и разгромившего окончательно великую армию гениального полководца Наполеона?

4/Знаменитому мореходу Семену Дежневу? и т.д. и т.д.

Один из писателей, иронизируя над москвитями, писал: "человек-неблагодарное животное: он ставит памятники тем, кто его истребляет/цари и вельможи/и не ставит их тем, кто ему-человеку верно служит, т.е. лошади и собаке. Весть в виллянии собачьего хвоста, больше выразительности и воспитанности, чем во всей человеческой вежливости".

В эпоху Николая I, например, был поставлен памятник графу Муравьеву в Вильно, вошедшему в историю с титулом "Муравьев-вешатель".

На южном склоне Военно-Грузинской дороги на Кавказе, недалеко от Мцхеты есть "Камень генерала Ермолова", придавший независимость просвещенной тогда Грузии.

Есть памятник в Петербурге и Петру I Дикому, в виде Медного всадника, как бы несущегося со скалы вдаль и в высоту, к светлому простору. Но талантливый художник изобразил в этой фигуре свой личный Идеал свободного культурного полета, но совершил при этом великий грех перед богом Аполлоном, вдохновителем творчества, художник исказил при этом жизненную историческую Истину. Он должен был бы нарисовать Петра таким, каким он был перед лицом Истории, а именно: великан ростом, одетым в красную рубаху, высокие сапоги, с развевающимися по ветру волосами, с лицом диким, глазами, наполненными кровью, со злыми конвульсиями красного пьяного рта, с большой секирой в руках, рубящим головы своим же стрельцам, т.е. настоящим Палачем!

И еще ирония: "если бы на Земле не было собак, то у человека давно бы выветрились чувства долга и чести".

В утешение тени Николая I можно лишь сказать, что червь допускается и к императорской могиле и стремление его к всемирной славе по всем дорогам не привели не в Рим, а к яме, насыщенной червями.

Но вместе с этим нужно сказать, что жизнь и трагические судьбы Казачьего народа привели к тягостному размышлению, что в благородном порыве его, он дал так много для расширения ненасытной Московии. А что же за это получил? - Минус Нуль! Такова Истина и Правда! Так было, так и есть! Психологическая природа москвитов в своих глубинах, увы, неизменна... Закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом!

В 1848 году в Париже, была выпущена интересная прокламация к Донским казакам следующего содержания:

"Храбрый народ, Казаки Донские! Теперь, как вольная Франция поздравляет все народы Мира, во имя Свободы и братской христианской Любви, мы из столицы Франции, обращаем к Вам наш голос: долго Ваше Имя означало орды, которые тиранство и деспотизм метали на Свободу и образование других народов. Что же Вы выиграли от этой борьбы? Ваши свободы и права, купленные самой чистой Кровью Ваших, не устояли против нападений то лести, то насилия и деспотизма, чтобы придти к цели своей, употребляет столько предосторожностей, сколько и хитрости. Куда не может броситься, как тигр, там скользит, как змея терпеливо, чтобы не испугать преждевременно своей добычи.

Царь-Немец, Гольштейн Готорн, а не славянин из родины Романовых, не дает ли Ваших храбрых полков немцам? Какому то Граббе, Бенкендорфу, Зассу, Фрейтагу, как бы собак к охоте на Народы, которые Вам никакого зла не сделали и которые будут Вам друзья лучше, нежели Москальи. Тогда, как немцы получают богатство, достоинства и честь, ценою Вашей Крови, царь гонит Васу веру старообрядцев и ссылает в дальние Края Ваших братьев. И Ваши

Платовы, Власовы, Сисоевы, Орловы, Грековы, Иловайские и пр., как подданные, как низшие у подлых немцев и у самих же москалей. Довольно Вам этой жизни низкой и срамотной! Храбрый народ проснись на зов народов Запада.

Казак! Подайте одну руку родным братьям Вашим Черкесам и Полякам, которые так храбро сражаются за свою Свободу. Зовите к себе всех Казаков и тогда сделаетесь Государством сильным, которое будет владеть Землями и морями и благоденствовать во Славе. Против царя-тирана, даруйте свободу самим же москалям; освободите Веру от гонений на старообрядцев, Веру Ваших отцов. Эти дела, достойные военной славы Вашей, соединят Вас с народами Запада и света, которые желают всем вольности братской, любви и счастья.

К оружию, к войне Дона, Урала, сражайтесь, как вольные люди и получите Мир, Свободу и счастье навсегда.

Да благословит Вас Бог так, как он благословляет всех, кто устанавливает царство Его на земле, а царство Его-братская христианская любовь между людьми".

Приводя эту прокламацию, историк Сватиков писал: "политический смысл прокламации указывает не на французское происхождение, а на польское воззвание. Авторы его слышали о потере донцами их вольностей, знали имена наиболее славных /! / дворянских фамилий на Дону и пытались уязвить национальную /! / гордость донцов, указывая на подчинение казачества немцам".

Сватиков, по своему происхождению, тоже москаль, не сумел подняться на ступень объективного мышления и смешал духовные эмоции казаков, раз, единившихся на два лагеря: дворян и простых, и он говоря о "славных" и о "гордости", имел в виду только дворян, близких Москве. Указанные имена дворян для казачьей массы вовсе не являлись "славными", ибо они были, как наподобие "усмирители" сперва Уральцев с Е.И. Пугачевым, а затем и Донцов. Эти же лица, обласканные распутной немкой Екатериной, расхищали безнаказанно самые лучшие земли на Дону. Славное имя, из всех атаманов, было лишь имя А.К. Денисова, защищавшего интересы казачьей обедневшей массы.

"Национальную гордость" этой массы, прокламация тоже не могла уязвить, т.к. она точно, справедливо обрисовывала психологическое духовное состояние казаков, подпавших под гнет немцев царей сверху и своих же дворян снизу. А положение казаков, как характеризовал мой дед, в те времена таково:

"СЛАВА ТО КАЗАЧЬЯ, ДА ЖИЗНЬ ТО СОБАЧЬЯ!"

Царь "Освободитель".

Рисуется он "великоросской" / т. наз. "русской" / общественности на подобие Ангела, слетевшего с Неба. Эпоха "великих реформ" обрисована небывалыми перлами высокой "культуры", просвещением, огнями широчайшего "света". На самом же деле это был не свет, а лишь болотные огоньки.

Улучшения быта крестьян Московии абсолютно не произошло: если крестьянин работал на помещика три дня, то он все же был до некоторой степени сыт, работая на себя 3 дня. Получив же пресловутое "освобождение", он не мог применить свой труд для своего благоденствия, так как "обожествленный освободитель" царь, не дал ему земли, оставив ее в полное распоряжение помещикам.

Положение Донского народа тоже ухудшилось. Черты автономии были уничтожены. Войсковой Круг не возродился к новой жизни. Экономическое положение казаков, истощенных Крымской и Турецкой войнами за собственный счет, резко ухудшилось. От прав и преимуществ не осталось ничего, а лишь слова пресловутых грамот. Казаки превратились в военно-крепостное сословие. Для вычитания грамот собирался Круг, главным образом дворян. Для грамот был сделан громадный серебряный ларец-сундучек из серебра, захваченного у французов в 1812 году. Этот сундучек был подобен роскошному гробу, в котором покоились останки Донской вольности. А "войсковая хлеб-соль" после Круга, была трапезой после панихиды по дорогим умершим покойникам

бывшей Свободы.

О тогдашних настроениях, в 1862 году, писал казак А. Леонов:

"Казак-слово магическое! Казак это, прежде всего, синоним свободы, братства, равенства, и уже потом, удачества, молодечества, а московское государство, где царили произвол, приказы, повеления, правяжи, тюрьмы, пытки, Сибирь". И он требовал, чтобы при реформах на Дону, было принято его вольное предложение.

"Церемония Круга", писал он, - еще существует, но это-тень старины. Мы выносим войсковые регалии, грамоты, знамена перед церковью. Читаем грамоты, потом молебствие и Круг кончается. О интересах казаков ни слова".

В день трехсотлетия Донского Войска, "Освободитель" изрек в манифесте "монаршую милость", чтобы уничтожить историческое имя Края. "Мы повелеваем: "Землю Войска Донского" переименовать в "область Войска Донского".

Реформы на Дону этой эпохи, характерны уничтожением выборного начала. Старый демократический уклад был потрясен законом 1870 года. Старинное право всех участвовать на станичных Сборах-было отнято.

Донские Казачьи полки были включены в русские дивизии четвертыми. Оружие на Дону у казаков было отобрано.

В марте 1861 года, был опубликован манифест 19 февраля об освобождении крестьян, вызвавший бурю радости среди крестьян, но земли им не дали.

Вследствие ухода крестьян из поместий дворян, последние обратились к власти о понесенных ими убытках и, "Освободитель" приказал уплатить им эти убытки из войсковых сумм, чтобы таким образом придти на помощь донским рабовладельцам, лишившихся своих рабов. Донское дворянство было освобождено от военной службы, а простые казаки стали крепостным военным сословием.

Для частного коннозаводства, по распоряжению "Освободителя", было отведено около миллиона десятин в Задонской Земле, для снабжения лошадьми русской армии, за плату ТРИ КОПЕЙКИ ЗА ДЕСЯТИНУ В КАЗНУ... ДОНА, КАК "МИЛОСТЬ" ЦАРЯ на собственной казачьей Земле появился новый класс собственников, крупных помещиков. Для казаков из коннозаводства лошадей не продавали абсолютно.

Таковы, в общих чертах, были "монаршие милости" царя-поработителя Донской вольности.

Что же касается свободолюбивых народов Кавказа, то война против них велась крайне жестокими мерами. В манифесте "Царь-Освободитель" изрек: "или выселить черкесов из Кавказа или уничтожить".

Суходутным путем бежало в Турцию около миллиона человек, а около пятисот тысяч погибло при плаваньи через Черное море на мелких лодках и дубах.

Как у Донцов и вообще у казаков, так и у Черкесов, чувства сожаления о "Освободителе", по случаю его убийства, никаких не было: "собаке-собачья смерть", говорили черкесы, да и многие простые казаки.

Революционное движение 1860-1870 г.г. в России.

Это движение создавалось на идеализации борьбы Донской Республики за свою Свободу.

Донские казаки Степан Разин и Емельян Пугачев для "великоросского" народничества были революционным лозунгом, способным двинуть народные массы. И самый Тихий Дон, вольный Край был как символ упований и надежд.

Один из видных народовольцев Н. П. Огарев-друг Герцена, писал:

"самое казацкое племя произвело на меня благотворное впечатление. В нем было что-то более свободное, не было запуганных лиц. Тут чувствовался крах народа самостоятельнее. Степной человек любит волю, границы ему чужды и противны. В степи человек неуловим; его нельзя придушить, как прижатого к стенке. Он отхлынет в пространство, а если уж когда сам нахлынет, то вся степь дрогнет от Астрахани до верховья, и по северным лесам гул пойдет, - качнется и московский колокол".

В 1854 году Герцен писал: "Когда к двенадцати миллионам рабов присоединятся Казаки, глубоко обиженные потерей своих прав и вольностей, да раскольники да сверх того часть дворянства/!/-будет о чем подумать жителям Зимнего Дворца. Прислушайтесь! Со всех сторон огромной родины нашей: с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями".

Бакунин-анархист, также говорил на Конгрессе Лиги Мира и Свободы о народном восстании, обрисовывая "Степана Разина, первого и самого страшного революционера в России".

Другие революционеры, как Михайлов, Мечников, Нечаев идеализировали Республику Дона и Казачьих Вождей Степана Разина и Пугачева, которые дали им программу действий.

Из Петербурга на Дон приехали народовольцы Плеханов и Михайлов. Волнения были в станицах: Луганской, Гундоровской, Еланской, Урюпинской, Усть-Медведицкой, Казанской и Распопинской. В Донецком Округе волновался пришедший с войны 3-й Орлова полк. Плеханов писал: "ни в одной части населения России нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей".

В листовке "Народной воли" вспоминали XVII и XVIII века, "когда вольное казачество Дона и Урала подняли на Руси смуту и народ присоединился к ним". Но тут же добавлял: "и в наше время не отыскать на Руси уголка, где бы нашли себе приют эти вольные добрые молодцы, эти суровые выразители и поборники народных стремлений".

Таким образом, революционеры всех мастей оказались бесхребетными, абсолютно неспособными двинуть народные массы и, идеализируя Казачьих Вождей, не постарались создать хотя бы одного подобного.

Чувство рабства было родное историческое не только в душах крестьян, но и в душах интеллигенции, и они мечтали и в России и за границей, что восстанут вновь Казаки, дадут им свободу, но что управлять возрожденной Россией будут они-"великороссы", а не казаки, -слишком глубоко сидел в самосознании этой гнилой интеллигенции рабовладельческий исторический инстинкт.

В г.Новочеркасске был либеральный кружок: Л.А.Донецкий, В.Ф.Федоров, Н.Н.Рудов, Л.Л.Карасев, Х.И.Попов, Тимошенко, Савельев. Активными были студент технологического института И.И.Басов, а также студент Харьковского института А.А.Емельянов, ставший известным всей России, благодаря своему столкновению с Петербургским градоначальником Треповым. За казнь его мстила известная Вера Засулич. Также были известны П.И.Мозговой и агроном Василий Зубрилов.

"Донское Землячество" было основано М.Р.Поповым, заточенным впоследствии в Шлиссельбургской крепости.

Не лишено громадного интереса "милости" царя "Освободителя", вернее поработителя, по отношению к казакам Ставропольской Области. На этой большой территории в 47.000 кв. верст, были станицы казаков Кубанского Казачьего Войска: Александровская, Бешнагирская, Калиновская, Круглолесская, Михайловская, Саблинская, Северная, Надежинская, Сергиевская, Спицевская, Старо-Марьевская и Татарская-всего 12 станиц.

Эти казачьи станицы рескриптом Александра II, от 31 декабря 1869 года, были переименованы в села, а казаки расказачены и обращены в "гражданское ведомство", в крестьян Ставропольской губернии.

Из переселенных казаков на Черноморское побережье, был образован Шансугский казачий батальон, разместившийся станицами на месте бывших военных укреплений: Геленджикского, Береговая, Вулканская/ныне село Архип-Осиновка/, Блованская и т.д.

30 декабря 1870 года Шансугский батальон был расформирован, составляющие его 12 станиц, были обращены в села, а казаки в крестьян.

В 1896 году была образована Черноморская губерния, состоящая из трех

уездов: Новороссийского, Туапсинского и Сочинского, выделенных из Кубанской Области казаков переименовали в крестьян. Такая же заботливость имперской власти была распространена на Азовских казаков между Мариуполем и Бердянском.

Кроме того, было послано 3.000 казаков Уральцев на р. Аму-Дарью, чтобы восстановить там московские порядки, по мере кровавых завоеваний Хивы и Бухары. Эти казаки так и не видели после родного Урала, а постепенно смешались с древней ветвью Казачьего народа казахами.

Социальное положение России при царях Александре II и Александре III и мотивы убийства первого и попытки ликвидации второго, довольно прозрачно обрисованы существовавшим тогда за границей "Исполнительным Комитетом Народной Воли", во главе Льва Тихомирова, уроженца Кубанской Области. Эти "народовольцы", по существу своей духовной дряблости, отсутствию жертвенности на подвиг, не избавившиеся от присущей "великоросской нации" рабской чувствительности, были не истинные революционеры, а скорее всего "мечтателями" и при том еще не искренними. Крича о свободе народа, они не вели за собой народ, чтобы показать ему - зачумленному, яркий пример социальной борьбы, а натравливали на жертву других, оставаясь "невинными" из прекрасного далека.

Вот что они писали: "Славному Казачеству Войска Донского, Уральского, Оренбургского, Кубанского, Терского, Астраханского и Сибирского... /Но распространить это "объявление", по своей трусости, так и не смогли/. Датируется "объявление" было 3 сентября 1881 года и гласило:

"Атаманы молодцы, доблестные защитники Народа Русского! /Одно уже это наименование "защитниками" многомиллионного народа, указывает на негодность к жертве этого народа и его адвокатов/.

Сотни лет уже прошло, как своими великими подвигами заслужили вы себе бессмертную славу, сотни лет уже гремит она по всему миру, и с почетом вспоминает казака весь Русский Народ /конечно, по своей психологии, казак с маленькой буквы, а русский с большой, - прим. наше/.

Велики и вправду заслуги казачества /опять таки с малой буквы/. С незапамятных времен вы защищали вольность народную от всех врагов. Вы полили своей кровью каждый аршин войсковых земель, обороняя отечество от бесчисленных орд турецких, татарских, черкесских /! / и иных. Ваши сабли и пики побывали и в Стамбуле и в Хиве. Сотни тысяч ваших храбрых товарищей сложили головы на святом деле защиты отечества. Но заслуга казачья не в одном бою с басурманами. Еще выше та защита, которую ваши деды и прадеды подавали народу /какому? / против всех его внутренних притеснителей. Вольное казачество было колыбелью русской /! / свободы /защищать которую т. наз. "русские" не только не умели, но и не хотели, прим. наше/. На казачьих землях испокон веков все были равны, все были свободны, все по-братски пользовались папней, степью и рыбной ловлей. Вы подавали всему народу /какому? / пример, как следует жить вольному человеку. И далеко расходилась молва о славном житье казачьем. Слышали о нем обездоленные, угнетенные крестьяне и бежали к вам от непосильных податей, от притеснения начальства и помещиков. Ваши деды и прадеды всех принимали, никого не выдавали, они освобождали раба, делали мужика вольным /а как же отблагодарили эти рабы за их освобождение? Они стали уничтожать Казачий народ, чтобы стать над ним господином и работодателем, прим. наше/. И опять расходилась повсюду молва о казачестве; радовался православный /! / народ, что есть у него защитники и думал он о том, как бы всем сделаться казаками /казаками не "делаются", а рождаются, прим. наше/, как бы хорошо тогда жить на Руси /бездеятельные мечтатели, прим. наше/.

Ваши деды и прадеды, слыша о всех притеснениях русскому народу от начальства и помещиков, не хотели оставить его без помощи. Много раз славное войско казачье подымалось на Москву, чтобы освободить народ русский и сделать его вольными казаками. Ваши прадеды ходили воевать против царя

Бориса за то, что он закрепостил крестьян.

Знаменитый атаман Степан Разин, со своими храбрыми донцами также ходил на Москву, разбивая царских воевод и обращая всех крестьян в казачество. Донской же казак Емельян Пугачев, с удалыми уральцами подымался выручать русский народ/на несчастье не только Казачьей народу, но всему Миру, прим. наше/, и так тряхнул Москвой, что она потом сто лет помнила/но горе в том, что "великоросс"-то оказался непригодным для святой Свободы, привыкнув быть рабом/. И когда царское притеснение забиралось к самим казакам, то всегда находились у нас отважные воители Булавин и Некрасов, которые умели показать, что с казаками путить нельзя./А кто же шел против Булавина-Некрасова? Ведь не турки-басурманы, а те же "великороссы" и вместо того, чтобы примкнуть к Булавину и перейти на его сторону, эти "жаждущие свободы", грабили казачьи городки, числом 44, сжигали дома, угоняли скот, насиловали казачек, вешали казаков и на плотах пускали по Дону и даже детей-сирот нанизывали на штыки и сбрасывали в Дон. В общем поработали от души и заслужили похвалу от "батюшки-царя" тем, что он сам лично стал рубить головы стрельцам/.

"В этом самая великая заслуга казачества", продолжают расписывать "народовольцы", "что оно давало пример вольности всей России, и всегда за правду свои и народные стояло дружно, не щадя жизни. За то и прославилось, - стали казаки героями для всего народа. Знает русский народ, что пока живо казачество-не пропадет и он.

Атаманы! Ныне и мы к вам обращаемся, призываем вас на великое дело. Покажите, что еще жив старый казацкий дух, что умеет подняться казачья сабля за правду за народные вольности. Крестьянство обнищало, вся земля расхищена помещиками, полиция грабит народ, правительство ни о чем не заботится. Видя всеобщее бедствие, мы-социалисты, решили вступить за народ, назначили особый Исполнительный Комитет, который и обратился к царю Александру II, обьяняя, что на Руси теперь стало хуже, чем при крепостном праве, чтобы вся земля была передана народу, фабрики рабочим артелям, создавать выборных депутатов от народа: от крестьян, рабочих, казаков и проч., без них не издавать законов и вести войны. Однако, царь Александр II обьявил нас злодеями и стал вешать целыми десятками, велел читать по всем церквям, что земли мужикам не будет, назначил больше урядников и полиции, от которых никому жить нельзя. Тогда Исполнительный Комитет убедившись, что царь думает только о своей, а не о народной пользе, за все его жестокости присудил к смерти и казнил 1 марта.

После того, как вступил на престол Александр III, к нему обратились с письмом вспомнить, что царь должен жить не для своего удовольствия, а для общественной пользы, но он обьявил, что будет царствовать по старому, земли мужикам не даст и с выборными советоваться не желает.

"Да падет же на его голову вся кровь, которая из-за этого должна пролиться в Русской земле. Рассуждать нечего, а нужно собрать все силы, поднять восстание и низвергнуть правительство. На место его созовем Земский Собор и установит правительство и порядок."

"Атаманы молодцы! На какую же сторону вы станете? За царя или за Народную Волю? Испокон веков вы были народными защитниками. Неужели теперь из за царских милостей пойдете против народа?"

Благородное Казачество! Воины силы, вани вольности не в царях, а в народе. Вольность противна царю. Цари не трогали вас потому, что боялись. Они знали, что стоит казачеству подняться, как за ним двинется весь русский народ/???. Вспомните, атаманы, свою старую славу. Вы не царские слуги, а народные витязи. Идите же выручать вместе с нами русскую землю от неволи и тогда будет вам наградой земля и воля и вечная слава в потомстве".

Последние заключительные слова уже похожи на грамоты царей, которые "дали" казакам Земли, им не принадлежащие. Какие бы последствия приняли обстоятельства, если бы эти "обьявления" были распространены "народовольцами, но этого не случилось, отдельные листки в самом мизерном количест-

де попали лишь к отдельным казакам-студентам-членам "народной воли".

Революционное движение народовольцев было слабо. Не оказалось ни одного соответствующего этому делу вождя. Во всем чувствовалась мягкотелость и бесхребетность; даже, присудив Александра III к смертной казни, привести в исполнение этот приговор не сумели, и при крушении царского поезда - вся семья царя и он сам остались невредимыми. Всего по политическим делам на Дону было привлечено 2.238 человек, из них 18 были казаки.

Членами "Народной воли" были: есаул А.А. Николаев, хорунжий 7-го Донского полка Матвей Фомин, Ефрем Петровский, А.И. Александрин, сотник Василий Чернов, осужденные на каторжные работы за изготовление бомб.

В подготовке покушения на Александра III, которое должно было состояться 1 марта 1887 года, были арестованы: студент-юрист, казак ст. Потемкинской Василий Денисович Генералов на Невском проспекте с бомбой в руках, а также кубанец Пахомий Андреевич-студент. Оба они были казнены в Шлиссельбургской крепости, студент же Орест Говорухин, казак ст. Усть-Хоперской, бежал за границу.

Были арестованы на Дону: учитель Гр.И. Шаповников, Ал. Гавр. Нардеков и Вит. П. Земляничин, ст. Ново-Николаевской, за распространение листовок.

А между тем Дон глухо волновался. Постиг необычайный неурожай хлебов, вспыхнула чума на скот и холера. Казаки роптали по поводу обмежевания станичных лесов, издревле принадлежавших станицам.

2 апреля 1879 года произошел большой бунт рабочих в Ростове, с избие-нием полиции. В 1881-1883 г.г. были еврейские погромы со стороны "велико-россов", разграбивших много домов и лавок. Находясь в Ростове шесть русских рот не могли справиться с беспорядком и из Новочеркасска было вызвано три сотни казаков.

По этому поводу, Александр III на докладе министра внутренних дел Толстова пометил: "весьма печально, но этому конца я не предвижу. Слишком эти жида опротивели русским и пока они будут эксплуатировать христиан, эта ненависть не уменьшится".

Однако, в станицах Дона существовали евреи, торговавшие сельско-хозяйственными машинами, среди чистого казачьего населения никаких недоразумений не было.

Положение казаков все ухудшалось размером земельных паев, увеличение расходов по снаряжению на службу, уничтожение земства и станичного самоуправления, закрепощение казаков государству, закрытие гимназий, а вместо них открытие ремесленных школ; милитаризация всего населения: в школах вводилась военная дисциплина с занятиями военных артикулов, отдавание чести, становясь во фронт и т.п.

В особенности памятен был наказный Атаман Святополк-Мирский, гонитель на просвещение, получивший титул от казаков: "Святополк-Окаянный".

Настроение казаков по станицам было таково, что царь командировал самого начальника главного управления Казачьих Войск для успокоения. Для разъяснения нужд были потребованы депутаты от Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга с постоянным нахождением. Их это ублажало. Кривда суррогат представительства, т.к. в депутаты выбирались только дворяне. Происходили бунты по станицам, в особенности в Кривянской станице, разогнавшей сторонников наказных атаманов.

Сама жизнь грозно диктовала иные задачи, которые надлежало разрешить всероссийской власти, а именно: политическо-административные и социально-экономические. Весь предыдущий период, начиная с Екатерины, прогнивал. Надлежало создавать всероссийское представительство "на тормозах" - эволюционным порядком. Трудность заключалась в том, что наверху были работодатели, а внизу - рабы, соединить эти психологические разновидности - потребовалось бы наличие большого реформатора, но такового не было и найти его не представлялось возможным.

Единственной жизненно приемлемой социальной структурой был строй Казачьего народа, но по отношению к нему высший класс, при поддержке каза-

чьего дворянства, относился враждебно; крестьянство же заражено было чувством зависти, т.к. оно не имело таких земельных угодий, как у казаков, а отнять у помещиков - не имело сил.

Дон, Кубань, Терек, Урал были такие области в государстве российском, которые имели свои бытовые и исторические особенности, с которыми необходимо было считаться верховной власти, чтобы не вызвать восстаний. Среди казаков намечались линии самоуправления, автономии и объединения Дона, Кубани, Терека и Кавказа в единое политическое целое, с Федерацией с Московией, Украиной, Белоруссией и Сибирью. Особенно ярко выливалось стремление казаков раскрепощение их от устарелой формы службы государству, да еще за собственный казачий счет. Также было жизненно необходимым упорядочить крестьянский вопрос и рабочий. Крестьяне требовали таких же наделов, как и у казаков, но нести поголовно военную службу наравне с казаками отказывались, предпочитая систему военной службы всего крестьянства на Севере и за казенный счет.

Надежда Казачьего Народа на вступившего в управление государством Николая II постепенно потухала. На ряд ходатайств о подтверждении исторических прав казаков было глухое молчание. Общая политика Николая II проводилась в охранении того бесправного положения, в котором поставлены были казаки в "Бозе почившими" лже Романовской династии. Казаки усиленно скрывались от всего, что могло бы поставить их в лучшее экономическое, а тем более в политическое положение. От казачьей автономии не осталось даже маленького следа. А поэтому, все регалии, "высочайшие" грамоты, как не имеющие уже никакого внутреннего содержания, были 6 сентября 1901 года перенесены из Войсковой канцелярии на хранение в Донской Музей. Для историка Донского права, этот акт должен иметь историческое значение в том, что все эти бумаги в "Бозе почивших", абсолютно утратили какое-либо духовное значение и представляли уже мало ценный музейной редкостью материал.

Присутствие особых депутатов при Управлении Казачьих Войск в Петербурге, было уничтожено, как анахронизм, ибо нужные сведения требовались с мест. Шло время, как будто строгое, мерное и безвозвратное, но грянул внезапно гром-позорная война с Японией, вызванная авантюристами с адмиралом Алексеевым во главе, при захвате ими концессий на р. Ялу, и пошла жизнь кувирком: кое-где вспыхивали бунты, помаленьку горели помещичьи усадьбы.

Безвольный царь, окруженный бестолковой и разнузданной знатью, вынужден был обратиться за помощью к Донскому Войску утихомирить разбушевавшуюся стихию и наконец прислал пресловутую "грамоту", бездарную, безсодержательную и даже поплую. Она гласила:

"С первых же времен своего существования, свыше трехсот лет/предыдущие века проглотила утка/славное войско донское начало верное свое служение Царям и Отечеству/с большой, а донское с малой, буквы/. Неустанно преследуя светлую цель развития зарождавшегося тогда грозного могущества Государства Российского, оно с тех пор неизменно беззаветною самоотверженностью своей и беспредельною преданностью всех своих сынов Престолу и России, став оплотом на рубежах государства, богатырской грудью охраняло и содействовало расширению его пределов/для своей лично гибели, прим. наме/.

В години тяжких испытаний, неисповедимыми судьбами Промысла Всевышнего/какое лицемерие!/, Царству Русскому/!/ниспосланных все донские казаки всегда с одинаковой любовью/!/и храбростью, становясь в ряды защитников чести/!/и достоинства/!/Российской Державы, стяжали себе, постоянно присущим им духом воинской доблести и многочисленными подвигами, бессмертную славу и благодарность/!/Отечества. И в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, донские казаки, свято исполняя заветы своих предков/!/верой и правдой служить Царю/от которого кроме горя ничего не видели, - наме/, явили пример всем верным сынам

Отечества. За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу об, являем ближнему сердцу Нашему/!/доблестному войску особое монаршее благоволение и подтверждаем все права, дарованные ему в Бозе почившими/!/высокими предками Нашими/хорошо дарить им не принадлежащее/, утверждая императорским словом, как ненарушимость настоящего образа служения и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков, и утвержденных за войском высочайшими грамотами/Справка: было отторгнуто Петром I Диким один миллион десятин; лже романовыми расхищено, начиная с Екатерины до Александра "Освободителя"-3.800.000 десятин самой лучшей земли/. Мы твердо уверены, что любезные и верные Нам сыны Дона, следуя и впредь славному преданию отцов, сохранят за собою высокое звание преданных слуг и охранителей Престола и Отечества".

Обычное слово "защитников родины" испарилось, заменив пошлым словом "слуг".

Между тем обеднение этих "слуг" дошло до того, что казаки стали превращаться в пролетариат, не имея возможности справляться на службу за собственный счет, и поэтому военный министр Куропаткин писал: "если не будут приняты меры, то казачество Дона скоро окажется не в силах выполнить лежащих на нем военных обязанностей. Надо беречь Донскую область и не нарушать Донского казачества, т.к. в случае войны она дает 75.000 конную армию".

В результате этого доклада, мысль о Земстве на Дону была оставлена и занялись насаждением станичного коннозаводства, с уплатой каждому казаку, выходящему на службу, на коня 100 рублей. С развитием же рабочего движения в Ростове и Таганроге, было срочно создано "Розыскное отделение", а так же отделение жандармов, а о казачьем самоуправлении уже не было и речи.

Питейный доход станиц был отобран в войсковую казну, а эти средства шли на обще-государственные надобности. Правительство так зажало в клещи народное образование, что грамотных было в 1901 году 36%.

Вместо арендной платы за частное коннозаводство для нужд русской армии по три копейки за десятину, была "монаршая милость" повысить аренду и платить 67 копеек!!! Издевательство продолжалось.

Нужно сказать, что одновременно с этим шла работа всех политических партий по устройству "Новой России" и большинство партий соглашались и идеею Казачьего народа образовать Юго-Восточный Союз: Дон, Кубань, Терек, Кавказ.

В 1903 году появились кружки в Ростове, Таганроге, Новочеркасске "Южно-русской группы учащейся молодежи"; группы "Свободного Слова". Появились прокламации "Казачья Воля" с историческим обзором роли казаков, и указание, что самодержавие похитило все вольности для подавления Освободительного Казачьего Движения. Казаки призывались "тряхнуть Москвой".

В 1905 году был организован "Областной Казачий Союз". Цель: раскрепощение Казачьего народа от несносной службы, борьба против неволи, принуждения, неправды и несправедливости. Требовали волю, независимость, свободу личности. И раз, ясно было, что славная и почетная роль казаков состоит в борьбе за лучшие формы государственности против самовластия и произвола, в борьбе за свободу и право не только свои, но и всех угнетенных. Тут именно славные заветы старины гармонически сочетаются с завоеванием человеческой мысли в новые времена. Эта борьба будет упорной. И чем не скорее казаки поймут свои интересы и значение, тем скорее оно повернет шансы на победу в пользу народа и скорее продолжит путь к народному счастью.

В 1906 году, во время 1-й Государственной Думы, станичные приговоры требовали самоуправление, восстановление Круга и выбор должностных лиц, возвращение расхищенных земель, обязательное обучение детей, нормализация военной службы. Эти требования станиц произвели сильное волнение в правительственных кругах.

Попытки правительства русского приурочить казаков к полицейской службе, во вред освободительному движению, в скором времени вызвало неудово-

льствие, митинги и самовольный уход из полков. Так две сотни 3-го Донского полка бросили ряды. Весь целиком 2-й Лабинский полк ушел из Грузии, вслед ушел Урупский полк, произошли волнения кубанских пластунов в Новороссийске. Появление казаков на митинге в Ростове, вызвало общий восторг. Рабочие потребовали в честь казаков исполнить рабочий гимн. Произошли волнения казаков 1-го Донского полка в Москве. Волновался 5-й полк. Сотня, 3-го Ермака Тимофеевича, полка была отдана под суд за восстание в г. Вильно в 1906 году.

При попытке, один из полков 4-й дивизии был отправлен на усмирение крестьян Тверской губернии, но этот полк стал стрелять не по крестьянам, а по полиции. В Бахмуте казаки стали сражаться с драгунами, пытавшимися разогнать митинг. 31-й полк заявил, что ему позорно выполнять полицейскую службу. 1-й Сводный полк писал: "Молим уволить нас от полицейской службы, которая противна нашей совести и оскорбляет достоинство Дона."

Одновременно шло сильное брожение в станицах.

Что же происходило в то время на Западе? Там зрело столкновение двух начал: национального и интернационального-капиталистического. Сперва, как мы увидим, верх брало национальное начало. Его под, ем выразался в форму заносчивого империализма, а именно: бросить народы и союзы народов друг против друга за первенство влияния. Во всем этом самое трудное было роль России, в силу ее огромных пространств и с народом неусидчивым, беспокойным, не преданном своей государственности.

Все указывало на то, что Англия, достигнув верха своего могущества, будет вести роль подстрекателя против Германии, морское влияние, которое беспокоило Англию и вместе с тем провоцировать Россию своими кредитами против Германии. Это ей удалось, при посредстве интернациональных капиталов.

Как же вела себя Германия, с наиболее упорным в труде и порядке немецким народом? Не довольствуясь высотой своих мировых достижений в культурном, политическом, экономическом и социальном отношении, народ этот мнил себя народом повелителем и поэтому он стремился и будет стремиться к захвату жизненных пространств, вследствие недостатка земли для своей колониальной политики, в сторону западных пределов России. Это — вечный план Германии.

К этой эпохе возникал воинственный социализм. Произошел слишком стремительный успех промышленной техники, которая стала порождать быстрый рост городских масс. Технический прогресс, принимаемый людьми за главный признак цивилизации, далеко перегнал прогресс духовный, что не соответствовало уровню развития народов, отрывая неподготовленные массы от натурального привычного хозяйства. Получилось преждевременное скопление людских масс в центрах. Создалось, как бы, обожествление технического прогресса с социализмом во главе. Это стало, как бы, религией и рабочий народ стал мечтать о суверенных правах над всем строем жизни.

Учение Маркса, в котором был только материал, побуждающий к мирной перестройке отдельных несправедливостей, стало самоцелью, к которой пошли средствами революционных насилий. Технического прогресса уже нельзя было вернуть вспять и остается единственный путь — это дать социализму изжить себя, дойдя до крайних бессмысленных по жестокости форм управления.

В выступлении социализма первейшую роль пришлось сыграть невежественной России, именно ей, этой стране фантастов, мечтателей, безумцев, с ее тугодумной интеллигенцией и самым отсталым в Европе народом — рабом, дана судьба стать опытным полем социализма и вместе с тем могилой ее выдумок, химер и ужасной бойни народных масс. Ценой этой жертвы будет преподано поучительное зрелище, вероятное, распадение страны по национальностям, полное ее разорение, духовное одичание и падение нравственности.

Все эти возможности, однако, скрыты во мраке будущего. Может быть вмешательство других зрелищных сил для освобождения от безумной власти, пробуждение рабочего народа и революция изнутри. Одновременно с будущим благополучием, увянет кроме социализма и парламентаризм с десятками враждующих партий.

Какое же было общество тех годов в России? В ту пору вошло в обиход упрощенность. Рыцарские начала были забыты, а в моде был тон вольности и развязного дерзновения: мужчины нагло, как кокоток оглядывали женщин и девушек, и начинали "подход" сразу намеками, остротами, анекдотами, откровенно говорящими о "цели". В этом видели "шик". Но все же пло время, как будто строгое, мерное, без возврата, поглощая жизнь отдельных людей и мировые события. И только единый Творец Вселенной знал, куда уносятся миры в этом потоке.

Россия жила ленивой жизнью. Кое-как обработанная земля давала сотни миллионов пудов к вывозу и на этом вывозе строилась вся путаная, глупая русская политика. Правящие круги безразличны к нуждам деревни и ненавидящие ее, в июне справлялись прошли ли дожди и если да, то со чванством поднимали головы. О каких либо духовных началах они не интересовались, даже были безразличны к поражениям русской армии Японией. В деревне же говорили мужики: "Чудное дело, а с чего это государь разрешил на чужих землях воевать, когда своей земли некуда девать, ведь не для крестьян же он делает захваты чужого".

Для подтверждения мыслей мужиков, 26 февраля 1904 года, был выпущен манифест о введении укрепления общины о неотчуждаемости наделов и ограничении крестьянских прав. Что же представляла собой эта пресловутая "община"? Она выдумана была для легкости управления немцем Гахатгаузенем и тупомудрыми славянофилами. Так, например, подсчитывалось число жителей села, назначалась пошлина с каждого в казну. Никто из села не имел права уходить, ибо за каждого ушедшего обязаны были платить пошлину остающиеся, и поэтому каждый мужик зорко следил не ушел ли сосед. Это было даровое полицейское ОКО и поэтому сиди каждый на одной десятине земли и гризи эту землю; держать скот нельзя - нет выгона для пастбища и у кого нет хлеба - поревка для пепи найдется... Бедность, грязь физическая и духовная, ненависть друг к другу, зависть, зло окутывали деревню. Слепое правительство не хотело понимать, что отворачивалось от грязной деревни, рано или поздно и общество и власть вырвет себе могилу. Все пло к развалу.

После убийства министра внутренних дел Плеве, Петербург представлял собой любопытное зрелище общественного распада. Заласного министра не нашлось, а назначенный Святополк-Мирский, бывший гусар и его помощники были полными ничтожествами.

В правящем классе не было исторических традиций, все пло по ранее заведенному рабовладельческому методу: "делай, что прикажет начальник, а против государя не делай". Каждый "начальник" мордобой-символизировал государя...

Но, вот, в Москве открылся так называемый "Шиповский С,езд", из именитых званий и имен, по существу самозванный; мужику туда доступ был запрещен. К этому с,езду были привлечены целая масса отборной интеллигенции, так сказать "соль земли". Десятка два знати, столько же земцев, радикалов и представителей общества, поддерживаемых заграничными революционными газетами, на средства московских мучеческих тузов.

Все же странно, что состав с,езда был русский и русско-подданный, без тех именно "евреев", которым обычно приписывались желания свергнуть русскую власть. Не было и иностранцев, которым было бы выгодно это свержение. Но на вековой строй России, на ее историю замахнулись именно русские - "соль земли". И это было не только обывательский заговор пустых и жаждущих власти людей, но показатель чего то более грозного надвигающегося, как буря, явление, под прикрытием князей и камердинеров глупых и наивных. Как будто какой-то Дух руководил стихией "Все свободы", - таков

был лозунг с,езда; так что никаких социалистов и революционеров и не потребовалось, да их и не было, — все вершилось словами "знати". Слышались крики: свобода совести, оргия произвола, приказный тупик, сдвиги самосознания, заря и весна свободы, бряцание цепей политических заключенных, полицейские застенки и пр. так и сыпались из уст предводителей дворянства, камергеров, графов, как горох из грохота. Против этих очумелых господ выступил адвокат Нардовский, крещеный еврей и говорил: "я либеральный сторонник сожительства власти с народом, на основании закона и права. Но, общество, требующее сразу таких свобод, о которых еще не снится самым цивилизованным народам, само делает прыжок в пропасть и толкает туда и власть и народ". Его прервали крики: "не пугайте... мы не дети... во всем мире так... мы не хуже Европы... давать, так давать..."

Адвокат продолжал: "со стороны юридической правовой, это будет призыв к ниспровержению строя и к революции; со стороны исторической, это будет документ, что русское общество не доросло до понимания своей государственности и посягает одним ударом свести тысячелетнюю историю на нет и причинить стране неисчислимые бедствия". Речь была покрыта невообразимым негодованием, и он упел. "Не угасим стяг свободы", кричали ему вслед. Присутствующие на с,езде светские дамы из Петербурга и Москвы, кричали: "время уже уходит этому полковнику" вместе с Алисой Гессенской...

Выступил еще один общественник: "Вы задумали развал России. Ваши пункты протокола просто невежественны. Ваше общество талантами не блещет, — попросите таковых с улицы. Раз уже вы решили подписать акт о замене правительства, презираете долг и присягу, то долой ваши мундиры, отличия, чины, ордена, звания, дающие вам защиту и внешний облик благородства, чтобы не порочить русское общество, поднять страну к хаосу". "Вон, долой, не нравятся уходи..." неслись крики.

О всем этом информировал, видных людей станицы Гундоровской, артист императорских театров Власов Степан, имеющий возможность, как артист и как Донской дворянин, бывать везде. Он описывал, что вожаки с,езда, по окончании отправились одни к "Яру", другие в "Эрмитаж", "вспрыснуть победу". Известный адвокат Маклаков кричал: "завтра мы будем в Питере, где ключ к свободе. Я вижу просветленное лицо народа, того оскорбленного и униженного народа, который скоро гордо поднимет голову/!/". Мы даем великое дело. Сознывая долг перед страной, мы во главе с "солью земли"/!/ — Земством, вырвем ключ к праву и свободе у ветхой падающей власти и высоко водрузим знамя правды и вольности..."

Пьяный Предводитель дворянства Гурьев лез целоваться; другой толкал к оратору пьяненькую певичку; а граф Нельдин растегивал корсет у пышной немки. Француженка пела сальную шансонетку. Послышались крики: "Марсельезу... марсельезу... заорали ее... дико, шумно... визжали женщины, звон посуды и звонки..."

"Вот так "соль земли" восстанавливала в Москве знамя свободы: в разврате и разгуле", писал Степан Власов.

"Пользуясь тем, что поезд был бесплатный, я поехал с этой "солью" в Петербург. Для с,езда были отведены помещения министерства внутренних дел. Заниматься серьезными делами было некогда, всех тянуло к "вольности" ресторанов и на рауты великосветских дам, княгинь, графинь и пр. На одном из раутов у княгини Грайской, при сведениях о начавшихся смутах и пожарах, полупьяная публика орала: "Солнце свободы взопло"... "Ну, а как же Ваши помещичьи усадьбы окажутся при свете этого солнца свободы?" — крикнул я. Мне ответил один из камергеров: "Наши усадьбы — наша собственность, если это не поймут крестьяне, мы поплем для усмирения казаков..."

"Ну, а если и казаки, носители вековой свободы, откажутся усмирять бунтующих?" — спросил я. "Ну, тогда поплем против казаков-драгун" — резко крикнул другой камергер.

На следующий день я отправился на аудиенцию к министру внутренних дел Святополк-Мирскому. Тот, на мое предупреждение, что если казаков бу-

дут употреблять как полицейскую силу против крестьян, то казаки откажутся от этой позорной службы, министр горделиво заявил, что: "у нас есть силы унять и тех и других, нарушающих порядок подчиненности".

"Но, Вы, Ваше Превосходительство, этим толкнете народ к революции?"

"Ну, до этого еще не дойдет! А что же Вы, как дворянин, предлагаете?" - спросил меня министр.

Я ответил: "если правительство не даст землю крестьянам в личную собственность, которую он будет защищать от внешних врагов, а врагов у России много, то революции не избежать..."

"А все же Вы, казак смелый, еще никто мне таких речей не произносил. Смотрите, как бы Вам не попасть под подозрение" - закончил министр.

"Итак, дорогие Гундоровцы, на всякие приказания усмирять крестьян, отвечайте: "против внешнего врага мы пойдем охотно, но быть полицейскими не хотим". Вап Степан Власов".

.....

Престол был окружен посредственностями, людьми малого образования и опыта, англо и германофилами с министром Двора Фредериксом во главе, который знал свою роль на пользу Рейху. Остальные мелочные, легкомысленные карьеристы. Это были не защитники родины, а распущенная дворня, которая не боится своего хозяина. Никто из них и не думал наделить крестьян землей и ни один из них не сказал правду государю.

Октябрь 1905 года был очень напряженный. Митинговали заводы и фабрики; не прекращалась железнодорожная забастовка; в разных губерниях горели усадьбы. Политические убийства следовали одно за другим. Но революция все же не удалась. Радикальное сменовичество, перепуганное полком Галсом, отрецивалось даже от слова "конституция". Деятели недавних самозванных "с, езд" разбежались, как крысы по норам, трепеща за свои усадьбы и фабрики. Максими Горькие были уже не в моде и Саввы Морозовы перестали давать им деньги.

На свет появился "второй ум" и вторая рука - Государственная Дума, которая могла бы, казалось, много дать России, но она занялась не делом, а лишь атакой на царскую власть и без того уже бессильную. Дума отразила собой неделовитость и несерьезность общества. У нее не было знаний, трудоспособности и почти полное отсутствие того, что во всем мире называлось "патриотизма". Пустой пафос, личные счеты, тупое доктринерство, бездарная партийная мелочность, страсть к болтовне и спору и полное отсутствие творчества. Политическая мельница жужжала колесами болтовни на холостом ходу. Назревала новая революция.

.....

Вся Европа зорко следила за сильным брожением в России и аппетиты на ее богатства все более и более разгорались. Все тайные силы были брошены на то, чтобы костер разгорался бы сильнее для того лишь, чтобы взять в свои цепкие руки обезсиленную империю. Особенно сильны в Петербурге германофилы.

Многие еще не знают о той главной причине, под влиянием которой беспомощная Россия вступила в войну против вооруженной до зубов Германии, мечтающей о колонизации Юго-Востока России.

2 июля 1912 года в Берлине открылся абсолютно тайный С, езд так называемого "Треста Сырья", финансируемого Германией и Америкой и предназначенного для экономического под, ема /! / России путем правильной эксплуатации природных богатств. Предлагаемый "Трест" брал на себя задачи развития во всей Азиатской России. Сфера влияния Германии - Юго-Восток Империи в ее четырех областях: Украина, Казачьи Земли, Кавказ, Туркестан. Свободная поверхность и недра указанных районов уступаются на концессионных правах германскому синдикату на срок 100 лет, с правом перевода на

места установленного числа колонистов.

Сфера влияния американцев—Дальний Восток, Амурская и Приморская области, Сахалин, Китайская и Манджурская железные дороги, Сучанские и Ленские прииски. Независимость торговой деятельности "Треста" гарантируется особым договором со стороны русского правительства и займам в Германии и Америке.

Согласованные действия "Треста" будут направлены на установление представительного образа правления в России и соответствующих реформ культурного хозяйства ее.

На этом секретном Тресте был только сенатор Тамарин—неуполномоченный даже государем. Он всецело принадлежал к сонму комиссионеров могущественных банков и поэтому он благоговейно работы принимал этот, в сущности пока, скрытый ультиматум Запада, как милость его для России. Кто же состоял в списке лиц, готовых субсидировать Трест? Ротшильд, Морган, Мендельсон, Кун-Леба, Крупп, Шкода, Шнайер, Вольф, граф Бернедорф, Гинсбург, Уайд, Борух, Шиф и Базиль Захаров.

К этому моменту Россия, хотя и лениво, но шагнула вперед. К общему удивлению появился один умный человек—министр Столыпин, который начал решительно осуществлять земельную и правовую крестьянскую реформу. Он выставил лозунг личной крестьянской земельной собственности, не считаясь ни с долями радикалов, всячески стоявших за сохранение пресловутой "общины", как прообраза "социализма", ни с протестами их неожиданных союзников из крайних правых, видевших в общине "исконное" русское начало.

Против Столыпина поднялась травля на всех фронтах. На зверский налет на его дачу с убийством многих, он ответил полевым судом, но он все же пал от руки некоего Багрова в Киевском театре.

Каковы же силы диктовали Багрову убить Столыпина?

С одной стороны реформа, которую крестьянство встретило радостно, убивала стремление социалистов создать революцию, т.к. крестьянин получив землю, не станет в ряды. А с другой стороны, если крестьянство станет собственником своей свободной земли, то Россия станет непобедима, т.к. мужик будет сохотно сражаться не за помещичью землю, а за свою собственную. Это, безусловно, поняли те, кто создавал "Трест Сырря", и поэтому эти силы и стали разрабатывать план будущей и скорой войны.

Реформа Столыпина угасала. Государственная Дума положительно выдыхалась, варясь в собственном соку и в своем многословии. О войне она не думала и о роковых результатах ее тоже. Причинами войн обаялись мелкие и ничтожные факты, и только немногие чуяли интуицией какую-то иную правду, за которой скрывалось выполнение чьего-то давнего, холодного и рассчитанного замысла и актом кем-то умело поставленной человеческой трагедии. Кто-то, стоящий за кулисами, повелел поднять занавес... Было совсем, как на сцене. Только вместо искусственного занавеса—потоки крови и слез были не сценические, а настоящие. Итак, грянула война, совершенно не нужная для России.

По внешности Ставка была нарядна, но если поглубже покопаться в этом муравейнике, то бросалось в глаза, что штабные были против строевых; гвардейцы против армейцев; старые против молодых; петербуржцы против провинциалов, левые против правых. Все усердно подсиживали друг друга.

В смысле снабжения. На одной станции стоят 18 вагоновдохнувших быков, а на другой станции в сотню верст, не знают, что делать с 30 вагонами сена. Из Одессы телеграфируют, что там от безкормицы пало три тысячи голов скота. Из Риги кричат, что туда привезли 3 поезда снарядов 12-ти дюймовых, а эти поезда по наряду должны быть на Южном фронте. Один влиятельный генерал Долгоруков экстренным поездом выехал в Варшаву, и для этих восьми часов на всех узлах закрыты пути для товарных поездов и т.д.

Кругом пло недоловольство, попот, шум и бесконечные доносы, так родственные "русским", и склозь всего, словно лоземка, метуца л понизу ползла гнусная клевета, героем коей был конокрад сибирский Гришка Распутин.

Командиром 20-го Донского казачьего полка был полк. ген. штаба А. М. Назаров/в будущем Донской Атаман/. Это был выдающийся воин. Он не шел по штабам, а выполнял строевую службу. Сперва в Персии, а затем на Западе. Был он высоко-образованный, ученый математик. Он чертил проекты для конструкции аэропланов. О одном из этих проектов я лично был командирован в Ставку. На площади было много солдат и офицеров. Вдруг, беззумыно подкатился царский автомобиль. Государь вышел и он был близко от меня. Что мне бросилось в глаза-это сильно уставшее лицо. Он шел неуверенно, будто стеснялся перед глазами солдат; часто отдавал честь. Это не был властелин величайшей империи, а бедный простой человек, согбенный историей, и все же в этом невысоком уставом человеке чувствовалась совесть, обманутая окружавшей его развратной и предательской знатью. Как-то внутреннее чувство подсказывало мне, что это обреченный, несчастный человек.

Во всем круге событий, вызвавших великую войну, почти все было доступно наперед подсчетам проникновенного ума, и Судьба как бы отказалась вмешиваться в человеческие дела. Разгром Германии уже был предрепен. Начало 1916 года не предвещало ничего хорошего для России. Дума надеяла на себя тогу Судьбы. Отступление армии ставилось лишь в вину государь, но о безобразиях тыла упорно молчалось. Тысячи пакалов войны, дезертиров и трусов прятались за Думой, которая упорно громила только недалекого царя.

Вот выдержки из письма депутата Огарева: "Меня берет просто отчаяние. В людях Думы я не вижу ни настоящих убеждений, ни подлинного желания работать, ни охота взглядеться в нужды народа. Мы не представители народа, а представители громких фраз и даже не своих, а грамфонно партийных. Ни одного серьезного дарования! Окурки мыслей, скандалы, ругань, сплетни, беспросветный кутеж, сделки, наем и вместо дела-разрушение... Рыжая фигура Родзянко появляется всюду. Это адвскат улицы.

Вспоминаю слова Толстого: "русский самоуверен потому, что ничего не знает и знать не хочет и не верит, чтобы можно что-нибудь знать. Нам-русским, хлеба не надо: мы друг друга едим и от того сыты бываем. В кулуарах вечно у всех на языках: Распутин, Протопопов, Симоневич, Рубанштайн. Этих пауков приплетают к царской семье. Во всем этом есть что-то гнусное по низости и подлости, и все это вьется вокруг, очевидного немецкого агента пьяницы Распутинка.

Любой мужицкий сход честнее Думы. И светские салоны и княжеские дворы и Дума превратились в одну обширную лакейскую. Законодательство, война, управление-все забыто во имя травли царя..."

В марте 1917 года, после тайного сговора Думских болтунов и командующих армиями, за исключением генералов А. М. Каледина и хана Нахичеванского, царь Николай II, получив в свои собственные руки коллективный ультиматум из рук Гучкова, отрекся от престола за себя и за сына Алексея.

Анализируя все прошлое, должен сказать, что жест государя был благороден. В сознании, что принявшие от него власть, также окажутся благородными, хотя бы по отношению к своему Отечеству. Но оказалось, что все эти думские болтуны не только не были благородны, но явились в роли подлых предателей, не только царя, но и всей империи, ввергнув ее в потоки крови и слез. И в свете этих фактов гнусное убийство царя и его безвинных детей перед Судьей Мира, снимает с последнего монарха все его вольные и невольные грехи.

Нужно подчеркнуть осербо, что Мартовская революция"сверху", благодаря согласия царя, была действительно первым в России светлым и прекрасным лучем Свободы.

Что же сделали с этой свободой, озаренные этим лучем Думские болтуны и вся радикальная тупомудрая интеллигенция? Луч света так их спеломил,

что от головокружения они потеряли разум, впрочем, его у них то и не было.

Было сформировано Временное Правительство. Во главе его поставили определенного труса, без всякого гражданского мужества, женственного истерика сексуально извращенного индивида Александра Федоровича Керенского. Все его отвратные качества были известны "творцам новой эры", но его оставили во главе и даже вручили ему пост Верховного Главнокомандующего, в военном деле абсолютно ничего не понимающего, как теперь в некоторых демократических странах Министры Обороны - без всякого понятия в военном деле и только обнижают и умаляют достоинство почтенных и боевых генералов.

Все знали, что Керенский определенный паяц для провинциального цирка. Но оказывалось, что таковой, для того исторического момента, был нужен. Кто-то "дергал за веревочку", - паяц плясал, выкрикивал поплые революционные зады, метался из стороны в сторону, усвоил даже жест Наполеона закладывать правую руку за борт френча, появлялся на фронте перед солдатами, вызывая своей дергающейся истерической фигуркой смех у последних.

Кто же "дергал эту веревочку?" До сих пор все, исследователи трагикомедии той эпохи, все плевки направляли на эту фигурку скомороха Керенского, но, ведь, этим даже, как будто, признавали за ним некоторую значимость исторического момента, как будто вся Судьба будущей России была в руках этого болтуна и, как будто, около него не было сдерживающих начал.

Всмотримся же пристальней в его окружение. И на первый взгляд вырисовывается, однако, за спиной Керенского жуткая, сильная, скрытая, умная и хитрая фигура Александра Ивановича Гучкова. Он то и "дергал" незаметно "веревочку" и явился пред лицом России главным предателем ее со всеми народностями империи. Он был главный виновник развала Армии. Кому это нужно было? Только Германии! Если в адрес Ленина брошен упрек, что он за деньги Германии привез для России plombированный вагон взрывчатого материала, в лице коммунистов, то вполне вероятно, что Гучков давно его опередил тихо, незаметно, скрытно явился главным агентом немецкого генерального штаба.

Что же он делает для выполнения поставленной ему задачи? Будучи военным министром, он отдает приказ №1 по Армии:

1/Снять с офицеров, чиновников, унтер-офицеров ПОГОНУ.

Гучков отлично знал, что мундир героя украшает, чем не красивее форма, тем носитель ее старается быть достойным этой красоты и тонус боеспособности такого воина повышается, чтобы не замарать честь мундира. Этот символ почитания мундира введен еще от глубокой древности. Даже в семьях простых мужиков, которым война приносила только несчастье, находились фотографии какого-либо члена семьи в военном мундире, да и у самого предателя Гучкова, вероятно, были деды тоже военные.

Блестящий парад воинской части всегда вызывал у гражданской публики восторг, а сами то парадующие перед взорами народных масс, как бы, перерождались. горели блеском глаза, грудь ширилась во всю, мускулатура ног напрягалась, стройность движения и равнение принимали изумительную правильную линию. Молодежь шла перед народом, а не только лишь перед начальником, как на экзамене, чтобы вселить и воплотить в народную массу уверенность, что проходящий парад будет таким же прекрасным, стройным, жертвенным и в сражениях для защиты своей Земли и Родины.

Без мундира солдат и офицер ничто иное, как полуглупый придурковатый пастух, таких же глупых овец.

Приказ №1 Гучкова, был первым и страшным ударом и великим оскорблением Армии, и она сразу же запаталась...

Гучков, видя что его приказ произвел колоссальное разрушительное действие на Армию, как настоящий палач, наносит второй удар своей жертве. Согласно §2, того же приказа, было приказано по Армии на командные должности не назначать, а избирать ротных, батальонных, полковых и пр. коман-

диров. Вот тут то и пошла потеха! Как и в пустобреховую Думу выскакивали "оратели", а не деловые люди, так и в Армии. случилось, поднялся неистовый гвалт. Для солдат малокультурных стало ясно, что военный министр не доверяет офицерам, а только верит "народу", а именно им-солдатам. Сразу же получилось раздвоение среди единой воинской части, а именно офицеры-кровопийцы и солдаты-ангелы.

§3 приказа Гучкова, был последним аккордом предательства Армии, ибо введены были Комитеты: ротные, полковые, дивизионные, корпусные и армейские. Штабная служба сразу же замерла. Высший начальник приказывает наступать, а Комитет, куда попали "оратели" и шкурники до деньчиков включительно, приказывает отступать...

Государственная Дума с "барабаном улицы" Родзянко, как его величали, находила распоряжение военного министра Гучкова чрезвычайно похвальным и достойным примером для сынов "отечества", которое уже рушилось в болото. Дураки! С упами из сапожного материала веселились по вертепам, пьянствовали и не слышали народного шума потому, что он не заставлял пока лепетаться их барабанным перепонкам.

После предательского приказа Гучкова, солдаты поняли, что власти нет, стали постепенно убивать офицеров, крича: "а, золотопогонники, кровопийцы! Теперь власть наша! Сотни тысяч погибло офицеров на фронте, часть из них шкурники из штабных, бежали в Петроград, где поднялась вакханалия пьянства, разгула и разврата, совместно с обществом и высшей знатью.

Сотни тысяч солдат двинулось с фронта, чтобы успеть захватить землю. Убежденные же дезертиры и бывшие сидельцы тюрем, избрали самое заманчивое занятие по дороге к своим селам, безнаказанно грабить и убивать.

От своего станичника, полковника генерального штаба Рытикова я получил письмо из Петрограда: "на улицах столицы пестрели с сотнями каких то знамен. Масса солдатни. Повсюду грязь, театры, рестораны, кабаки все полно и пьяно. Ты знаешь, я не поклонник кутежей, но зашел к Дону. Общай зал был заполнен высшей знатью. Дамы в роскошных платьях с оголенными спинами и бюстами. Проходя мимо одного стола, слышу голос красивой дамы: "Ах, как я ненавижу эту пресловутую родину: мужики в лаптях, мужички босяки, носы красные, холод, грязь. Я не была уже в имении 20 лет. Настоящая жизнь это Ривьера, Ницца, Канни, Италия. Вот там то и может быть настоящая любовь". Склонившийся к ее плечу генерал, пожирает ее глазами...

Все столики заняты блестящей публикой; гвардейцы, интенданты, князья, княгини, бывшие свитские, камергеры, думцы с Родзянко во главе и дамы, дамы в бриллиантах. Все еще приветствуют революцию, прославляют истерика Керенского. Пробки шампанского летят в потолок... В общем "пир во время чумы"... Проходя дальше, в район отдельных апартаментов, слышу: "Гасан /хозяин Дюнона-татарин/ давай женщин, побольше женщин", шум, визг певичек... танцы...

В Петербурге десятки тысяч офицеров. Все опалено сегодняшним днем, о завтрашнем не думает никто. После предательского приказа Гучкова, только безумцы могут мечтать о войне. Все кончено... Ты, может быть, спросишь: что же дальше? Дальше-Яма... На фронт я не поеду, -там делать нечего, а еду в станицу Каменскую процаться с умирающим отцом и останусь там, может быть пригожусь Атаману Каледину. Ты, там, в 3-й дивизии видный офицер, начитанный, побывавший в мирное время за границей, говори офицерам и казакам, что чем ни скорее они уйдут на Дон, тем лучше, чтобы не заразиться разваливающимся фронтом. Россия идет к пропасти. Нужно спасти Дон. С балкона дома Клесинской, прибывший с почетом из Швейцарии, глава большевиков Ленин, долбит толпе: "они вам обещают кое-что, а я дам вам все, грабь награбленное... Он, пожалуй, умнее всех и идет прямо своим предательским путем, зная прихвату несчастного великоросса, падкого на грабеж, представителя которого абсолютно неспособны создать свою государственность. А скажи им, что они дураки-обидятся. Итак, дорогой Иван Никитич, пока про-

пай, дай Бог увидеться на родном Дону". /П. Рытиков впоследствии был начальником Северного фронта, произведен в генералы и умер в Сербии/.

В дальнейшем изложении я буду лишь напоминать схематически драматические события, как материал-канва для будущего казачьего драматурга и его сценического творчества.

Произошло так называемое "Московское Сопевание", с главными актерами: А. Керенский, ген. Л. Корнилов и ген. А. Каледин. Последний от имени всех двенадцати Казачьих Войск категорически заявил, что необходимо пока не разразилась стихия тысячных убийств, грабежей и насилий разбушевавшейся распущенной солдатни, немедленно принять меры для водворения порядка, стремясь сохранить единство империи на федеративных началах всех народов, входящих в состав империи, придав федерации демократический строй; Казачьи Области будут настаивать на своих древних автономных началах, не нарушая целостности империи. Крестьянам дать землю в личное пользование.

Керенский, напичканный суфлером Гучковым, вскочил на трибуну и крикнул: "Значит применить террор и подвергнуть многих солдат, страдальцев оконной жизни, смертной казни?"

-Да! возразил Каледин-, но только после следствия и суда..

Керенский, пылая негодованием, резко крикнул:

-Я не позволю пролития даже единой капли крови!...

Раздались оглушительные овации. Надрывались больше всего истеричные курсиетки, попавшие впоследствии "страдальцам оконной жизни", в качестве постельной принадлежности.

Выступление "верховного главнокомандующего на час" ген. Л. Корнилова, с точки зрения офицерской этики и казачьего достоинства/он был сибирский казак/, просто нелепо: он, под шум оваций толпы и улицы, крикнул: "только через мой труп Николай II может вернуться к престолу". Бедный генерал, ничего не сделавший для укрепления дисциплины, в разрушенной Гучковым, Армии, он, вдруг, испугался живого трупа царя. Он вместо этого, отдал бы под суд Гучкова, да вспомнил бы свою присягу царю. А его арест бывшей царицы, да еще с малыми детьми, совершенно беззащитными, уронил всякое его казачье достоинство. Эти деликатные поступки, не его было дело компетенций, пусть бы беспокоились о этом члены Временного Правительства.

- Тем временем Ленин сформировал из дезертиров, черни, уголовных преступников "Комитеты рабочих и солдатских депутатов", наблюдая разложение среди правящего класса, сделал попытку захватить правительственные учреждения в Петербурге. Стоявшие в столице два Донских казачьих полка №1 и №4, легко подавили восстания. Ленин бежал в Финляндию. Все как бы утихло. Но недремлющий Гучков дернул в последний раз "веревочку", из Зимнего Дворца выскочил палец Керенский, крича: "я не позволю проливать братской крови и узурпировать казаками народную власть! Это идет контр-революция от Донского Атамана Каледина-мятежника..."

Тут Гучков подсунул паяцу приказ мобилизации двух военных округов: Московского и Казанского. И все покатило в пропасть. Запылали помещичьи усадьбы. Грабежи, безумные убийства приняли всеобщий стихийный характер. Зверски обезумевший "великоросский" народ-раб резал, кромсал, сжигал культурные ценности. Грандиозные пожары и дым окутав всю европейскую часть "Великороссии", застилал на тысячах верст горизонт; даже потемнело Небо.

В этом диком хаосе уже не жаль было человеческих существ, но колящим ужасом поражался слух от мычания беспомощных плодовых коров, которым "русские" садисты вырезывали вымя. Ржали болезненно плодовые жеребцы с перерезанными у них сухожилиями. Жги, бей, режь... ни нам и никому... кричала дикая орда "великорусского" мужика, воспетого славянофилами, как "богоносца", который показал неслышанное во всей всемирной истории белеństwo. Алтари церквей загаживались человеческим калом "богоносцев". Около некоторых церквей валялись трупы священников, детородные члены коих были вы-

резаны и положены на алтарь... Лицемерная полицейская церковь Московии за свои тайные доносы получала сторицей... достойную плату!

Когда искусной рукой Гучкова и Ко, поле действий очистилось от правительственных болтунов, разбегавшихся во все стороны с полными карманами, Ленину уже не было даже надобности организовывать крупные отряды, он выжидал еще несколько дней, и когда узнал, что командующий конным корпусом ген. Крымов убит заговорщиками Зимнего Дворца, то Ленин отрядил лишь роту матросов с пьяным "вождем" Железняком, от крика которого разбежались, как крысы, депутаты созданного наспех жалкого "Учредительного Собрания", еще раз подтвердившего абсолютную неспособность "великороссов" создать свою государственность. Для этого всегда требовался диктатор во главе рабов.

Воспользовавшись суматохой, Керенский не спал и не дремал: быстро обрил с лица скопца жиденькую волосистость, подчеркнул на лбу карандашом морщинки, одел женское платье кухарки Зимнего Дворца и задним ходом скрылся...

Знакомясь с деяниями королей, вождей, цезарей, императоров всемирной истории, были случаи убийства, казни, бегства в иные страны, но такого позорного поступка, когда глава великой Империи, обнимающей 1/6 суши Земного Шара, бежал в женской юбке, в истории всех народов не было!!! И куда же он бежал, спасая свою позорную шкуру? В классическую страну Казачьего народа, древний символ которого был: "с Дона выдачи нет!" И под чью же защиту? Под защиту благородного, носителя великой совести и Мученика ее Атамана А. М. Каледина, против которого этот паяц-трус мобилизовал два военных округа. Однако, благородный Атаман не принял эту мразь, приказав лишь своему помощнику М. П. Богаевскому выслушать этого труса и направить его туда, куда влечет его неведомая сила... Так кончилась бесславно Мартовская революция.

Наступала черная контр-революция, под флагом власти пролетариата. Здесь я позволю себе ввести некоторую символику, которая поможет понять дальнейшие драматические события.

На широкой, еле освещенной сцене, бесконтрольный Правитель великой империи Ленин ходит взад и вперед. Вдруг, из глубины сцены тихо движется фигура старца в царском одеянии с железной клюкой в правой руке. Подойдя к Ленину, он говорит: "Вот эта клюка была символом моей власти. Я ее убил даже своего родного сына, попытавшегося приостановить уничтожение боярского класса, мешавшего мне восстановить единую власть над русским народом. Я передаю Тебе эту клюку, убивай ею тех, кто попытается поднять хотя бы голос о вольности народа... им можно только управлять, как скотом железом и плаской, всю землю отдай крестьянам, пускай пахут, а урожай в пользу государства... Оставив в руке Ленина клюку, тень царя Грозного растворилась в воздухе. И вновь видение: из другого угла выросла гигантская фигура в одеянии шкипера. В руках его были плеть и секира.

"Вот плеть, которою я, Петр Великий, убил своего сына за страстное желание его приобщить мне комедийное христианское православие. Никакого Бога нет и вера в него-судий обман темного народа. А вот стальная секира, которой я собственноручно рубил головы всем, кто не хотел подчиниться моей воле ввести в рамках железной дисциплины единую неограниченную власть для создания исключительно материальной культуры. Руби беспощадно всех, кто ищет вольности, а превращай весь русский народ в единое рабочее стадо. Армия и флот должны быть сильны для захвата западных государств, как писал в своем завещании, но вклинились в династию немцы, от Екатерины и Петра Гольштинского и завещание не исполнено." Сказав последнее слово, тень быстро исчезла.

На азиатском лице Ленина пробежала довольная улыбка и думал он: "преемником великих царей Судьба указала на меня. А какой светлый ум у царя Грозного, за три века назад, он прекрасно разработал земельный вопрос.

Рабочий люд легко будет прикован к заводам и надзор за ним тоже легкий; но крестьянство на громадных пространствах ведь это иная стихия, требующая проявления инициативы и самостоятельности земледельца. Но, ведь, у Грозного то была "государева пашня", обрабатывали ее бесплатно крестьяне. А какая оглушительная сенсация декрета будет:

"Крестьяне! Вся земля империи переходит в Ваше распоряжение! Работайте на благо государства..."

А какой широкий размах у Петра Великого! Захват Европы... Зерно, по плану Грозного и революционная Армия по указанию Петра, какой триумф! и поклонятся все народы... Москве! Задумчиво ходит.

На сцене появляется Троцкий. Фигура Мефистофеля с козлиной бородкой. Он говорит:

-Необходимо открыть плюзы для очистки Петербурга от болотного хлама. Нужных людей, как специалистов, поставить на работу, из всего преступного люда составить боевые отряды для укрепления власти. Прекратить в городе грабеж дворцов-ценности пригодятся... Да, кстати, там ждет первая делегация, состоящая из цвета великосветских дам...

-Как дам?

-А, вот, увидишь.

На сцене появляются дамы, разодетые в шелк, с бриллиантами на оголенных шеях. Выстроившись в ряд, они делают перед Лениным глубокий, придворный реверанс, напоминающий приемы "короля солнца" Людовика XIV.

Впереди всех стоит княгиня Гурская тупая, но поразительно красивая и смелая.

-Ваше Сиятельство! Наши мужья, как обычно стары и по причине пьянства негодны. Мы требуем нормальной жизни для семейства и для любви...

-Народная власть стоит за нормальную свободную Любовь. И принцип власти: каждому по способности и каждому по потребности...

Звонок. Зрительный зал быстро наполняется матросами гвардейского экипажа и солдатами гвардейских полков. Все молодые, красивые, рослые. Идет от них гогот, как от жеребцов на конюшне.

Троцкий пепчет Ленину:

-Имей в виду, что светские дамы Петербурга развратили правящее сословие, а история всех народов говорит, что если верхи развращены, то государство рушится..., а поэтому окажи дамам свое доверие и преподай гвардейцам указание, как себя вести в новой их семейной обстановке.

Ленин, обращаясь к дамам, ласково говорит:

-Дорогие дамы! Вот в Ваше распоряжение цвет народа! Выбирайте! А вы, дорогие товарищи, объединившись с этими красивыми дамами, направляйтесь в их барские дома. Любите своих подруг и одновременно охраняйте ценности дворцов и домов от грабителей.

Второе действие. На сцену появляется генерал Брусилов в сопровождении всех бывших командовавших армиями. Ленин пожимает ему руку. Брусилов докладывает:

-95% офицеров генерального штаба и гвардейских полков в Вашем распоряжении, Владимир Ильич!

-Спасибо! - Садитесь товарищи генералы. Академию генерального штаба припести в нормальное состояние по старому образцу, введя в нее лишь дополнение в расчете на Мировую Революцию. В Академии будет введен политический комиссар. Военные училища открыть вновь. Контингентом бикеров должны быть дети пролетариата. Нам необходимо создать сильную боееспособную Красную Армию. Боевой нап фронт сперва будет направлен на Юг. Нам нужен Донецкий уголь, Терская нефть, Кубанская пшеница. Лошади Донского коннозаводства и скот Юго-Востока и Украины. На вас, товарищ генерал Сытин, возлагается серьезная задача: вести непрерывную разведку в сторону Казахских областей. Чисто политические задания вы будете получать от меня через товарища Троцкого и его помощника Антонова-Овсенкова, который

уже находится в Воронеже. С соответственным штатом пропагандистов, его задача организовать боевые группы из крестьян Донской области, но пока удерживать их от военных действий, т.к. казаки фронтовики находятся в спящем состоянии нейтралитета. Никаких насильственных реквизиций, а особенно сдерживать поползновения красноармейцев на честь гордых казачек. Там уж был случай, когда проходившие эшелоны из Луганска с корпусом Саблина и Ворошилова в направлении ст. Лихой и далее - Царицын, и одна рота попыталась реквизицию и прокатиться по казачкам, то она была ночью вся перерубана казаками станицы Гундоровской.

У Атамана Каледина войск нет, но это не значит, что необходимо двигать наши части для захвата Новочеркасска. Его нужно взять руками только казаков, признавших нашу народную власть. Послепим-людей насмешим и завяжется затяжная война. Сбежавшие на Дон генералы Алексеев, Деникин, Драгомиров, Марков, Романовский и др. нам не так, то страшны, они даже нам помсгут тем, что они по своему туполобию будут настаивать на том, чтобы казачьи государственные образования подчинились им для восстановления старого режима, а казачья масса настроена демократически - стоит за свою древнюю автономию и готова пойти на федерацию с народами империи. Вот эту рознь политических и социальных поделений между случайных союзников" и необходимо нам поддерживать. Благоприятные симптомы для этого то, что остатки казачьего дворянства, вследствие потери ими громадных земельных владений, будут тянуть руку Деникина и против казачьей массы. Вот пска все. Идите и нелицемерно работайте на пользу советского народа. Если работа будет хороша - будете в почете, но имейте в виду, что если будет замечен саботаж, то рука народной власти для проявления жестокости не дрогнет...

На сцене опять двое.

Троцкий говорит:

- Народы России, после упразднения царской власти, почувствовали некоторое веяние гражданских свобод, если эту "оттепель" будем проводить и мы, то наша задача будет чрезвычайно трудна, и не только о мировой революции, но даже проведение социализма и коммунизма в одной нашей стране, не придется и мечтать. Нужно эту дурь о вольности выжечь каленым железом и вновь, путем террора и насилий, привести все население в рабское состояние, вселить ему истерический страх и довести его до пределов состояния психики времен царя Грозного и Великого Петра.

- Да, ты Лев-прав! Завтра мы выпустим декрет. И всю эту разнузданную массу дезертиров, убийц, каторжан двинем на всероссийский грабеж. Иного выхода нет. Я уверен, что эта голытьба, залитая с головы до ног кровью буржуев, сольется в могучие боевые дружины, кровь их скрепит. И они сделают в конечном счете великий подвиг закрепления нашей власти.

Третье действие. На сцене полностью весь "пломбированный вагон", присланный немцами коммунистов: Троцкий, Бухарин, Рыков, Радек, Луначарский и др. во главе с Лениным. Весь зрительный зал наполнен до отказа. На первых скамьях и в ложах "краса и гордость революции" - матросы и сияющий празднично пролетариат, у некоторых свернуты скулы и синяки на лицах. Многие переодеты в одежду буржуев. Стоит шум, гомог, сальные выкрики.

Встает Ленин, делает знак рукой, наступает тишина.

- Товарищи! Настал момент для вас счастливый. Все те страдания, голод, холод, кои вы перетерпели от кровопийцев-буржуев, должны прекратиться. Если они обещали вам кое-что, я вам дам все: дома, одежду, сытую пищу, деньги для удовольствий. Все, что возмущается перед пролетариатом должно быть уничтожено в стране; жизнь и имущество буржуев даются в полное ваше распоряжение; все буржуями награбленное должно быть ваше. Составляйте боевые бригады, воссужайтесь до зубов, режьте и убивайте врагов народа, проявите жестокую пролетарскую власть, искореняйте под корень всех заговорщиков, диверсантов, шпионов буржуазных стран. Создавайте в местах наибольших скоплений, в городах, революционные трибуналы, где должен быть суд

пролетарски справедливый и главное скорый-всех заподозренных к стенке. Завести также Чрезвычайные Комиссии для раскрытия заговоров против народной власти, применяя при этом все инквизиционные методы всех времен и народов. Чекист должен быть тверд, решителен, неумолим. Он-страж революции, он-гордость народа. Вся земля страны передается в распоряжение крестьян. Папите, сейте, зерно храните в общественных амбарах, под руководством комиссара и Комитета бедноты.

Все фабрики и заводы передаются в распоряжение рабочих под руководством заводских комитетов. В общем вся власть комитетам на местах!

Занавес спустился... И страну окутал мрак.

...:...

Изучая всеобщую историю народов Земного Шара, мы должны прийти к выводу о беспрестанно движущихся и изменяющихся процессах жизни. Человечество не находилось и не будет находиться в одном каком-либо застывшем раз навсегда состоянии, хотя бы это состояние и было бы идеалом жизни. Это было бы застоем, равносильным смерти, а человечество может умереть только со смертью Земного Шара, на котором мы живем. При постоянном движении человечества вперед и при наличии величайших открытий и изобретений, в самосознании людей должен возникнуть смелый вопрос, а не смогут ли люди при своем быстром интеллектуальном развитии в течении тысячелетий, предвидеть тот катастрофический момент в жизни Земли, о котором когда-то ведал Апостол Петр, что Земля сгорит, и переселиться до наступления его на другие планеты? По силе своих знаний и предвидений, а также нравственному совершенствованию люди постепенно будут приближаться к божеству. А ведь давно сказано, что невозможно для человека, то возможно Богу, деяние которого и внедряется в ум человека, приобщая ему великие знания.

Но как же быть с коммунистами/"большевиками"/, которые со своей безумной идеей мировой революции, стараются перебить тех, кто более всего нравственно совершенствуется? Ведь они не допустят свободного переселения на другие планеты, без их разрешения.

Идейных коммунистов, людей фантастически преданных делу коммунизма мало. Ловкие проходимцы и первостепенные прохвосты, прикрываясь как цитом, неприкосновенным именем "коммунист", твердили и твердят, во имя коммунизма, всевозможные безобразия и возмутительные насилия, избегая ролей, где приходилось бы жертвовать личными интересами и жизнью.

Главарь коммунизма, уклонился от естественного жизненного закона эволюции-постепенного развития, и слился с преступным элементом и подонками народа, предрасположенного лишь к гражданским преступлениям и к ненасытной алчности к наживе. Истинных коммунистов повторяю мало.

Работов приспособляющейся мысли их, коммунистический СССР/б.Россия/ был превращен в милитаристическое самодержавно-бюрократическое государство, с явно буржуазными капиталистическими тенденциями в области экономической политики. Коммунизм оказался полным народным банкротом, превратившись в типичную восточную, азиатскую былых времен, деспотию, с методами русско-московского самодержавия Ивана Грозного.

Если бы главарь не производил бы кровавые насилия, то вся их фразеология: "контр-революционный дух, мелко-буржуазная стихия, мецанско-анархические элементы и пр. и пр.", то они бы напоминали ученых скворцов или попугаев, в головах которых засели заученные слова, которыми они и оперируют в словозвержении, пытаясь осветить такие живые и режущие ум и сердца факты, как голод, ницета "на бескровном фронте", восстание белогвардейцев,

До сих пор, за 50 лет, коммунисты не разрешили жуткого вопроса разницы между рабочим и земледельцем. Рабочий привязан к заводу, а земледельца на громаднейшем пространстве привязать трудно. Земледелец по натуре собственник, а собственность создавалась веками и вытрапить это чувство

трудно. Аракчеевские поселения, в виде колхозов, противны хозяину-земледельцу.

Все виды частной собственности русские коммунисты свалили в общую кучу и предоставили сечь ее темной, жадной и разнузданной массе. В результате-ужасные последствия: уничтожили не частную собственность, а общечеловеческую культуру, и все это служит ярким показателем русско-коммунистического бессилия и недомыслия, обедневши страну и культуру, нельзя сводить на нет развитие личного начала, инициативы и самостоятельности. Приходится обспирной стране покупать зерно от "гнилого Запада".

Нельзя переделать натуру человека. Даже взять рабочего с его личной собственностью. Он обыкновенно тянется к своей лопате, которой он привык есть, к своему топору или лопате, к своему виду труда, к своим приемам, к своей постели, к своей одежде, он не тянется к "коллективному сапогу". Посягните на эти привычки, лишите свободы человека иметь "свое", и он превратится в пепку, в безвольное существо, потеряет предрасположение к инициативе, творчеству, потеряет голову. Такому рабу-цена не высокая. При таких рабах мечтать о культурных завоеваниях не приходится. Допустим, что русские коммунисты или их преемники, разумеется, не бежавшие из каторги или тюрьмы разбойники, создадут "рай", где не будет нужды в пище, одежде, ни в жилище, ни в пресыщении ума и эстетических потребностях, то такое райское житье превратило бы человека в безличное и бессодержательное существо, даже глупее свиньи в болоте.

Русские коммунисты не дали в области социалистического распределения ничего нового, а еще хуже старого и повторяют зады-самовластия деспотов, которые кричат о кровопийцах буржуах и сулят миру справедливейшие порядки, царство правды и материального благополучия, а на деле обращаются в сверх-буржуев, набивая свой желудки коммунистическими "пайками", держа в черном теле голодающих рабов. Оказывается существуют пайки: гражданский, чрезвычайный, ударный, военный, коммунистический, комиссарский, кремлевский и ленинский. При этом применяются точно в жизни, обычные приемы империалистов, неограниченность "верховой" власти, подавление всех свобод, угнетение личности и общества, военные насилия с присущей жестокостью; в этом отношении они перегнали самодержавие царей.

Русский коммунизм, это-не пролетарское движение, а лишь тюрьма народов, о чем уже говорит западно-европейский пролетариат, "шило в мешке не утаишь".

Какое же творчество русского коммунизма в военном смысле? Готовясь к войне за мировое владычество, они строят армию. Но это не народное движение и не революционное, а военная экспедиция московитов-"великороссов".

Относительно же страхом будущего, для разбоя московскими/"русскими"/коммунистами в мировом масштабе, то этот специфический русский коммунизм, исторически воплотившийся в рабскую душу московитов/"русских"/от времен царя Ивана IV Грозного, не имеет под собой точки опоры потому, что он вытекает не из основ действительной экономической жизни, пропущенной длинный исторический путь эволюции/последовательного развития/, как это следовало бы по учению Карла Маркса, а из эфемерных выдумок и лжи. Он отрицает демократические начала, как высшие нормы человеческой жизни, предпочитая им необузданную военную диктатуру, бесконтрольную власть, произвол и террор. Ему чужды идеалы обычной, веками сложившейся нравственности, он заменяет их скрытой подпольной пропагандой, ложью и широким шпионажем. Он экономически бессилен, т.к. кроме разрушительных фактов старых экономических форм, ничего нового не дал, расходуя все те ценности империи, которые он узурпировал у частных лиц, начиная с императорских сбережений. Он оказался катастрофически регрессивным и уступает свои "социалистические" позиции капиталистическим формам и операциям и уже просит у Запада кредиты... Он не имеет ничего общего ни с социализмом, ни с либеральными течениями жизни, а превратился в гнетущий аппарат самодержав-

ной деспотии.

Все эти отрицательные качества московских/"русских"/коммунистов, поскольку они были скрыты "железным занавесом", до некоторой степени не были заметны пролетариату Запада. Но теперь, когда из "рая" бегут уже многие на Запад, а из Запада посещают этот "рай" социалисты, то вся ложь Москвы /СССР/ уже вскрыта, и не далек тот момент, когда этот зверино-бандитский московский/"русский"/коммунизм исчезнет на веки.

О возникшей войне между оголтелыми москвитями/"русскими"/и Казачьим народом, начиная с 1917 по 1920 г.г., я не буду распространяться, т.к. это не входит в программу моего труда потому, что эта эпоха достаточно освещена Казачьей исторической литературой, я только коснусь лишь политических и социальных причин возникновения этой войны.

Самодержавие не сумело, да и не хотело в свое время сохранить былое самоуправление и автономию различным областям империи. Временное Правительство женственного пута А.Ф. Керенского и Гучкова также не понимало значения автономии областей. А Государственная Дума партийных болтунов приходила в ужас от слова даже "федерация" и смотрели все эти партии на это, как на раскол, на измену "единой неделимой России". И поэтому, громы и молнии металась пустыми громовержцами против самостоятельного Дона, против свободолюбивой Кубани и Терека, против обособившейся Грузии и т. д. Особенно рвали и метали правые партии. Особенно возмущала их Кубань.

Как это, "какая то Кубань" осмелилась составить свою Конституцию, иметь свой Парламент/Раду/, наладить свои экономические и финансовые дела. Значит, она праждебна России? - кричали рабовладельцы - "великороссы". А поэтому ее надо завоевывать...

А между тем, Кубанские казаки считали, как им внушили московские агитаторы, что хозяином России должно явиться Всероссийское Учредительное Собрание/"Учредилка"/. Но "власть" определила, что Кубань - сепаратное образование. Что Дон объявил себя самостоятельным государством, кричали меньше, а бельмом явилась особенно Кубань.

А между тем, при сложившихся исторических условиях, не было и не могло быть иного пути. Можно было, при здравом уме, идти в будущем строительстве, от частей к целому государству, а не от целого, какового уже не было, по вине сперва болтунов, а затем негодяев, к частям.

Естественно, что с первых же дней революции, каждая область, имея в прошлом независимость или автономию, потянулась к своей самостоятельной жизни. Это было здоровое, чисто органическое Казачье Движение. Нужно было крепко организовать областям, чтобы из крепких областей создавать еще более крепкое целое. И вот, благодаря тупоумию одних и предательству других, Временного Правительства и болтливой Думы, хозяевами положения стали русские коммунисты. Если бы во время успели организовать Казаки в Юго-Восточный Союз Дона, Кубани, Терека и Горных и Степных Народов Кавказа, то нынешняя картина была бы иной. К этому Союзу потянулась бы и Украина, если у ее руководителей не оказались бы мозги забитые империализмом. Федеративная мысль казаков распространилась бы в сторону Туркестана и Средней Азии. Тогда смысл этой федерации понимали очень немногие казаки. А теперь согласны с этим уже многие.

Было большим преступлением проводить нелепую систему объединения всех тех государственных образований, кои вырисовались в 1918 году с помощью грубой силы и завоеваний, как это делают русские коммунисты и, как это делали тупые "освободители" Деникин со своим "Особым Советом" и Врангель.

Как известно, Деникин повел войну, не имея достаточных сил, против народов Кавказа. Методы карательных отрядов в Ставропольской губернии привели до того, что население этой губернии, когда-то бывшие казаки, перешли на сторону русских. Агрессивные меры против Украины, понизили возмож-

ность ее бороться против русских коммунистов.

Казаки Дона, Кубани, Терека и Астрахани, сильные своими демократическими установлениями, освященными древней историей, неприязненно относились к грубым мерам т. наз. "добровольческой" армии, почти бессильной, но крикливой за несуществующую уже "единую неделимую Россию".

Все эта, ничтожная духовно группа генералов с Антоном Деникиным во главе, предавши своего царя, решила покончить и с демократическими началами Казачьих Краев. План их выразился сперва в том, что они привели в действие все свои гнусности против Донского Атамана генерала П. Н. Краснова, прекрасного организатора Донской самостоятельной Армии и энергичного проводника идеи создания Юго-Восточного Союза Казачьих Краев с Кавказом. В свою преступную игру они сумели втянуть союзное командование Франции и Англии тем, что интересы этих государств возможны только при наличии "единой неделимой России". А если Атаман П. Н. Краснов образует отдельное государственное образование, то надежды на барыши в пользу союзников будут проблематичны. Союзное командование, узнав еще от Деникина, что Атаман П. Н. Краснов сторонник Германии, отказалось снабжать Донскую Армию боеприпасами. Атаман П. Н. Краснов вынужден был покинуть свой пост Атамана, что сильно отразилось на моральном самосознании Донских казаков, т. к. они Главу Тихого Дона любили, за исключением остатков дворянских поколений, т. к. согласно "Основным Законам" Всевеликого Войска Донского, основанном на началах народоправства, все сословия упразднились и захваченные дворянами раньше земли, переходили в распоряжение Государства Дона.

На место П. Н. Краснова, под воздействием депутатов Круга дворянских последней, был избран свитский генерал А. П. Богаевский, человек определенно друличный-сторонник А. Деникина и его идеи "единой неделимой России", с полным подчинением Дона, по усмотрению этой "неделимой".

Произведя этот удар по целостному при П. Н. Краснове сильному организму Дона и раздвоив его на противоположные друг другу части, А. Деникин и Ко подняли свои преступные головы и стали готовить второй удар по демократии Кубани. Был гнусно убит в спину в Ростове на Дону, во время Конференции трех союзных Казачьих Краев-Дона, Кубани и Терека, Председатель Кубанского Парламента/Рады/ Николай Степанович Рябовол. Повешен, выдающийся казачий патрист, Член Рады, Священник Алексей Иванович Кулабухов, разогнан, при содействии Кубанского дегенерата генерала Вячеслава Григорьевича Науменко, Парламент/Рада, по плану ген. П. Врангеля/, 12 самых видных депутатов Рады были арестованы и высланы за границу. По всей Кубани пошли карательные отряды, как в завоеванной земле.

Боевые Кубанские воинские части на Северном фронте, узнав о этих преступных деяниях банды русских генералов с Антоном Деникиным во главе, бросили фронт и пошли на Кубань, чтобы защитить свои станицы от грабительских отрядов белого русского коммуниста ген. А. Деникина.

Положение Казачьего народа оказалось критическим: с Севера били зверо-подобные русские коммунисты, а с тыла била "белая" банда, уже белых русских коммунистов. В таких условиях вести войну на два фронта, было немислимо. Подчиняться же тупому диктатору русскому А. Деникину, было противно для казачьего исторического достоинства. Даже царям, казаки, вести себя на поводу, проявляли отпор, а уж белому коммунисту, от своего московского народа, генералу и подавно.

Весь Юг был захвачен русскими коммунистами, благодаря громадному содействию беглых русских генералов, во главе с ген. А. И. Деникиным. Плагаю, что за эту помощь, русское коммунистическое правительство должно бы воздать почести ген. Антону Деникину, пожаловав ему хотя посмертно званием маршала, хотя за все это поснепила Англия пожаловать Деникину Лорда и много своих орденов.

Впрочем, уезжая от берегов Крыма, на английском броненосце, Деникин не

унывал, т.к. предвидя крах, все награбленные казачьи ценности: уголь, пшеница, нефть, донские скакуны, скот были отправлены на кораблях Черноморского флота за границу для продажи. Последние его слова на борту броненосца, в сторону потопленной в крови и слезах Европейской России, были:

"ПУСТЬ БУДЕТ РОССИЯ СОВЕТСКАЯ/читай: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ, прим. наше/, НО ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ".

Ушли преступные соратники ген. А.И. Деникина в Царство теней, подох и он сам-главный авантюрист. В Свободной Америке/США/поставлен ему богатый мавзолей за средства, награбленные в стране КАЗАКОВ-КАЗАКИИ. Но, нет нигде не только мавзолеев, но даже надгробных плит тем КАЗАКАМ-ГЕРОЯМ, которые положили душу свою за Родную Казачью Степь и ее Святую Свободу. Крепко спят бойцы в безвестных могилах. Они живут лишь в песнях народа и в полузабытых сказаниях. Душа старых песнопений вселяется в молодые сердца сильных духом тех сынов и внуков, кто способен брызгать своей алой кровью и кто не тратит на обманчивую мечту своих слез. У обрызганных святой кровью бедных очагах, куда заползали герои зализывать свои раны, вновь рождаются новые Казаки. Ведь пелась для них колибельная песнь родной Матери. Живые рассказы ее о виденных мучениях, о героях дедах и отцах воспитают отвагу сквозь бури и грозы. Иные ушли далеко, далеко, в другие, счастливые или казавшиеся такими, страны, и принесут оттуда, как божественный огонь знания, силу, отвагу на пользу Своего Родного Казачьего народа. Они не найдут родных могил, но сама Мать-Природа укажет им где спят незабытые герои.

Велик и славен Создатель Мира, благословляя Мать-Природу. В потемках поднялись цветы, припали к надгробию умерших, точно положили на них розовые головки и... спят. Спят вместе с теми, к кому пробиваются, в мистическую подземную тьму, цепкие корни... Смотришь на них, и... чудится, как будто мертвые смотрят незримиными очами этих цветов и дышат их ароматными лепестками. Ничто, дышавшее ароматом Земли и осеянное лучами Солнца, не пропадет. Из вечности прошлого, в вечность будущего, продолжается неизменно жизнь, не прерываясь никогда, и бессмертный Дух героев через закон перевоплощения, вновь появится в обновленных телах на Родной Земле!

Где картины, которые бы, в красках художника и образе поэта, передали бы подвиги родных Казаков своим потомкам? Одна лишь песня-это Ковчег Завета-, где народ хранит свои святыни, поет о них в бедных куренях или на ковыльной Степи. Но этого достаточно, чтобы в груди подымалась бы угаром жажда подвига, и эти родные песни вдохновляют не только молодых, но стар и слаб, при родных звуках, вдруг, чувствует себя сильным и говорит о родных предках, простых сердцем, плававших когда-то огнем отваги, гордые своей честью, славой и жертвой за свободу Казачьего народа. И великие сердца предков, как бы, бьются под слоями кормилицы Земли. Даже сама Природа украсила пышными цветами их могилы, и как у этих могил Природа ожидает Причастников для таковой же священной борьбы с торжествующим Хамом рабства и угнетения.

И поэт торжественно говорит: "живи, покуда кровь играет в жилах, станешь стариться-нарви цветов, растущих на могилах, и ими Сердце обнови!"

Лучшие люди Мира говорили, что молчаливые могилы говорят громче живых, в них скрита мудрость веков, которая напоминает о красоте делний наших славных предков, о их жертве за свой Порог и Угол. Были смерти, за которые восторженные души радостно отдавали целые годы борьбы, вместо спокойной, покорной и поэтому бесолодной жизни.

И тысячи тысяч завидовали тем героям, которые жизнь свою положили за прекрасную Казачью Степь и за нескрывающее Солнце Свободы и рассказывали о них тем, кто будет жить после нас, нашим внукам и правнукам и воздавать славу Казачьему Народу. Не будем же петь у могил за упокой, а думать о живых и бодрых. Не будем предаваться тоске и грусти. Не, ведь, в казачьей грусти струны души поют о подвиге. И достаточно лишь казачьему поэту сказать: "не слышать там больше песен заунывных, песен заунывных

про степных орлов, песен нам знакомых о делах былинных, о делах всех славных, вольных казаков. Не гутарят больше о делах станичных старики охотно на майдане там, и распял Казачку на Кресте публично, из Москвы прибывший неизвестный ХАМ!

Как рука сжимается в мощный кулак и готов уже вспыхнуть громкий крик: Сполох, родные Казаки! Но, нет под рукой Казачьей Силы, рассеяна она по всему Земному Шару... Что же за причины? Какие бури и ветры рассыпали листья когда-то мощного Казачьего Дуба? Единого и не расколотого? Ведь какал грозная сила казачья была у Азова. Самая могущественная Турецкая Армия пала перед стенами, уже почти разрушенной, крепости. Да, были тогда Атаманы-Орлы несокрушимой воли и Казаки бесстрашные в боях. Не стало Атаманов: продали Казачью Славу беспутной номки, государственной проститутке, Екатерине II за пошлое дворянство и за разрешение грабить лучшие участки Казачьей Земли!

Вот за этот грех и рассеял нас Господь по странам Мира. Была и будет Истина: когда верхи общества развращены духовно, то рушится государство и гибнет народ. Так рушились грандиозные империи: Чингис-Хана, Римская, Византийская. Рушилось государство в веках и Иудейское... и народ его рассеян тоже по всему Земному Шару. Таким образом, Судьба Евреев и Казаков аналогична. Но разница в том, что евреи, оказавшись в рассеянии, вспоминали старые традиции и свой народный Закон. И мы видим, что под воздействием этой старины, дух евреев не угас, а наоборот поднялся и представляет такую мощную силу, что воздействует на многие государства не только в экономическом смысле, но и политико-социальном. Для евреев даже рассеяние, как бы даже выгоднее, чтобы проводить некоторые мероприятия по отдельным странам. Никакие им бомбы не страшны, ибо они прикрыты другими народами, а всех народов не перебьешь, если Земля останется целой.

Казаки же, забыв свое древнее единство, увенчанное вековой Славой, расслоилось. Заразой этой расслойки, как я уже указал, было продажное дворянство, на путях подавления Казачьей Самобытности и рабского служения Москве. Быть дворянином Москвы-позор! Быть же дворянином Казачьего народа и не падать себя, жертвуя за благоденствие народа-почет!

Лично я, пишущий эти строки, по закону Российской империи, имею право на потомственное дворянство, но на кой черт оно мне, когда стонет истязуемой Москвой родной мой Казачий Народ. Дворянская зараза еще не испарилась в Казачьем Зарубежье и иногда некий, потеряв совесть, заплывает, что он "русский казак", иначе говоря, что он московский раб. Такое позорное самооплевание может выдумать только ненормальный.

РОДНЫЕ КАЗАКИ! Выбросьте из головы подобные заблуждения, оставьте темные дорожки и пошлые закоулки, переходите на Светлый Казачий Шлях блистательной Старини наших предков в единстве и любви друг к другу. Судьба рассеяла нас не зря, она ждет раскаяния и жертвы за свой окровавленный народ и ждет от нас апостольской пропаганды. Для каждого теперь ясно, что если мы будем едины, то будем спасены.

В данный момент мы, по своей малочисленности, если и не сможем соперничать многого, то малое обеспечено тем, что против мирового зла коммунизма, работают уже многие государства и в их общий концерт, тон Казачьего Единства за рубежом, будет услышан. Цементирующим фактом для нашего единства должна послужить истинная правдивая Казачья История, многие которой еще не знают, но она уже есть, которая приоткрывает завесу тысяч веков на древнее существование Казачьего Народа четыре тысячи лет тому назад. Долгая, трудная была дорога наших предков, но они все же, при своей мудрости и жертве, довели своих потомков до настоящих смутных лет, всегда следуя по пути КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. Это наименование не сегодняшних вымыслов, а это-древность. И казаки патриоты на верном пути, преемственно восприняв это название, выражая его кратко: "К.Н.О.Д."

Также преименувано в злато наименование: "Верховный Круг", как продолжение того Верховного Круга, который был создан на Родной Земле силами Дона, Кубани, Терека, Астрахани в январе 1920 года.

Каждые три года происходят выборы в Верховный Круг. Идите на него все весело, бодро, с поднятой Головой. Проявите свои знания, жертвенность и любовь к страждущему родному народу. Образуйте мощное Казачье Представительство и только тогда голос Казаков будет услышан народами Земного Шара. Это единственный правильный путь восстановить Казачью Честь, поколебленную различными "вождиками" и сохранить билос Казачье достоинство. Да поможет Вам Творец Мира!

Франция. 1965 год.

Генерал И.Н.Коноводов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вдумываясь в результаты войны 1917-1920 г.г., между "Великороссией" и Казачьим Народом, приходится задать себе вопрос:

Почему Казачий народ потерпел поражение, до физического уничтожения включительно одних и лишения вековой свободы других? Ведь вся его четырехтысячная история ярко подчеркивает, что он выходил с честью из самых сложных, иногда непреодолимых, обстоятельств на исторической сцене, иногда путем сружия, а порой политическими договорами с сильнейшим противником. Ведь не так давно пронумовали страшные сражения Казаков в 1569 году, когда могущественная Турецкая Армия решила сбить Казаков с Дона, прорыть канал между р.р. Волгой и Доном, соединив Царьград с магометанскими царствами Казанью и Астраханью, одним путем и разрушить Московское государство. Казаки разбили Турок.

Перед всей тогдашней Европой пролетела, как светлый метеор, также победа Казаков у Азова в 1641 году, равной которой не было в истории всех времен и народов, когда громадная армия Турок была разгромлена у стен этой крепости...

И, вдруг, в 1920 году тот же, казалось, несокрушимый Крестonosец Свободы-Казак, потерпел поражение от векового "великороссского" раба??? Есть о чем задуматься!

Каковы же были причины, повлекшие за собой Казачью Трагедию? Правда, пришлось сражаться против 80 миллионов "великороссского" народа, который при нормальном течении жизни, до войны 1914 года, не смог бы победить казаков, как не победил до конца Петр I Дикий. Что же случилось?

В отношении "великороссов" и казаков, руководители русской коммунистической власти сумели разбудить вековое рабство на "миг" не идеей коммунизма, как такового, а иллюзией раба стать вдруг "господином" и лозунг: "грабь награбленное", сыграл могучую роль в победе над Казаками.

"Великороссы", воспитанные в веках Рюриковичами-Варягами на грабежах и насилиях побежденных народов, с энтузиазмом восприняло клич свободы грабежа и стихийно двинулись к... будущему своему господству, уничтожая все на своем пути, подобно диким Гуннам 375 года. Правда, что эти энтузиасты после "победы", попали вновь в то же рабство, в котором они пребывали ранее, но задачу русско-коммунистических руководителей выполнили, во вред себе, однако.

Это одна из причин поражения Казаков в стихийном движении северных рабов на благодатный свободный Юг.

Вторая причина, довольно роковая, это-расслоение Казаков на богатых и бедных, на дворян и простых.

Казачье дворянское сословие все свои богатства привилегии сохраняло при наличии поощрения верховной российской власти и встретило Казачьи самостоятельные государственные образования, с кислой-миной недружелюбия, относясь даже отрицательно к Юго-Восточному Союзу Дона, Кубани, Тере-

ка и Кавказских народов и, поэтому поддерживало авантюру беглых "русских" генералов во главе с Деникиным, в чьи планы, что все перемелится и мельница российская будет работать на их пользу.

Это расслоение социального порядка, при наличии в Казачьей Армии офицеров-дворян, естественно отражалось на снижении боевого Духа народных Казачьих масс.

А третья и даже главная причина, это - политическое младенчество Казачьего народа, не знавшего своей древней истинной Истории, которая на ряду веков заправлялась центральной властью, в целях руссификации покоренных народов.

Если бы казаки знали свою правдивую Историю, а не извращение ЕЕ лже-историками Московии/"России"/, именно ту, которая существовала за три тысячи лет, когда о "Руси", о "великороссии", о Московии и пр. не было и в помине, то одно лишь сознание своего первородства, своего Казачьего древнего достоинства, своей Чести и Славы, двигало бы Казаков на жертвенный подвиг на путях своих доблестных предков - любимцев Свободы, Равенства и Братства.

И вот мы видим, как некоторые Казаки /И.Ф. Быкадоров, И.П. Бударов, А.К. Ленинков/ начинают заниматься усиленно исследованиями древней Казачьей Истории.

Моей лично заветной мечтой тоже было найти корень Казачьей Истории родного народа. Но, как трудно в современности эту мечту превратить в жизнь, когда в борьбе за кусок хлеба, приходится переходить по стогнам заграничного мира в изыскании средств для осуществления Святой мечты. А тут еще, как на грех, пропятыствуют не только чужие, но казалось и свои же казаки, из ряда тех, кто претендует на "власть" и руководство над Казачьим Зарубежьем, и всякое начинание казака-патриота эти "вожди" почитают, как соперничество своей "власти" и стараются снизить авторитет такого смельчака, убивая этим и надежду на материальную помощь казачьей массы.

В таком положении находился и я долгое время "хождения по мукам". Но, наконец, три года тому назад, Председатель Казачье-Американского Народного Союза /КАНС/ Г.Л. Еременко написал мне в довольно категорической форме: "не обращайтесь внимания на то, что говорят о Вас провокаторы, а пишите Казачью Историю. Союз возьмет на себя обязанность издать Ваш труд". Эту мысль поддержал Верховный Атаман КНСДа в Зарубежье Н.Н. Каледин. Но самый жертвенный труд печатания и издания взял на свои плечи, большой труженик-редактор журнала "Казачья Жизнь" Ф.Г. Бигдай.

И если мой труд, под названием "КАЗАЧИЙ НАРОД", найдет в душах Казаков и Казачек и их потомков теплый душевный отклик, то я этим обязан вышеупомянутым патриотам, и имена их неразрывно будут проходить наряду с моим трудом в сердцах наших потомков. Да будет слава им!

КОНЕЦ.

Франция.

Генерал И.Н. Коноводов.

О Г Л А В Л Е Н И Е :

Участие казаков в Московской смуте.....7
"Казачий царь".....11
Преступная политика Москвы.....28
Страшная битва за древний город Азак-Азов.....32
Значение Азовского сражения.....38
Великий революционный Атаман Дона Степан Тимофеевич Разин.....48
Донской Атаман Кондратий Афанасьевич Булавин.....59
Великий революционер Донской Казак Емельян Иванович Пугачев.....71
Эпоха волнений Кавачьего Народа в царствовании Екатерины.....81
Донской Атаман Степан Ефремов.....85
Царствование лже-Романовых немцев.....93
Донской Атаман Адриан Карпович Денисов.....109
Славнейший Казак Тихого Дона Василий Дмитриевич Сухоруков.....111
Царь "Освободитель".....122
Революционное движение 1860-1870 г.г.в России.....123
Заключение.....148

О П Е Ч А Т К И :

<u>Страница:</u>	<u>Строчка:</u>	<u>Напечатано:</u>	<u>Следует:</u>
9	20 снизу	Гарнизон большой	Гарнизон проявил больш- шой
10	13 сверху	князя Труцкого,	князя Трубецкого,
11	10 сверху	гомогласно	громогласно
11	14 сверху	могласен	многогласен
26	4 снизу	последил	послужил
28	18 сверху	до Дна	до Дона
29	24 снизу	уках	указ
39	10 снизу	Преитупный	Преступный
62	10 сверху	хоронах	хоромах
97	24 сверху	"Золотой молежи",	"Золотой молодежи",
98	8 сверху	лелент	лежит
101	2 сверху	гдсподствовать,	господствовать,
101	7 сверху	имранство-такой	тиранство-такой
115	5 сверху	Рсачка	Русачка